MUSIC - UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 10876165 1

Исаак Дунаевский в гостях Михаила Булакова

Isaak Dunaevsky visiting Mikhail Bulgakov

ПЬЕСЫ ДЛЯ ФОРТЕПИАНО

PIECES FOR PIANO

M
20
.D86
S5
2001
c.1
MUSIC

Digitized by the Internet Archive
in 2025 with funding from
University of Toronto

https://archive.org/details/31761108761651

Исаак Дунаевский в гостях у Михаила Булакова

Isaak Dunaevsky visiting Mikhail Bulgakov

ПЬЕСЫ ДЛЯ ФОРТЕПИАНО

PIECES FOR PIANO

M
20
D86S5
2001
c.1
MUSIC

ББК 85.97
Д 83

Д $\frac{5203000000-111}{032(02)-2001}$

© Издательский Дом „Композитор“, 2001 г.

ИСААК ДУНАЕВСКИЙ В ГОСТЯХ У МИХАИЛА БУЛГАКОВА

ISAAK DUNAEVSKY VISITING MIKHAIL BULGAKOV

ПЬЕСЫ ДЛЯ ФОРТЕПИАНО
PIECES FOR PIANO

Составление и общая редакция Н. Шафера и Л. Топорковой
Compiled and edited by N. Shaferan and L. Toporkova

Москва • Moscow
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «КОМПОЗИТОР»
KOMPOZITOR PUBLISHING HOUSE
2001

LIBRARY
APR 1 1 2003
UNIVERSITY OF TORONTO

Дунаевский и Булгаков

Не исключено, что содержание этого сборника кое у кого вызовет удивление: безыскусные (подчас подражательные) пьесы салонного характера здесь мирно уживаются с оригинальными, высокопрофессиональными произведениями, свидетельствующими о богатейших технических и художественных возможностях их автора (разумеется, в пределах избранного жанра). Но удивляться не следует: пьесы, представленные в сборнике, лишь мнимо контрастируют между собой...

У составителя была вполне определенная цель. Ему, во-первых, хотелось в какой-то степени разрушить стереотип "маршевого Дунаевского", который укоренился в сознании людей, и показать знаменитого композитора в новом ракурсе, обратив внимание исполнителей и любителей музыки на ту сферу его творчества, которая наименее известна. Здесь он руководствовался давним призывом Д.Д. Шостаковича: собрать все ранние сочинения Дунаевского, начиная с фортепианных сонат и пьес для скрипки, написанных им еще в детстве. "Путь мастера не прост и с самого начала вызывает интерес, а корни успехов зрелых лет часто кроются глубоко, – говорит Шостакович. – Широкая и заслуженная популярность произведений Дунаевского обязывает рассмотреть все его творческое наследие, в котором найдутся и малоизвестные, но достойные популяризации труды".

Ну а во-вторых... Во-вторых – и это главное – в сборнике собраны те фортепианные произведения Дунаевского, которые любил слушать в авторском исполнении Михаил Афанасьевич Булгаков...

*

Булгаков и Дунаевский... Сопоставление этих двух имен до сих пор воспринимается как-то необычно. Как?!

Да они же из разных станов... Проницательный, серьезный художник, сфокусировавший в своем творчестве социальные и бытовые явления эпохи и давший им философское, лирико-ироническое истолкование, – и автор популярных маршей, оперетт, музыкальных кинокомедий: что могло быть между ними общего? Чем объяснить тяготение писателя к композитору, не созвучному с ним ни в творческих устремлениях, ни во взглядах на жизнь?

А секрет здесь прост. Страстный поклонник классической оперы, Булгаков любил красивую мелодическую музыку, помогающую человеку отрешиться от суетности быта и воспарить душой над мелочными заботами и политическими страстями. Да, но "Легко на сердце от песни веселой", "Широка страна моя родная", "Нам нет преград ни в море, ни на суше"... Но в том-то и дело, что музыку Дунаевского писатель никогда не воспринимал сквозь призму "прославительных" текстов: в прекрасных романтических мелодиях – жизнерадостных, лирических, драматических – он ощущал совершенно иной мир чувств и иную художественную цель. Тем более, что эти мелодии возникали, как правило, значительно раньше стихов, которые к ним придумывались. Вот почему специально для Дунаевского, никогда не писавшего опер, Булгаков сочинил оперное либретто "Рашель" по рассказу Мопассана "Мадмуазель Фифи". Ему хотелось, чтобы опера получилась простой и изящной по мелодическому языку, гармонии и чтобы в финале ощущалось подлинное ликование и торжество жизни.

Дунаевский с увлечением приступил к работе над оперой. "Я днем и ночью думаю о нашей чудесной "Рашели", – писал он Булгакову. И в другом письме:

"Друг мой дорогой и талантливый! Ни секунды не думайте обо мне иначе, как о человеке, беспредельно любящем свое будущее детище". Из дневника же Елены Сергеевны Булгаковой мы узнаем, какое пиршество музыки начиналось в их доме, когда приезжал Исаак Осипович: "Дунаевский, вообще экспансивная натура, зажегся, играл, импровизировал польку, взяв за основу несколько тактов, которые Михаил Афанасьевич выдумал в шутку, сочиняя слова польки. Дунаевский возбужденно говорил:

– Тут надо брать у Бизе, у Пуччини! Что-нибудь такое страстное, эмоциональное! Вот послушайте, это ария Рашели!

Тут же начинал делать парафразы из упомянутых композиторов, блестел глазами, вертелся, как вьюн, подпрыгивал на табуретке. Рассказал – очень умело – несколько остроумных анекдотов. Объяснялся Михаилу Афанасьевичу в любви. Словом, стояло полное веселье".

Узнав, что дирижер Большого театра С.А. Самосуд задумал привлечь к написанию музыки другого композитора, Елена Сергеевна с негодованием записывает: "Ну и предатель этот Самосуд! Продаст человека ни за грош". Эта запись датирована 7-м октября 1938 года. А на следующий день она приводит слова Михаила Афанасьевича, сказанные Самосуду: "Интересно знать, как же дирекция будет смотреть в глаза Дунаевскому?"

Нужны ли другие факты, которые бы свидетельствовали, как в доме Булгаковых ценили и любили Дунаевского? 22 декабря Елена Сергеевна записывает: "Вообще (боюсь ужасно ошибиться!) Дунаевский производит на меня впечатление человека художественной складки, темпераментного, загорающегося и принципиального – а это много значит!"

В противовес нынешним "левым" экстремистам, которые кощунственно монтируют кадры немецкой кинохроники под звуки "Марша энтузиастов", Булгаков отлично сознавал, что Дунаевский был бескорыстен и как человек, и как музыкант. Вот еще один факт (может быть, самый красноречивый), свидетельствующий об искренней любви великого русского писателя к первому классику бытовой музыки советского периода. 26 ноября 1938 года Булгаков подарил Дунаевскому редкое издание книги Э.Т. Гофмана "Дон Жуан. Кавалер Глюк", которая вышла в издательстве "Геликон" в 1918 году. На титульном листе писатель сделал такую надпись:

«Те, которые думают, что *дружба* не есть страсть, вовсе её не знают.

Человеку "*великого соблазна*", кавалеру Дунаевскому от Булгакова.

26 /XI-1938 г.»

Писатель как бы отвечал на вопрос, *что* его роднит с композитором: "великий соблазн"... Эта книга до сих пор с любовью хранится в личном архиве старшего сына композитора – художника Евгения Исааковича Дунаевского... До чего же горько сознавать, что Булгаков, отвергнутый всеми издательствами, не имел возможности в конце жизни преподнести в дар свое собственное сочинение!

Что же касается оперы "Рашель", то, увы, композитор ограничился лишь несколькими музыкальными эскизами: подписание советско-германского пакта о ненападении полностью исключало возможность постановки оперы, где прусские погромщики XIX века напоминали гитлеровцев. Опубликованная переписка Булгакова и Дунаевского свидетельствует, с какой болью писатель переживал крушение надежды на постановку "Рашели". Однако, когда Дунаевский через заведующего творческой мастерской Большого театра В. Владимирова попросил Булгакова приглушить тенденциозную направленность "Рашели", тяжело больной писатель категорически отказался пойти на компромисс .

Преждевременная смерть писателя ошеломила композитора. Вот текст его телеграммы, посланной Елене Сергеевне Булгаковой:

"Потрясен смертью Михаила Афанасьевича. Память о нашей творческой встрече останется яркой на всю жизнь. Примите мое глубокое сочувствие, пожелание сил в постигшем вас, нас, всех тяжелом горе.

Искренне Ваш *Дунаевский*".

*

При каких же обстоятельствах удалось для данного сборника подготовить нотный материал, а также выпустить пластинку "Исаак Дунаевский в гостях у Михаила Булгакова"? Здесь не обошлось без некоторых детективных моментов. Впрочем, по порядку...

Итак, на первых порах я безуспешно пытался реконструировать музыкальные вечера в доме писателя. Причина моих неудач заключалась вот в чем. Я знал, что Дунаевский переиграл у Булгакова огромное количество своих произведений, но в обширной мемуарной литературе мне не удалось обнаружить ни одного конкретного названия. Даже Елена Сергеевна в своем дневнике ничего, кроме "Рашели", не назвала. В самом деле, что можно почерпнуть, например, из записи от 14 октября 1938 года: "Дунаевский играл свои вальсы и песенки. Весело ужинали"?..

В 1980 году судьба свела меня с другом и импресарио И.О. Дунаевского, первым публикатором писем Булгакова к композитору – музыковедом Д.М. Персоном. В ту пору ему было уже 87 лет. Однажды, будучи у него в гостях, я рассказал ему, что подготовил для звукового журнала "Кругозор" неизвестный "Вальс без названия" Дунаевского, написанный им в 13-летнем возрасте и посвященный какой-то загадочной Женечке. Пожаловался, что никак не могу установить, кто такая эта Женечка, – даже родная сестра композитора, которая живет в Полтаве, не может мне помочь, хотя помнит вальс от ноты до ноты.

– Кто такая Женечка – неважно, – изрек Давид Михайлович. – Важно, что этот вальс нравился Булгакову.

Я обомлел:

– Булгакову?! Откуда вы это знаете?

– А у меня сохранилось письмо Исаака Осиповича, где он описывает музыкальные вечера у Булгакова, – простодушно ответил Персон.

– Почему же вы его не включили в составленный вами сборник писем Дунаевского?

– Потому что я не хочу отмечать свое 90-летие в тюрьме, – улыбнулся Давид Михайлович и, нахмурившись, продолжал: – Мне уже доводилось сидеть. С меня хватит... Я до сих пор не могу понять, как Дунаевский отважился отправить по почте такое письмо. При жизни Сталина. Да еще в разгар "дела врачей"... Помните, я вам как-то показывал его письмо к Людмиле Райнль, где он пишет о самоубийстве историка Гусейнова и подвергает уничтожающей критике Комитет по Сталинским премиям за то, что он опозорил композитора Жуковского? Представьте себе, наш милый Исаак Осипович и это письмо умудрился послать по почте... Оба письма я храню отдельно от всего остального архива – в тайнике. Я просто боюсь, что если их у меня найдут, то Дунаевского выкинут с Новодевичьего кладбища... Что вы качаете головой? Такие случаи уже бывали!..

И вот я держу в руках драгоценное письмо, датированное 17-м февраля 1953 года, письмо, без которого невозможно было бы составить этот сборник и выпустить в свет грампластинку... Давид Михайлович разрешил мне снять копию, но не разрешил включить письмо в книгу "Дунаевский сегодня", которую готовило к выпуску издательство "Советский композитор".

В 1986 году я сделал последнюю попытку убедить Персона изменить свое решение:

– Давид Михайлович, дорогой, теперь уже можно: перестройка, знаете ли, демократия...

Но Персон был неумолим – он не очень-то верил в государственные перемены... Очевидно, сталинские лагеря оставили неизгладимый след в душе Давида Михайловича, несмотря на то, что в определенном смысле ему "повезло": в 30-е годы он удосужился пробыть некоторое время в должности директора Центрального театра Беломорско-Балтийского канала...

Он умер в 1987 году, в возрасте 94-х лет...

В общем (пишу это с грустью) запрет давно уже потерял силу... Полный текст письма я передал в "Международную Еврейскую газету", которая опубликовала его в ноябре 1992 года. Затем отдельные фрагменты были воспроизведены в "Музыкальной жизни" и "Литературной газете". Привожу сейчас лишь те места, которые имеют непосредственное отношение к данному сборнику:

"Газеты и радио продолжают вопить о мифических "убийцах в белых халатах". И в такой момент Вы, Давид Михайлович, советуете мне "отключиться от всего" и возобновить работу над оперой. Вы что – не читали рассказ Мопассана, по которому Булгаков сочинил либретто? Не знаете, что Рашель – это модифицированная Рахиль? <...> Если в 1939 году мне бы за "Рашель" приписали антипактовские настроения, то сегодня, при намерении довести свой замысел до конца, я угодил бы в агенты "Джойнта" <...>

Мой внутренний мир перевернулся. "Куда умчались дни лихих забав? Не тот я стал теперь – все миновало..."[1]. Неужели мне приснилось, что под плясовую из "Искателей счастья" в доме Булгакова веселилась и дурачилась целая компания? <...> Между прочим, именно Булгаков укрепил меня в мысли, что Дунаевским я стал не в 27-м и не в 34-м году, а еще тогда, когда носил гимназическую форму и испекал вальсики для всяких женичек, милочек, розочек и экспериментировал на одну и ту же тему в разных танцевальных ритмах. Представьте, ему все это нравилось: и прелюдии, и сарабанды, и гавайская экзотика, и хаотически-лунные мелодии "доциркового" периода, и даже те пустячки, которые я когда-то дарил Зине для домашнего употребления... И все примеривал к "Рашели", спросил, нельзя ли тему французской шансонетки использовать во второй картине, то есть в канкане. Ну а его жену-колдунью я околдовал своими новейшими вальсами, в том числе тем, который был отвергнут Александровым. О вальсе из "Половчанских садов" она сказала: "Ему место не там, это – вальс Турбиных". — "Клянусь вам, – ответил я ей, – что ваша похвала мне дороже вот этого ордена". – "Тс-сс, – приложила она палец к губам. – Не так громко. Сыграйте вальс из "Детей капитана Гранта", он лучше даже "половчанского"...

<....> Вы знаете, Давид Михайлович, я не трус. Но единственное, чего я боюсь – это ненароком повстречаться с Еленой Сергеевной. Как я посмотрю ей в глаза? Ведь "Рашель" была последней надеждой в доме Булгаковых, а я эту надежду не оправдал..."

Чем поражает концовка письма? Тем, что свое экспрессивно-эмоциональное состояние композитор невольно выражает почти теми же словами, что и писатель. Сравним –

Булгаков: "Интересно знать, как же дирекция будет смотреть в глаза Дунаевскому?"

Дунаевский: "Как я посмотрю ей в глаза?"

Вот она, обостренная совесть двух художников, всецело принадлежащих сословию истинных интеллигентов!

Конечно, если подойти к этому письму с чисто формальной стороны, то репертуар Дунаевского в нем обозначен весьма приблизительно. Собственно говоря, конкретно здесь названы лишь две вещи: плясовая из фильма "Искатели счастья" и вальс из фильма "Дети капитана Гранта". Правда, любой исследователь творче-

---

[1] Дунаевский цитирует слова арии Грязного из оперы Н.А. Римского-Корсакова "Царская невеста".

ства Дунаевского без особого труда догадается, что вальс, "отвергнутый" кинорежиссером Г.В. Александровым, предназначался для фильма "Волга-Волга". Кстати, Александров отказался от вальса не потому, что он ему не понравился (в нем композитор изобретательно и ярко варьирует тему из своей "Песни о Волге"), а потому, что при монтаже фильма выпал эпизод, где он звучал... Чуть сложнее обстоит дело с вальсом из музыки к пьесе Л. Леонова "Половчанские сады". Суть в том, что для этой пьесы, поставленной во МХАТе, Дунаевский сочинил восемь музыкальных номеров, в том числе три вальса: "Бурный", "Сентиментальный" и просто безымянный в тональности B-dur. Какой же из них получил высшую оценку как "вальс Турбиных"? Думаю, что "Сентиментальный": в нем нетрудно обнаружить родство со знаменитым вальсом В. Ребикова из оперы "Елка", звучавшим в начале века почти в каждом доме, где было пианино. Певец "эпохи энтузиазма", Дунаевский вдруг с очаровательной непосредственностью выразил ностальгическую грусть по старым добрым временам, когда уют домашней жизни, мир, любовь и согласие в семье спасали людей от житейских невзгод и социальных потрясений. А ведь это был 1938-й год!

Ну а что касается "гавайской экзотики", то, может быть, Дунаевский имел в виду свой "мистический" блюз "Гавайи"? Вкрадчивая, таинственная и обманчиво "скромная" мелодия вполне могла бы иллюстрировать сеансы черной магии в "Мастере и Маргарите"... Но знал ли композитор о существовании этого романа? Сын Дунаевского, Евгений Исаакович, в этом нисколько не сомневался: знал! Мало того, он пытался меня убедить, что его отец играл в доме Булгаковых блюз "Гавайи" именно под впечатлением образа Воланда! Евгений Исаакович был в то время еще ребенком, но он отлично помнит, как отец, возвращаясь из Москвы в Ленинград, где они жили в предвоенные годы, рассказывал, с каким оцепенением он слушал булгаковское чтение... О том, что так оно, вероятно, и происходило, читатель узнает, дочитав статью до конца, а пока снова ухватимся за спасительную "соломинку", то есть за письмо Дунаевского к Персону.

Да, письмо во многом похоже на шараду. Попробуйте, например, найти в огромном наследии композитора "тему французской шансонетки". Где ее искать? Среди бесчисленных эстрадных номеров 20-х – 30-х годов? Среди музыкальных набросков к балетам, кинофильмам, опереттам? А может быть, это – стилизованная песня, никогда не исполнявшаяся и не включенная в собрание сочинений композитора? Мои поиски были бы заранее обречены на неудачу, если бы опять-таки не произошло чудо. После того как я ознакомился с письмом, Персон, порывшись среди бумаг, извлек нотную рукопись Дунаевского: "Три пародии. Французская шансонетка. Немецкая шансонетка. Английская шансонетка"... Но каким образом она к нему попала? Оказывается, в 1955–1976 годах, будучи ответственным секретарем редакционной комиссии по составлению и изданию 13-томного собрания сочинений И.О. Дунаевского, он разыскивал неизданные нотные рукописи фортепианных произведений, которые должны были составить отдельный том – четырнадцатый. Но он-то как раз и не вышел.

– Дарю, – великодушно сказал Давид Михайлович. – Остальное ищите в ЦГАЛИ.

Руководствуясь ното-библиографическим справочником Д.М. Персона, изданным в 1971 году, я засел за работу в архиве... Боже, как же мы мало знаем Дунаевского! Сонаты и квартеты, фортепианные пьесы и скрипичные миниатюры, произведения для симфонического оркестра и джазовые композиции, гималаи театральной музыки и множество народных песен в его обработках... Я пришел к выводу, что в тринадцать томов собрания сочинений вошло не более 15–20 процентов из всего сочиненного композитором. Но нужно учесть, что в ЦГАЛИ (ныне РГАЛИ) сосредоточена лишь основная часть наследия Дунаевского. Многие произведе-

ния хранятся и в других архивах – государственных и частных. Остается только дивиться, что все это не изучено, не издано, не исполнено... Вот уж действительно можно позавидовать будущим исследователям творчества первого классика бытовой музыки советского периода. Есть над чем поработать!

Но в данный момент меня интересовали лишь фортепианные сочинения Дунаевского. Их здесь не меньше сотни... Какие же из них могли прозвучать в доме Булгакова? Что отобрать? Снова и снова впитываю в себя каждую фразу из письма Дунаевского к Персону: ..."когда носил гимназическую форму, <...> экспериментировал на одну и ту же тему в разных танцевальных ритмах..."

А почему бы в качестве образца не взять Вальс и Польку из Юношеской тетради? Обе вещи и впрямь написаны на одну и ту же тему. Вот вальс. Интонационная свежесть, легкость и воздушность красок очаровывают с первых же тактов. А вот полька. Тема та же, но как она преобразилась! Дело не просто в перемене темпоритмической структуры. Если к вальсу можно смело поставить пушкинский эпиграф "Печаль моя светла", то полька искрится озорным и милым кокетством.

..."и прелюдии, и сарабанды..."

При составлении пластинки я проявил излишний формализм: не включил ни одну прелюдию, так как не знал, какой из трех отдать предпочтение – не было "зацепки", как в вальсе из "Половчанских садов". В данный же сборник включена "Прелюдия в старинном стиле" (соч. 1928 г.) – и тем самым устранен буквализм, который способен "сковать" любую догадку. Слава Богу, что мне попалась только одна сарабанда: тут уж выбора не было, тем более, что вместо привычной плавной торжественности, она привлекла глубоким внутренним драматизмом.

..."хаотически-лунные мелодии "доциркового" периода..." Тут уж без всякого риска можно взять два произведения: "Хаотический вальс" и набросок "В лунном свете". Они сочинены в 20-х годах, следовательно, действительно относятся к "доцирковому" периоду (свой знаменитый "Лунный вальс" для кинофильма "Цирк" Дунаевский сочинил в 1935 году). Набросок сделан второпях, да и басовая партия кое-где отсутствует. Возможно, это вступление к какому-то маленькому фортепианному циклу. Чтобы придать наброску "программную" завершенность, пианистка Людмила Топоркова, которая по сути стала первой исполнительницей всех этих вещей, записав их на пластинку, присовокупила к нему близкий по настроению вальс из так называемой "Папки №2", написанный приблизительно в то же время.

..."пустячки, которые я когда-то дарил Зине для домашнего употребления..."

Зина – это Зинаида Сергеевна (Александровна) Дунаевская (Михайлова), вторая жена композитора, балерина, принимавшая участие в спектаклях Касьяна Голейзовского... Вот тут опять все застопорилось, потому что в ЦГАЛИ ничего нельзя было найти. Вернее, там были фортепианные произведения, посвященные Зинаиде Сергеевне ("Playera", "Адажио"), но они явно предназначались для серьезного концертного исполнения. Возникла мысль: "пустячки" как семейная реликвия могут храниться у старшего сына композитора.

Последние недостающие вещи я нашел при довольно забавных обстоятельствах. Персон меня напутствовал:

– Если Геня вас допустит к рукописям своего отца, будьте очень внимательны... А то пролистнете ноты и не догадаетесь, что они посвящены Зине. Имейте в виду, что Исаак Осипович обожал наших меньших братьев и делал на нотах надписи типа "Моему дорогому Шарику" или "Моему золотому Тузику". Так что будьте внимательны!

И вот я на Кутузовском проспекте – в гостях у Евгения Исааковича Дунаевского... Передо мной кипа рукописей: партитуры симфонических произведений, клавиры песен, произведения для скрипки, фортепиано... Я еще и не успел при-

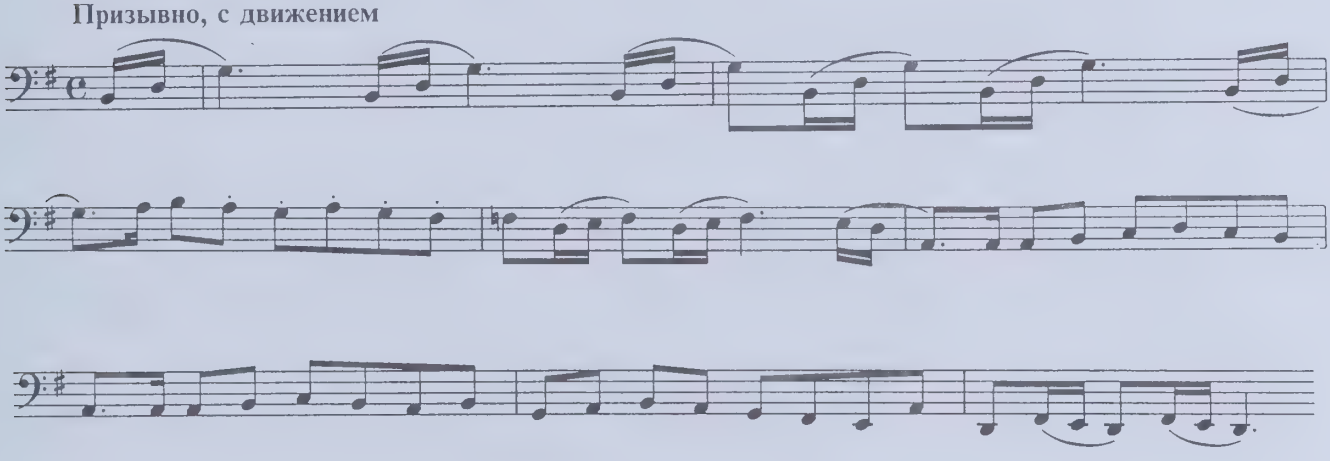
ступить к разбору, как сразу же (иногда бывает и такое!) заметил надпись: "Моей золотой Бобочке"... Мгновенно выбегаю в прихожую к телефону и, не отдавая себе отчета, что Евгений Исаакович может меня услышать и, чего доброго, обидеться за маму, кричу в трубку:

– Давид Михайлович, вы ошиблись! Исаак Осипович звал свою жену не Шариком и не Тузиком, а Бобиком!

– Тоже мне, нашли ошибку, – хладнокровно ответил Персон, что-то прожевывая (видно, я оторвал его от обеда). – Разве Шарик – это не Тузик? И разве Тузик – это не Бобик? Я еще, слава Богу, не потерял память... Поздравляю с находкой! – и положил трубку.

Евгений Исаакович любезно позволил мне снять копии с двух прелестных фортепианных миниатюр, посвященных его матери: "Кукольный марш" и "Бобочкин менуэт". Пьесы показались мне необычайно интересными для репертуара музыкальных школ, и вторые копии я тут же отправил в музыкальную школу имени И.О. Дунаевского.

Ну теперь вроде бы все – основной материал оказался собранным. Но из музыкальных набросков к "Рашели" пока удалось найти лишь эскизы к увертюре. В РГАЛИ хранятся два нотных листа (ф. 2062, оп.1. ед. хр. 390), свидетельствующих, что Дунаевский тщательно продумал план, структуру и общий настрой оперы. На одном листе рукою композитора написано: "Увертюра к опере "Рашель" начинается с ошеломляющего фортиссимо малых барабанов с тарелками в таком ритме <приводится партия малого барабана. – *Н.Ш.*>, постепенно переходящего в..." Далее следует небольшой фортепианный эскиз в маршевом ритме. Этот же эскиз зафиксирован и на другом листе. Здесь он имеет более завершенный вид, поэтому есть смысл привести его полностью:



Декоративно-грозный "фанфаронский" характер темы с ее яркой мелодической рельефностью и динамической напористостью в развитии не оставляет сомнения, что перед нами – тема прусских кирасиров.

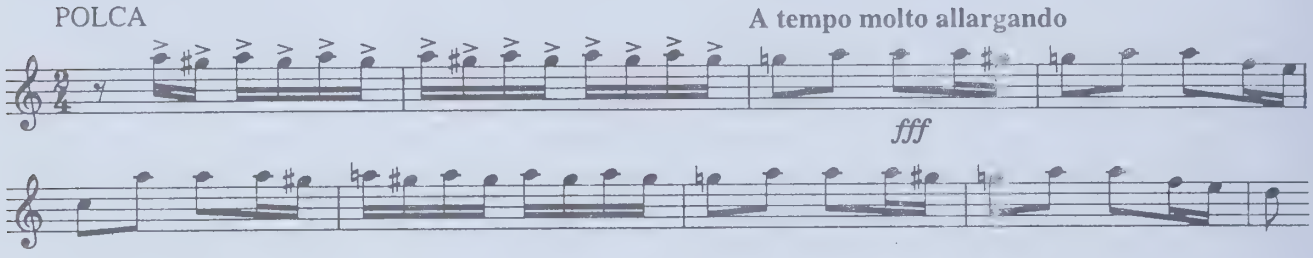
Повторяю: не все наброски к "Рашели" удалось найти. Но об одной счастливой находке следует рассказать особо.

Помните, читатель, запись из дневника Елены Сергеевны Булгаковой? Цитирую вторично: "Дунаевский <...> импровизировал польку, взяв за основу несколько тактов, которые Михаил Афанасьевич выдумал в шутку, сочиняя слова польки". Незначительная информация? Но ведь получается... Получается, что Дунаевский играл не свою польку из оперы "Рашель", а польку, *сочиненную самим Булгаковым*! Неужели, отзвучав, она улетучилась в воздухе?

Почти весь архив Булгакова сосредоточен в отделе рукописей Российской государственной библиотеки. Мне уже доводилось там работать, когда я подготавливал для печати оперные либретто писателя... А что если провести личную "инвентаризацию" и заново внимательно перечитать всю опись фонда № 562?

Есть какая-то магия в повторном чтении бесстрастных перечислений давно знакомых опусов. Всегда находишь что-то новое – как при повторном чтении "Войны и мира"... Вот и сейчас полыхнуло: И.О. Дунаевский, эскиз польки из оперы "Рашель", картон 61, единица хранения 1... Интересно, где же были раньше мои глаза?

Теперь понятно, почему наши булгаковеды не обратили внимания на скромную единицу хранения: они решили, что полька принадлежит Дунаевскому. Между тем это – первозданная мелодия Булгакова. Сенсация! *Дунаевский записал не свою импровизацию, а именно мелодию Булгакова* – причем в "чистом" виде, без каких-либо попыток хотя бы элементарно гармонизировать ее. Вот она:



Преподнося ноты Е.С. Булгаковой, Исаак Осипович сделал такую надпись:

"Если человеку не дают богов, он их создает! Но творчество без богов сущих или воображаемых – невозможно.

И. Дунаевский.

Эскиз польки из оперы "Рашель".
15/X. 1938. Замечательной Елене Сергеевне".

Все это наспех набросано на клочке бумаги из арифметической тетради. Нотный стан начерчен Дунаевским без линейки. Линии кривые, но четкие. Дарственная надпись Е.С. Булгаковой сделана размашисто. Чернила фиолетовые.

Да, но какие же слова предназначались для этой польки? В окончательную редакцию либретто они не вошли, поэтому есть смысл привести их по черновику, хранящемуся в отделе рукописей РГБ:

Много танцев есть на свете,
Но прекраснее из всех
Только полька, полька только –
У нее всегда успех!

Если попробовать пропеть этот текст с мелодией, которая приведена выше, то ничего не получится. Нет, дело не в том, что шестнадцатые ноты плохо ложатся на ритмику словесного текста. Дело в том, что мы ощущаем полнейший разрыв между музыкой и содержанием словесного текста. Легкие, беззаботные и в общем-то тривиальные слова никак не ассоциируются с напряженной и острой мелодией. Обратите внимание: в ней заключено что-то зловещее, "дьявольское". В назойливой и холодной повторяемости мелодической темы проявляется нечто автоматическое – как в "Болеро" Равеля. Нет, такая полька не могла звучать в бардаке у мадам Телье ("Рашель"). Это – полька Сатаны, и ее место – на балу у Воланда. Значит... Значит, напевая мелодию для "Рашели", Булгаков ни на минуту не отключался от "Мастера и Маргариты"... И здесь я готов полностью согласиться с Евгением Исааковичем Дунаевским: да, его отец знал о существовании романа... Над-

пись: "Эскиз из оперы "Рашель" – чистый камуфляж. Уж он-то, Иссак Осипович, понимал, что для канкана в публичном доме полька не годится. Иначе – зачем надо было заводить речь о "французской шансонетке"? (Вспомним письмо Дунаевского к Персону).

Д.М. Персон мне рассказывал (со слов Дунаевского), что Булгаков всегда с особым вниманием слушал пьесу "Плот" из кинофильма "Дети капитана Гранта". Именуя эту вещь "похоронным адажио", писатель иногда просил повторить исполнение не в "чистом" виде, а как мелодекламацию (то есть как монолог Паганеля в названном фильме).

Персон об этом говорил информативно, без всяких намеков и умозаключений, но его рассказ невольно натолкнул меня на версию, о которой не могу умолчать. В связи с этим напомню соответствующую сцену из кинофильма "Дети капитана Гранта".

Измученные и обманутые путешественники потерпели кораблекрушение и оказались на плоту в безбрежном и соленом океане. Умирающий от жажды Паганель пытается внушить надежду товарищам по несчастью, и прежде всего страдающим женщинам.

– Мы доплывем, дитя мое, — говорит Паганель на фоне звучащего "похоронного адажио". – Острова эти, расположенные к югу от Тасмании, поистине райские уголки. Необозримый океан сквозь розовую ограду коралловых рифов омывает горячий песок побережья. Прозрачные, хрустальные струи бегут с голубых гор, орошая цветущие долины. В тенистых кущах слышится журчание. Это природные фонтаны выбрасывают к изумрудному небу свои голубые струи. Свежесть прохладной воды... Воды...

Весь монолог (музыка и слова) – это, в сущности, поэтическая мольба об обретении покоя как заслуженной награды за перенесенные страдания... А ведь именно в период визитов Дунаевского Булгаков работал над заключительными главами своего знаменитого романа. В 29-й главе Левий Матвей просит Воланда наградить Мастера и Маргариту вечным покоем. А далее – их горько-сладостное прощание с Москвой, перед тем как покинуть ее навсегда...

Уж не повлияло ли "похоронное адажио" на тональность последних страниц романа?

Повторяю, это лишь версия. Но она рождает энергию поиска, указывает направление... По крайне мере, дает повод включить "Плот" в данный сборник. Клавир, к сожалению, найти не удалось. Л. Топоркова сделала фортепианное переложение по авторской партитуре для симфонического оркестра.

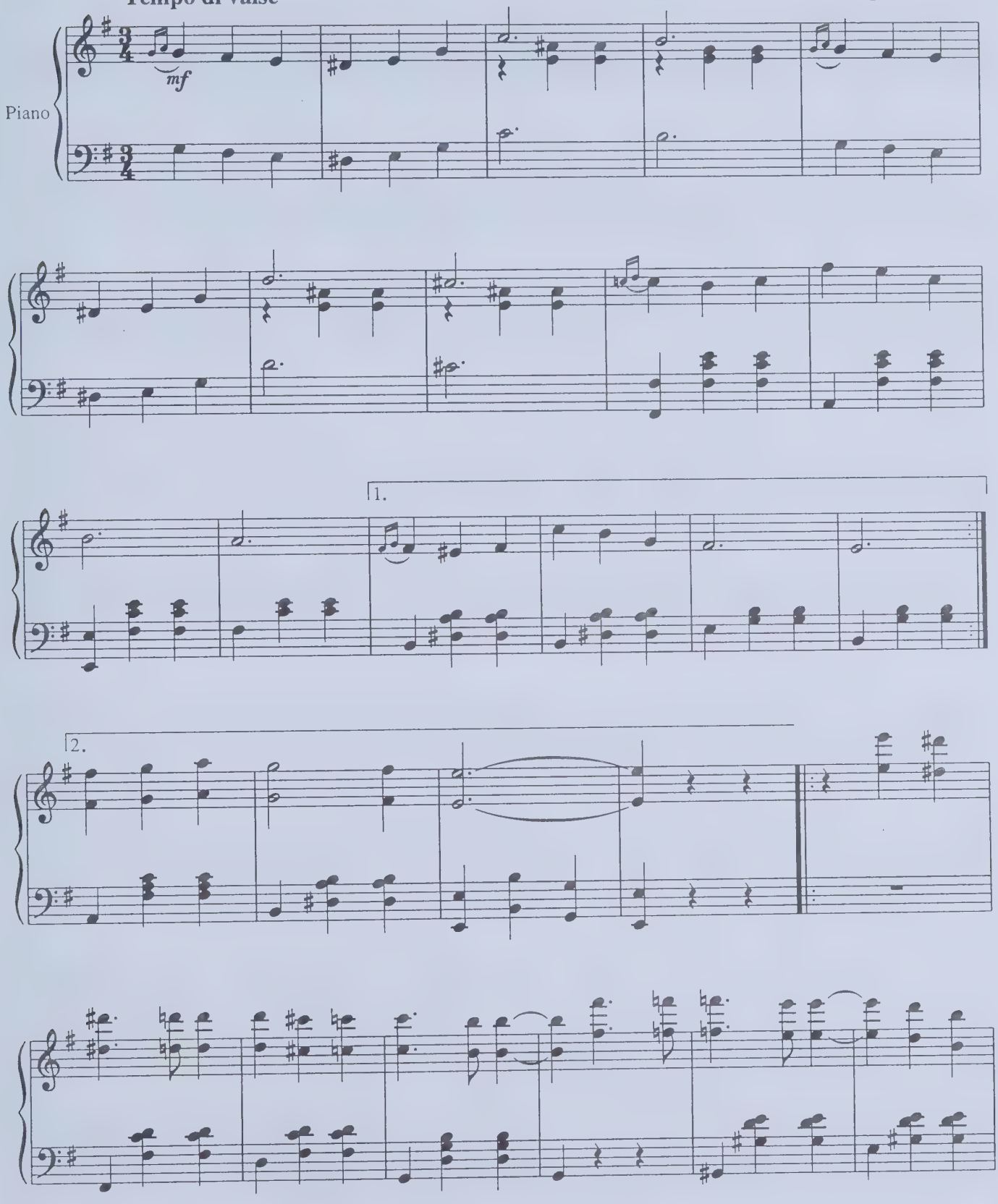
...Итак, сборник "реконструирует" музыкальные вечера у автора "Мастера и Маргариты". Первые одиннадцать номеров никогда прежде не публиковались: они подготовлены по архивным источникам. Остальные произведения когда-то печатались в разных изданиях, но, кроме утонченно-камерного вальса из "Детей капитана Гранта" и блистательной плясовой из "Искателей счастья", широкого распространения не получили и практически тоже не известны. Не исключено, что в чем-то я оказался не точен, расшифровывая письмо Дунаевского. Но хочется верить, что те, кто раскроет этот сборник, ощутят аромат музыкальных вечеров в доме Булгаковых...

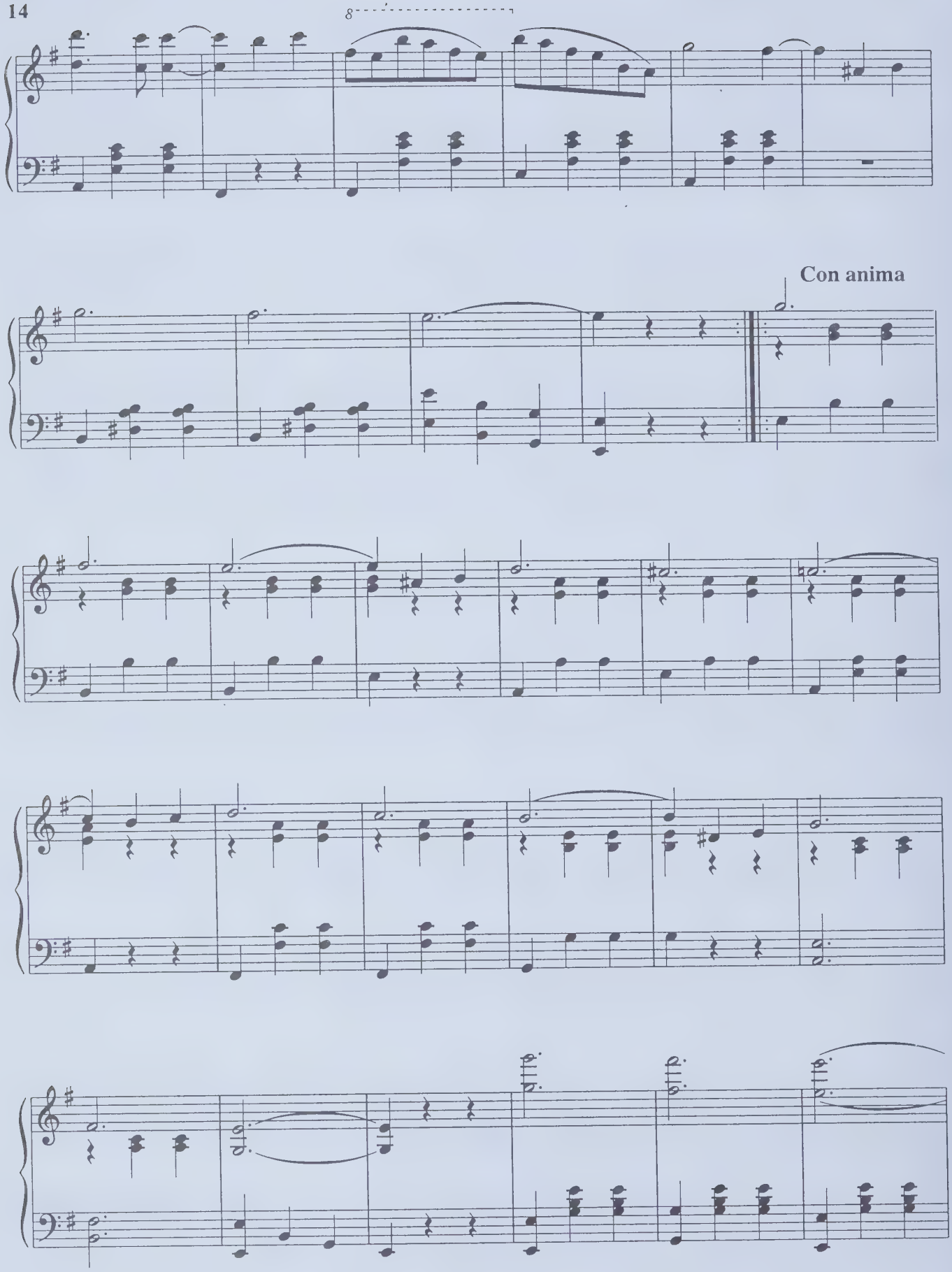
Н. ШАФЕР

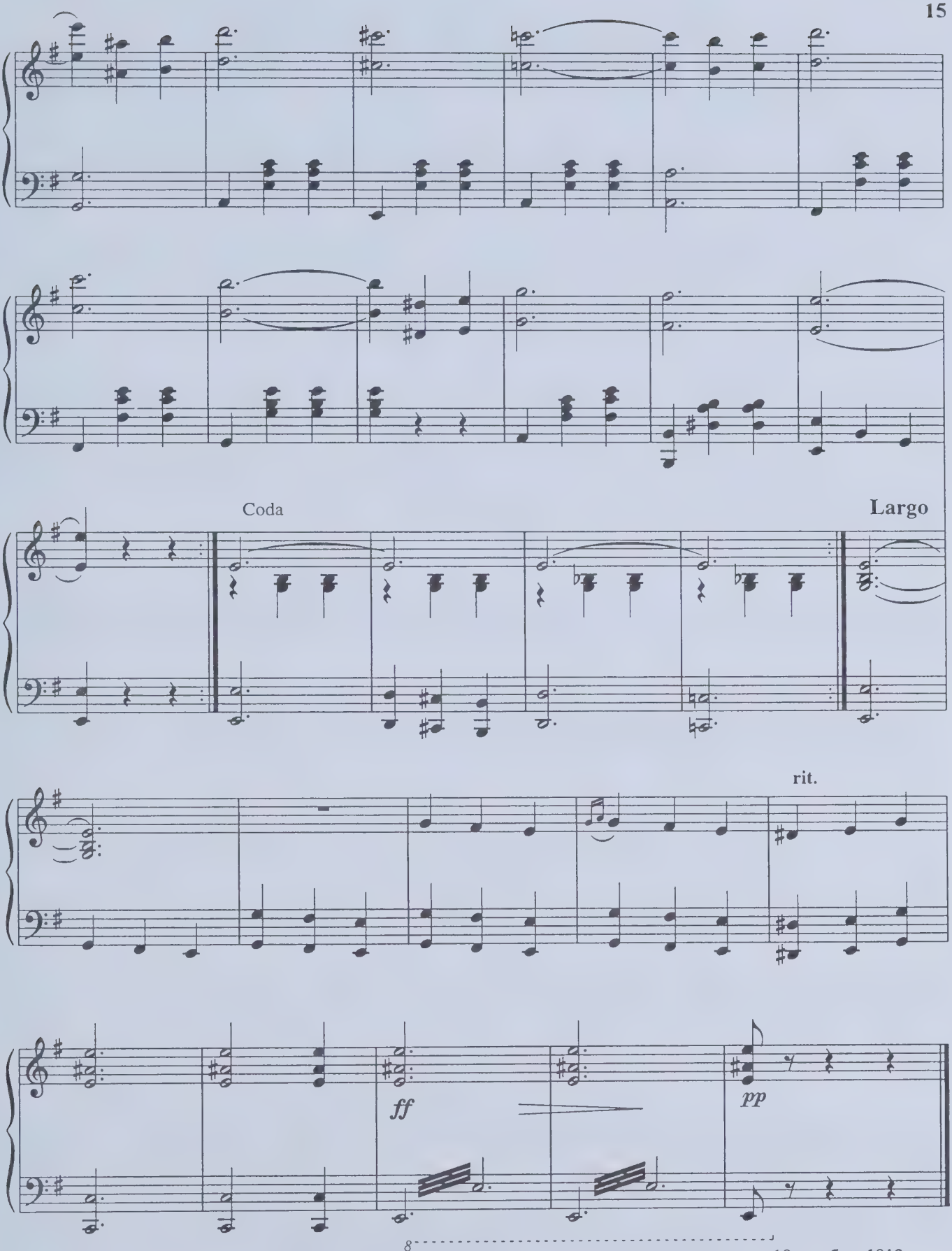
ВАЛЬС БЕЗ НАЗВАНИЯ

И. ДУНАЕВСКИЙ
Op. 10

Tempo di valse



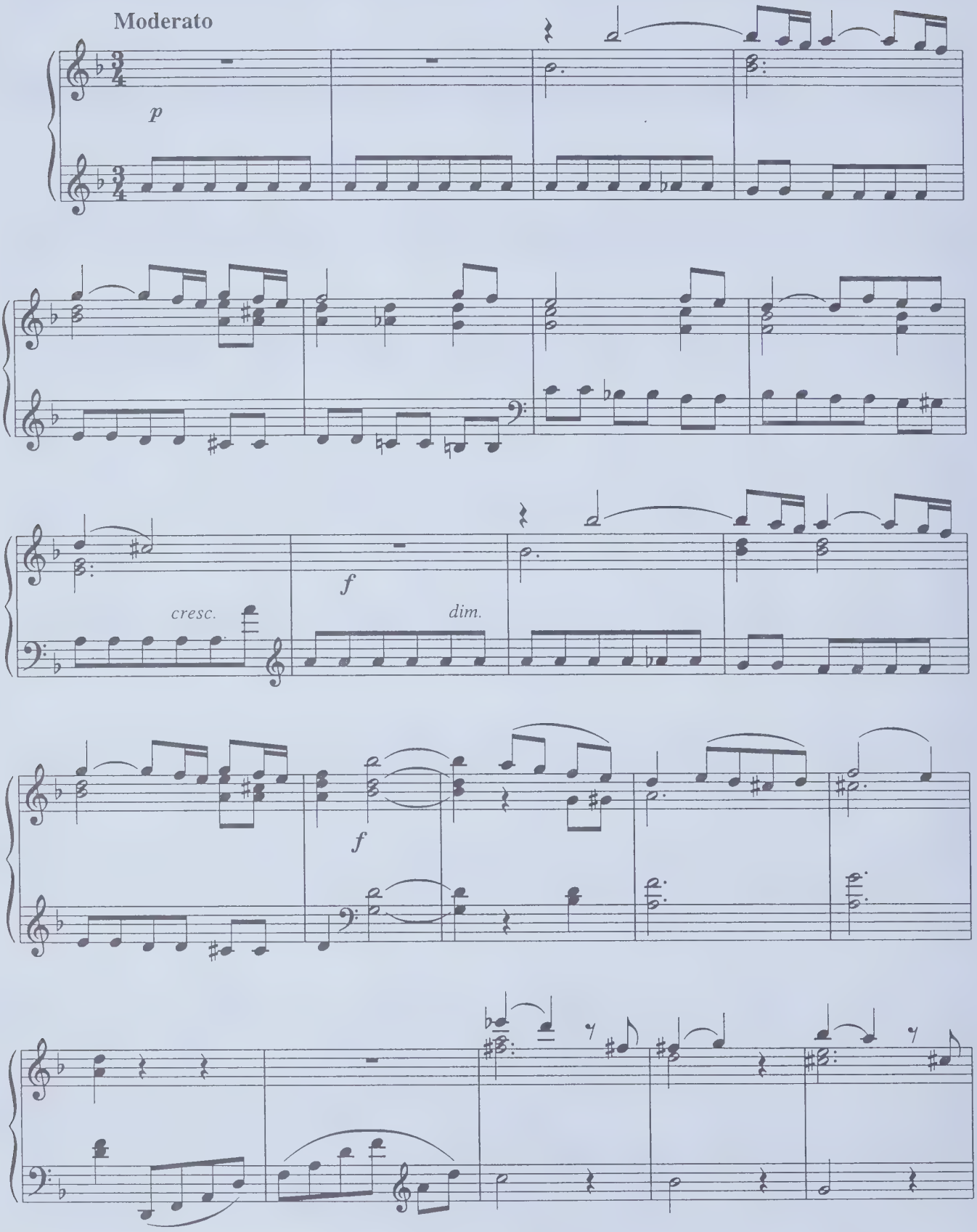

8
Con anima

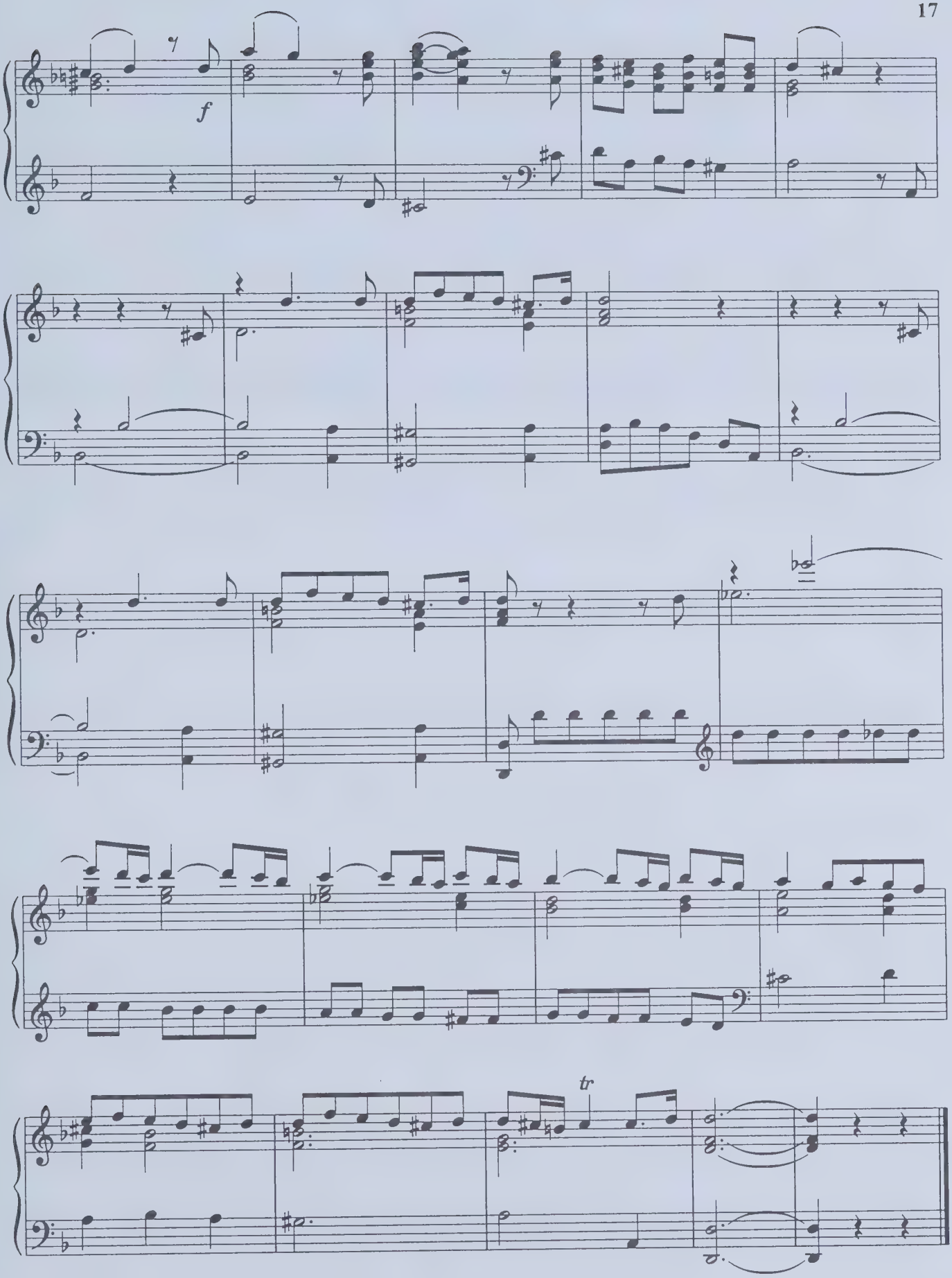


Вот, друг, плоды моей небрежной музы,
оттенок чувств тебе несу я в дар...

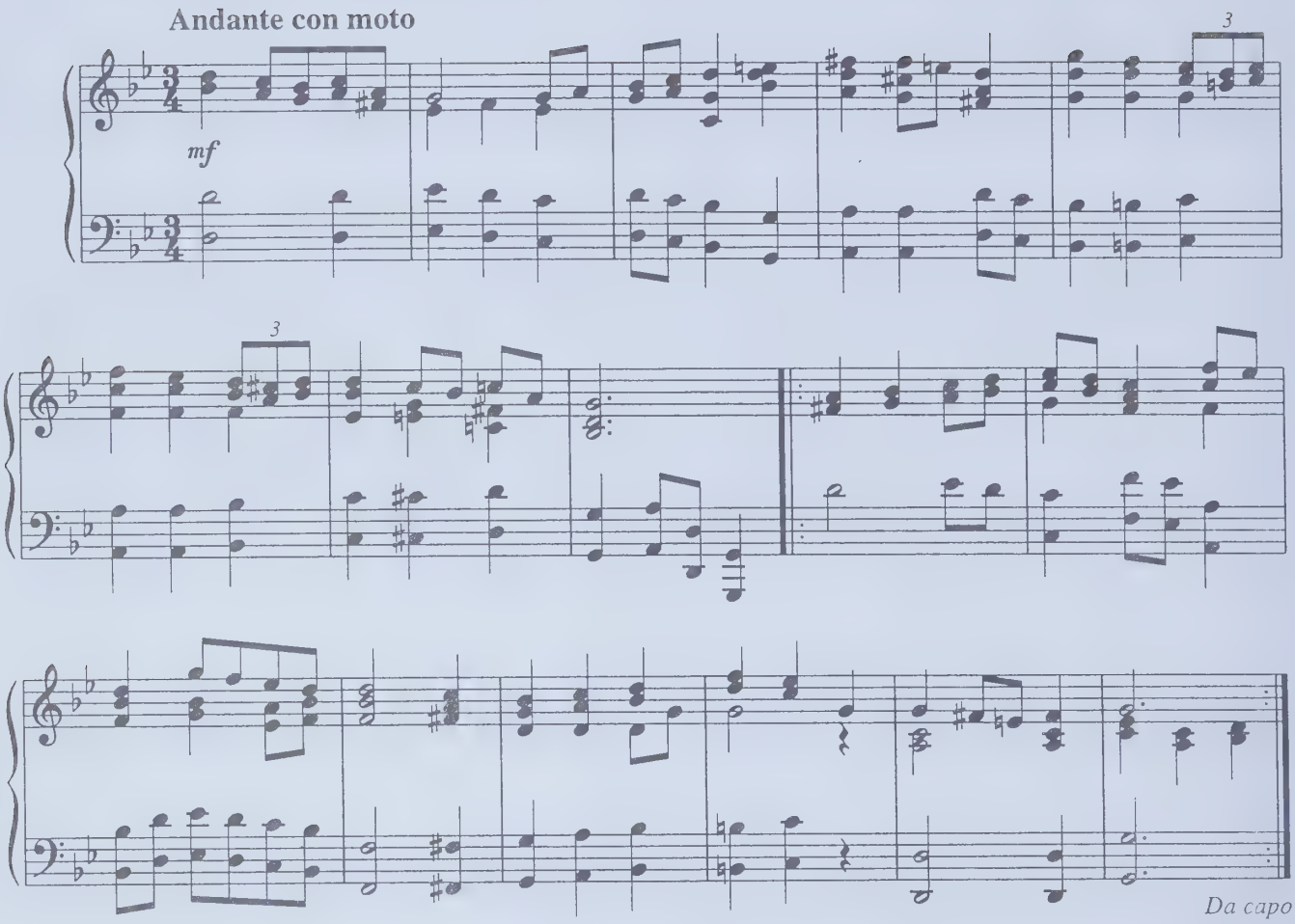
18 ноября 1913 года
Женечке

ПРЕЛЮДИЯ В СТАРИННОМ СТИЛЕ



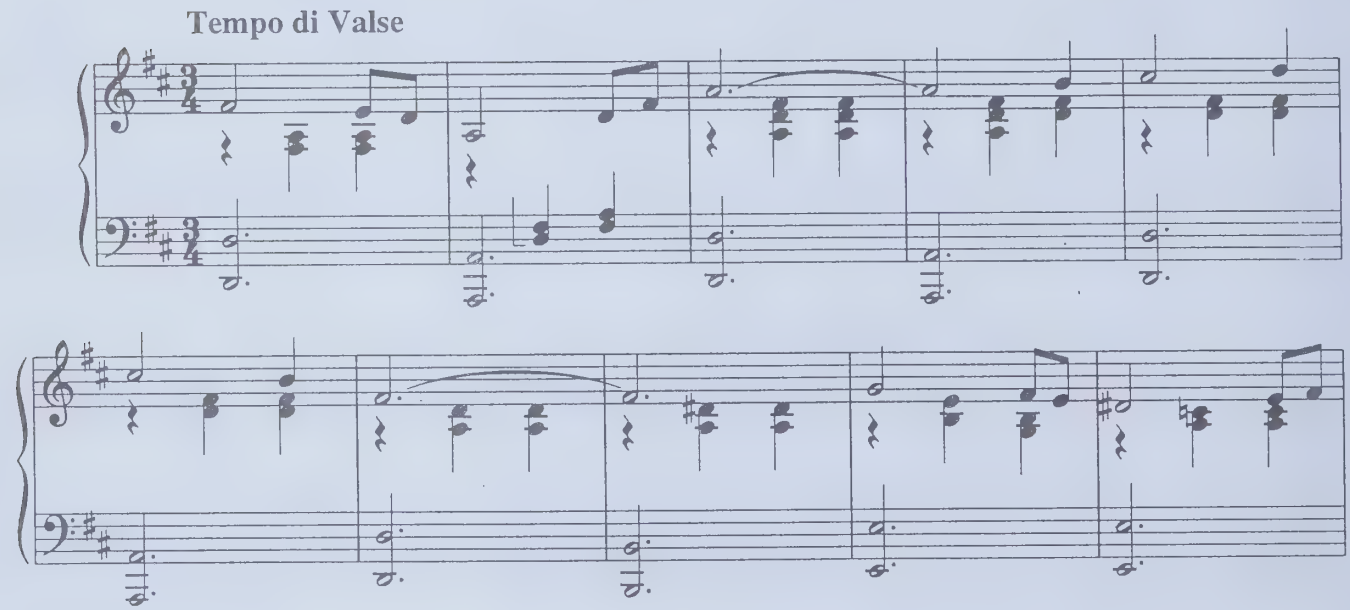

f
tr

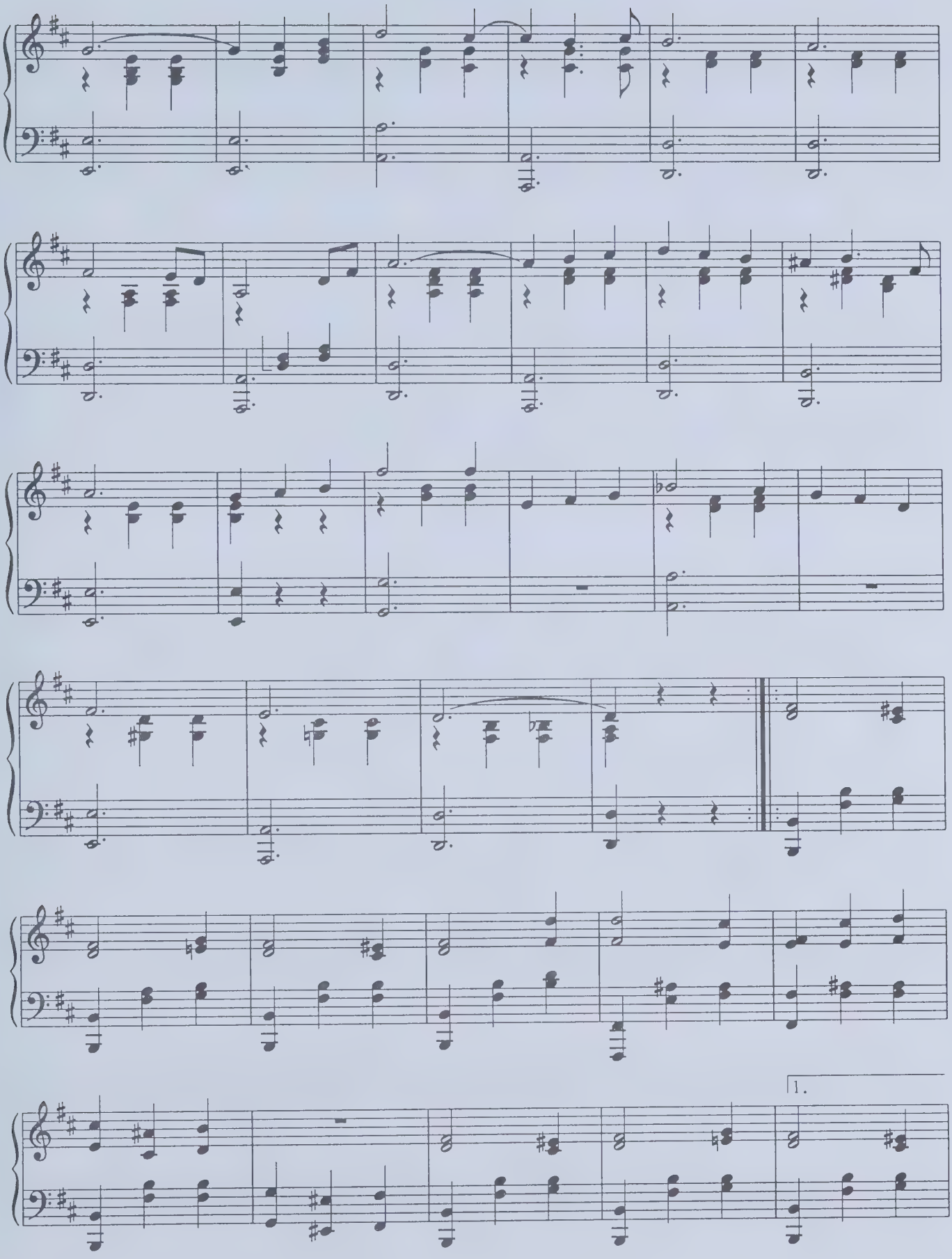
САРАБАНДА

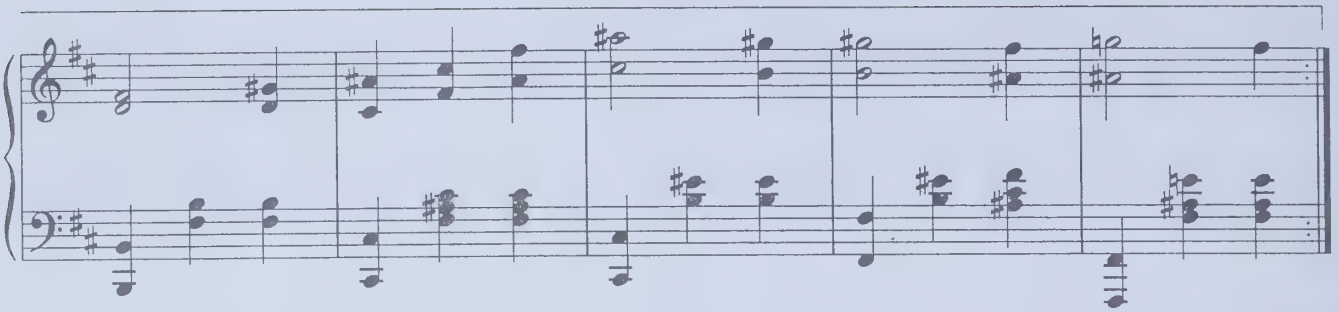


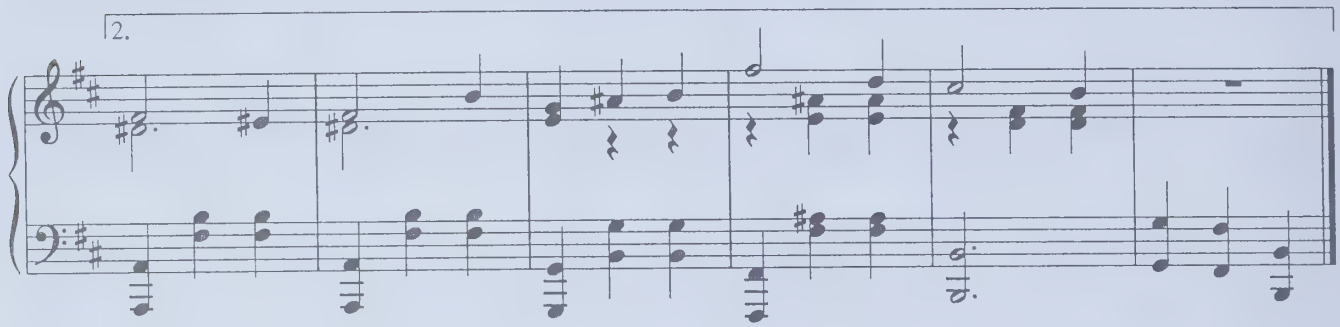
ИЗ ЮНОШЕСКОЙ ТЕТРАДИ

Вальс



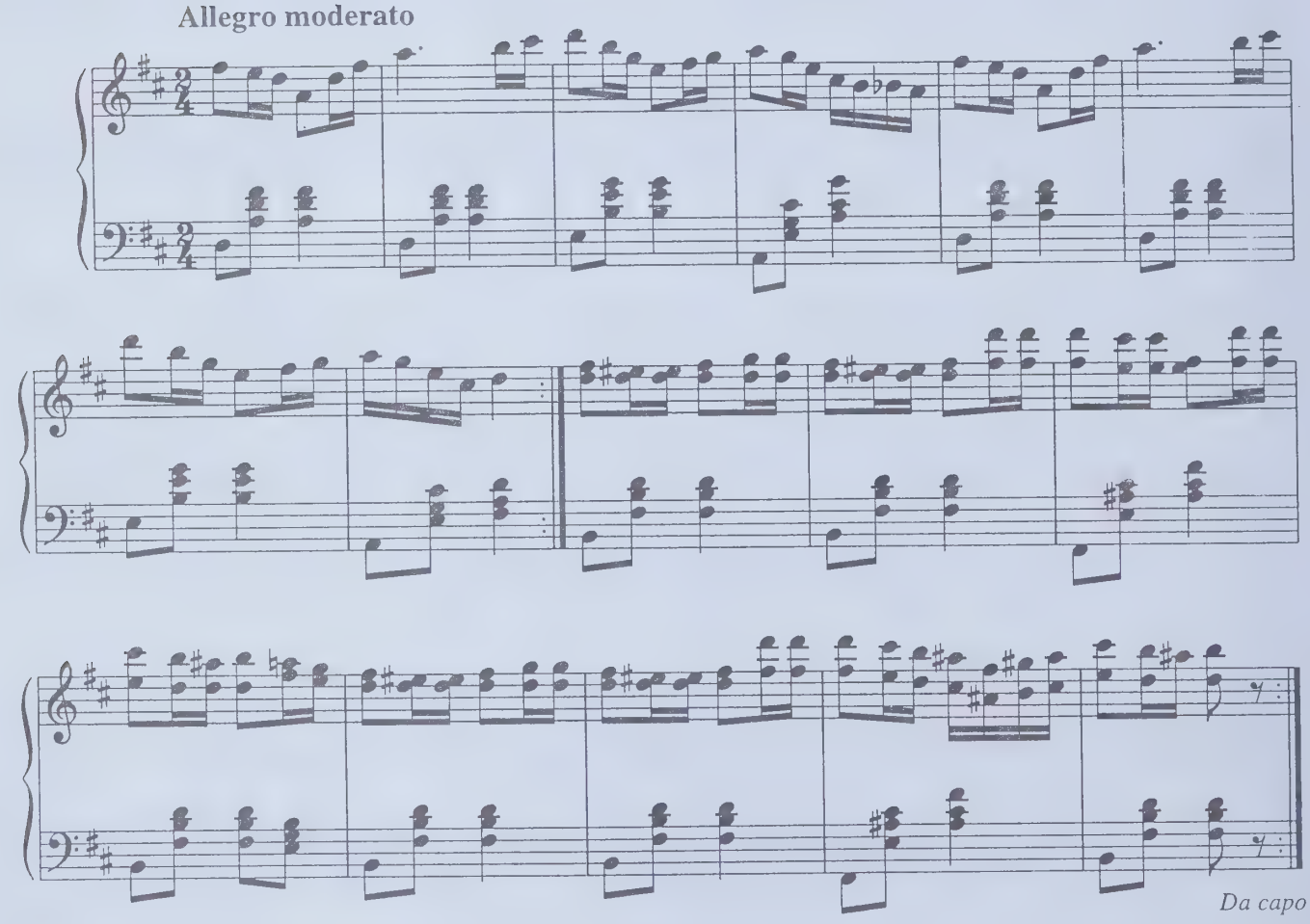

1.



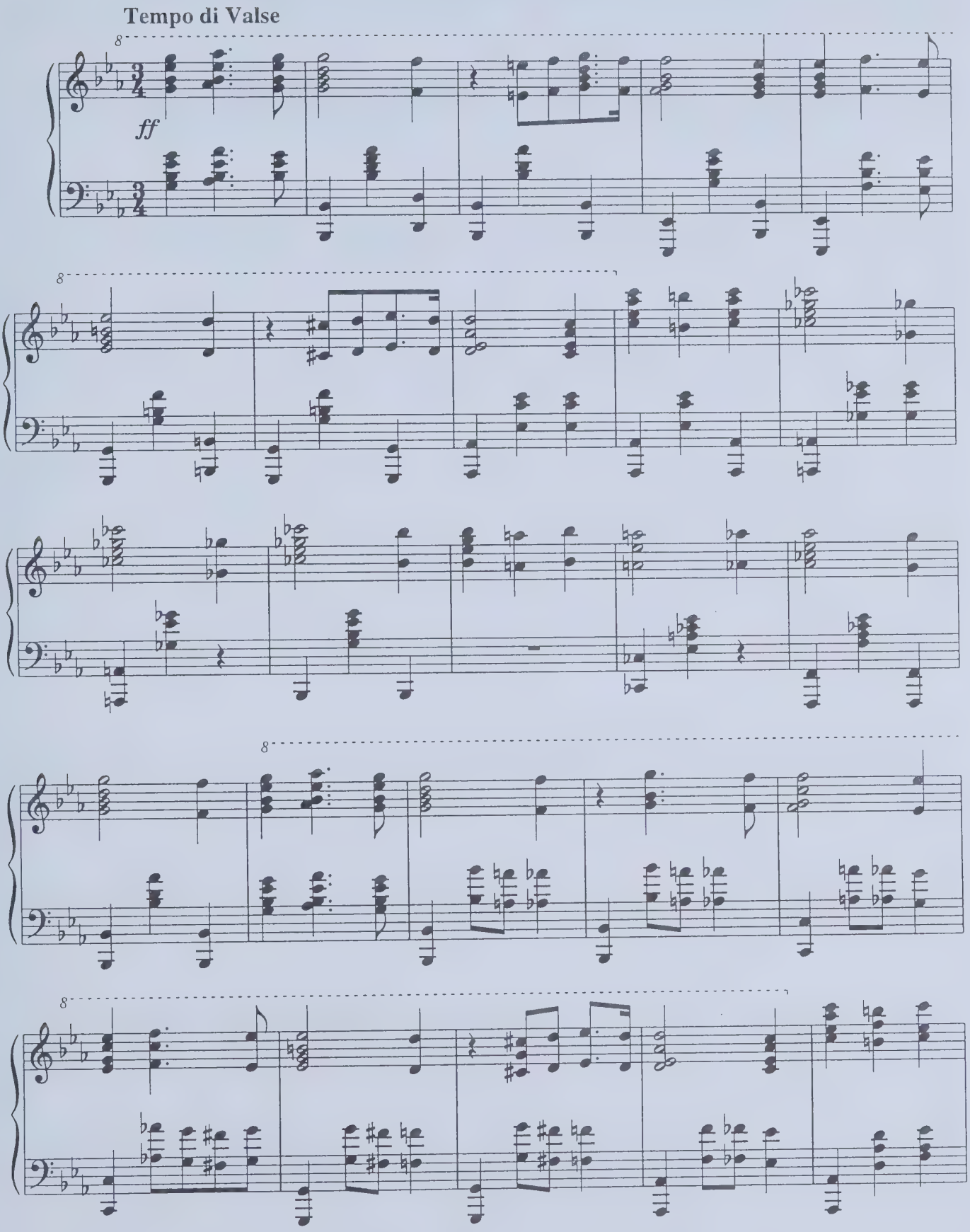


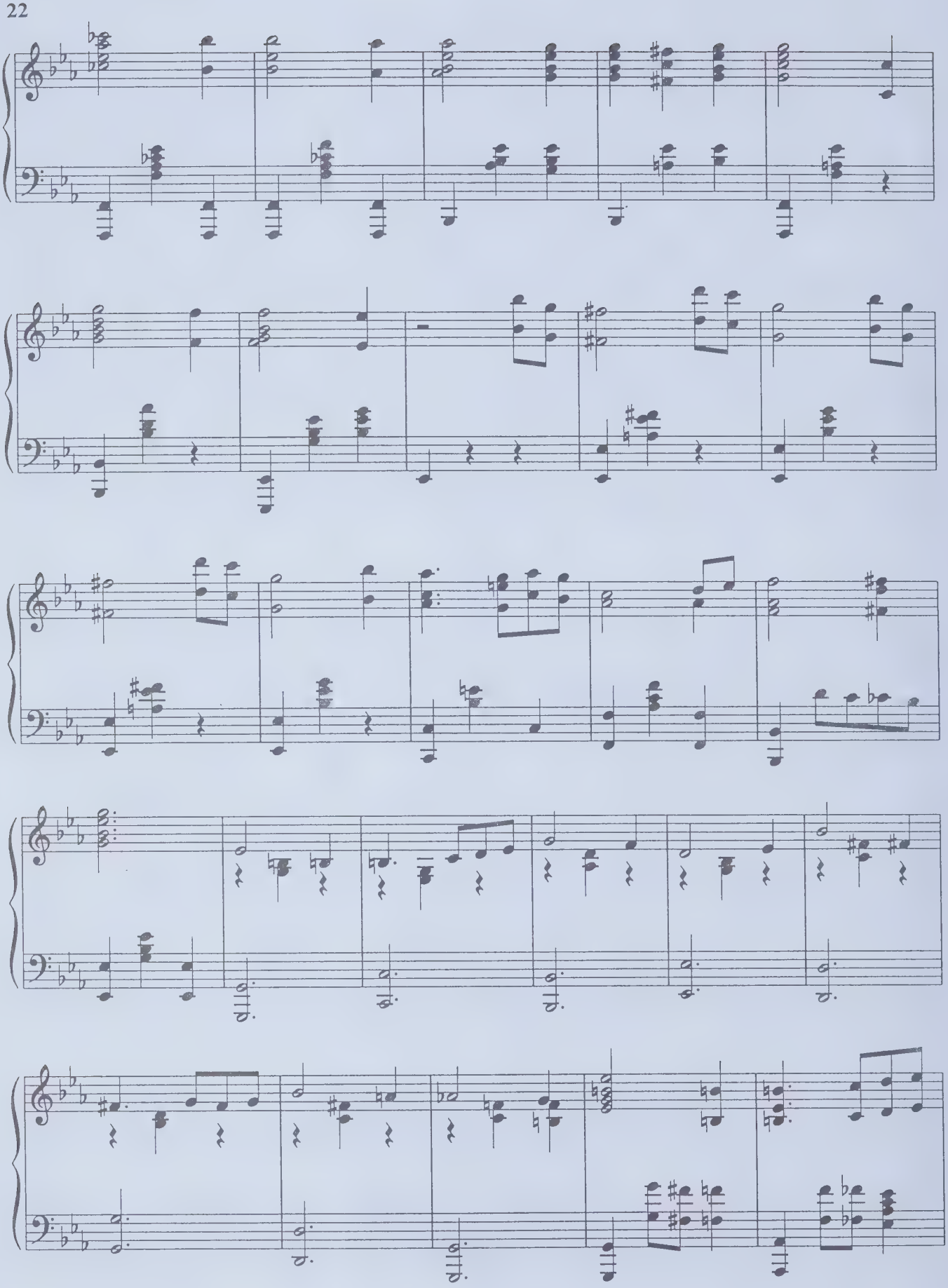
Полька

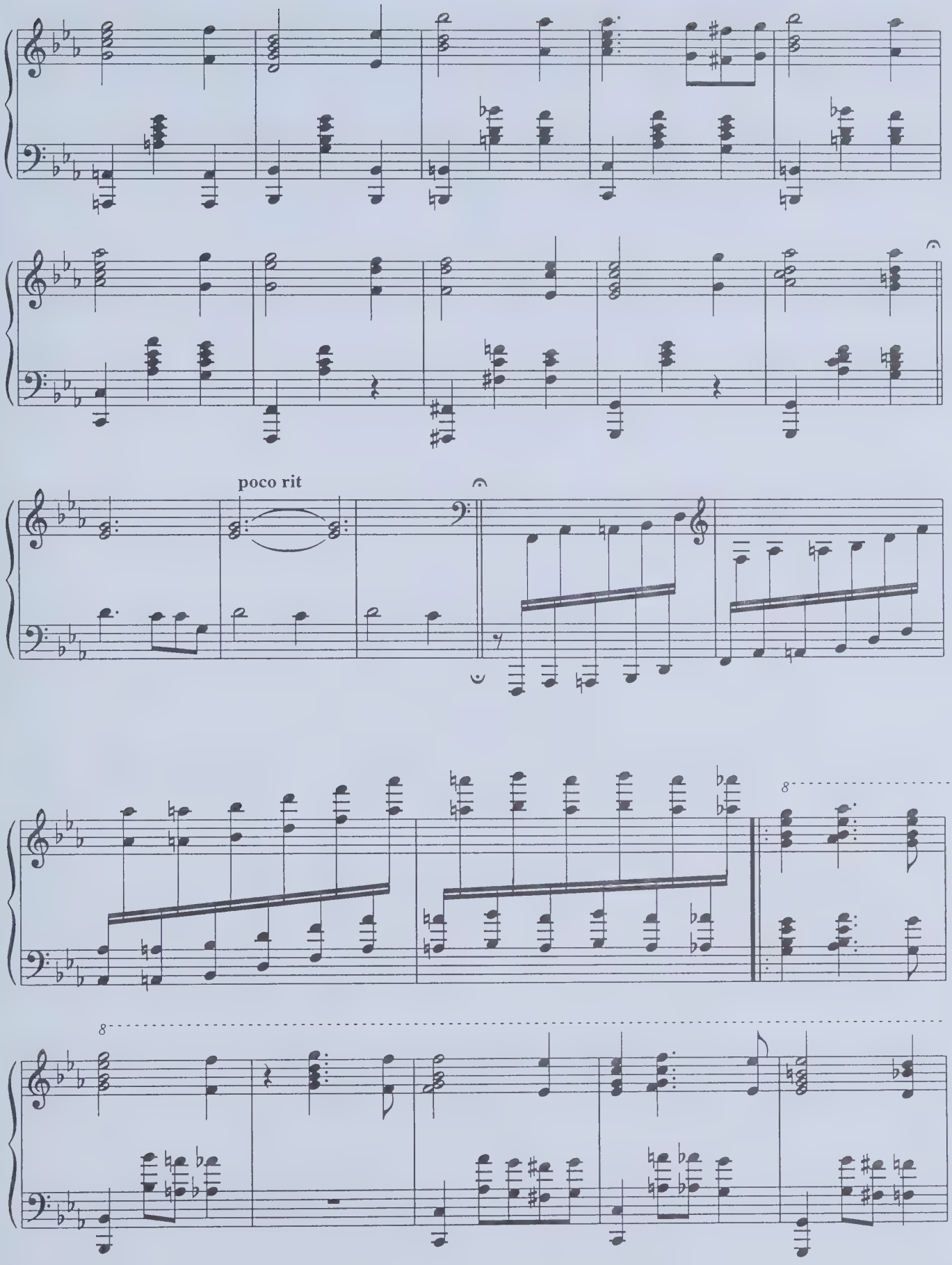
Allegro moderato



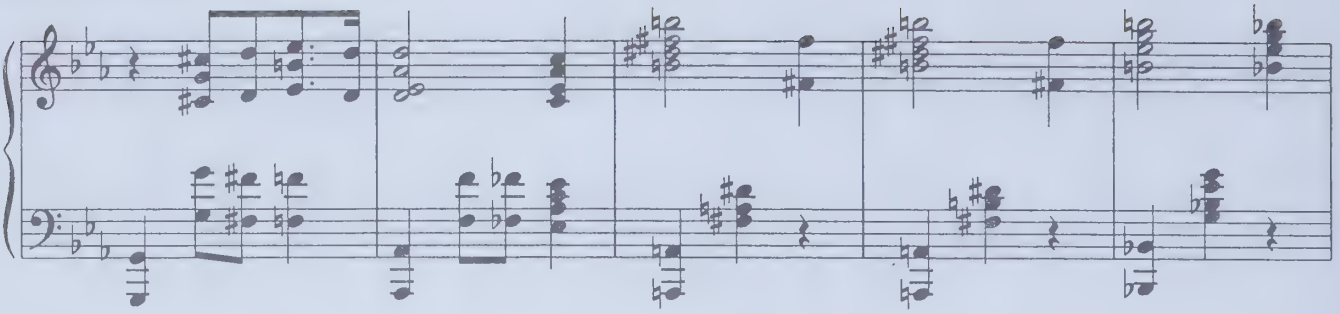
Хаотический вальс

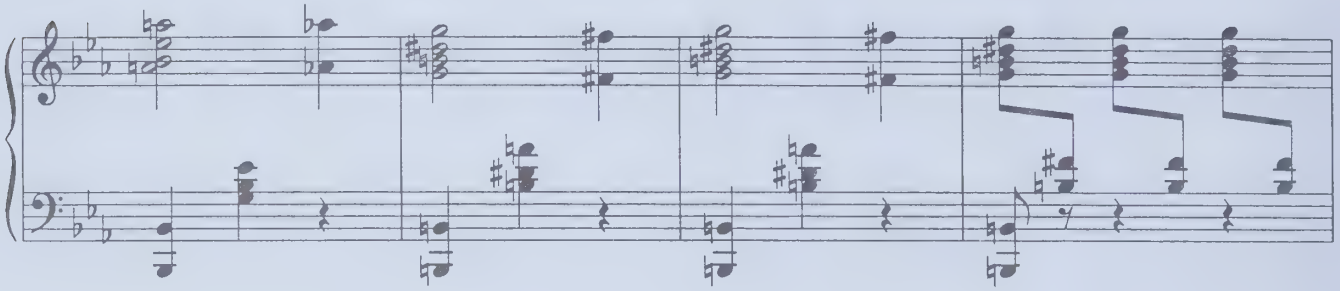


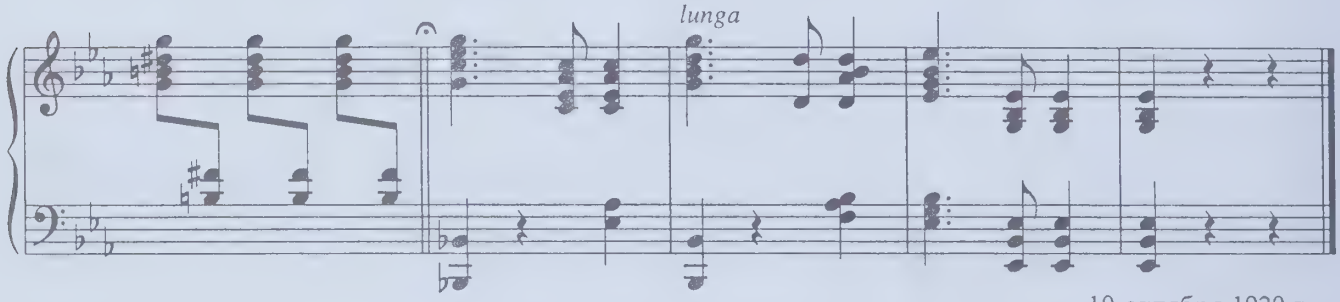



poco rit
8
8

8





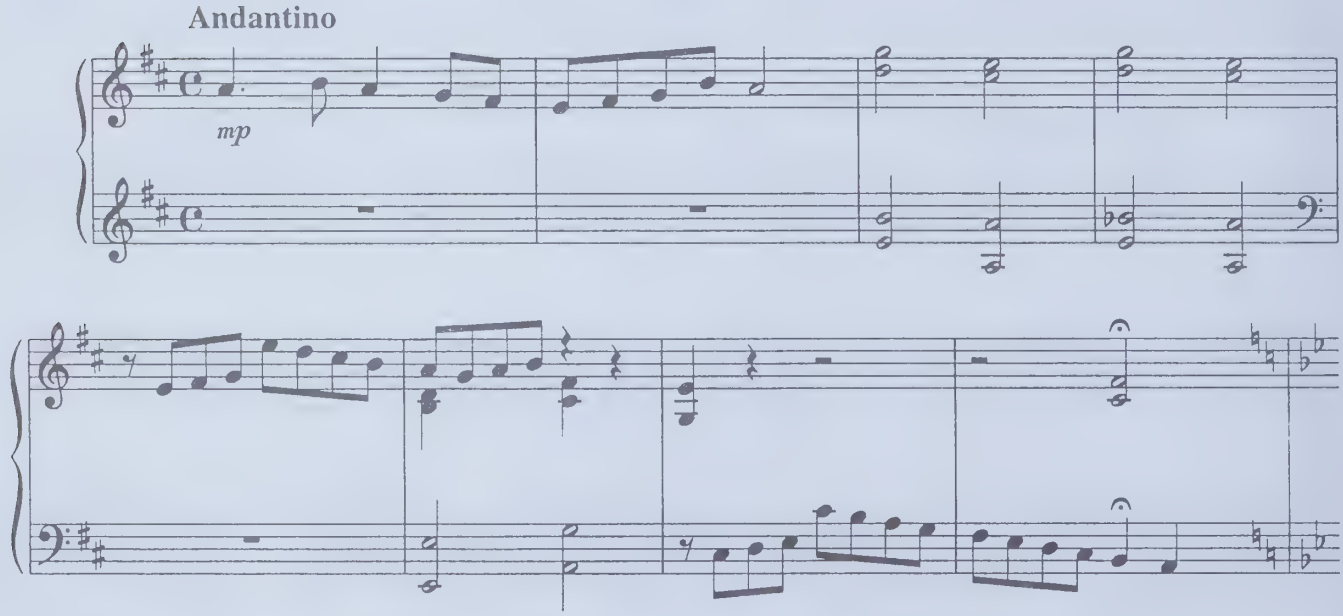


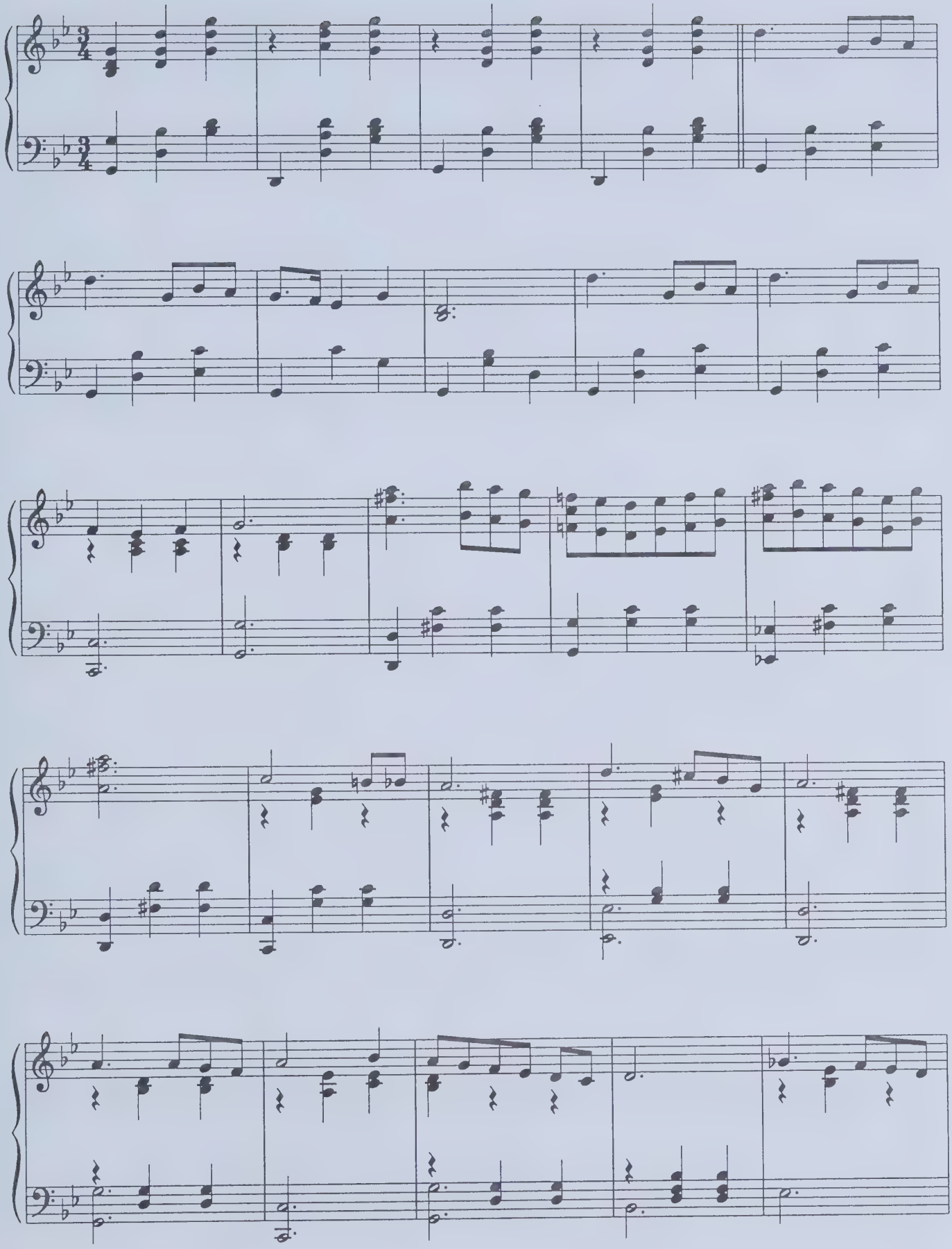
10 октября 1920 г.

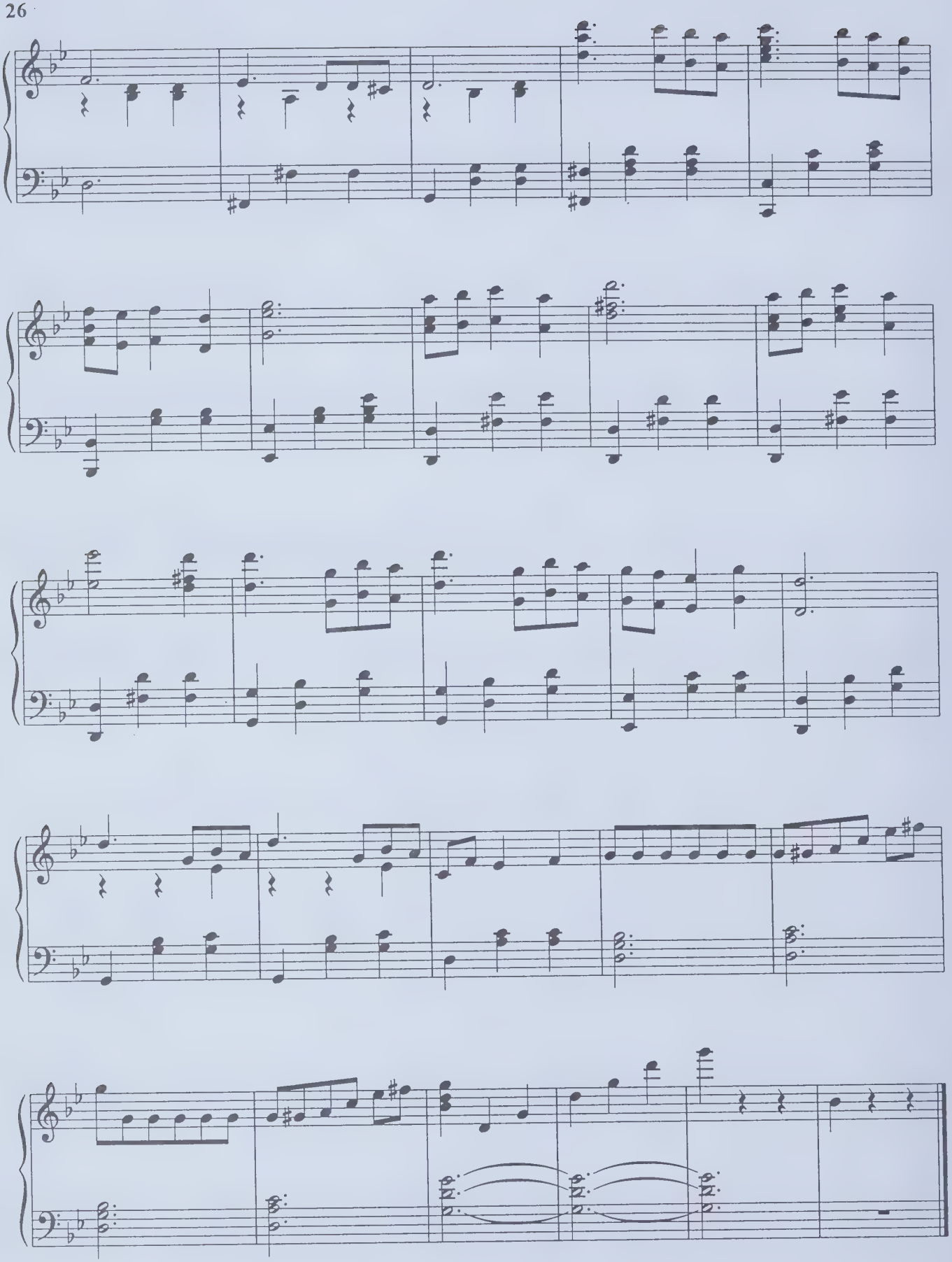
„В ЛУННОМ СВЕТЕ"

из музыкальных набросков к пьесе неустановленного автора

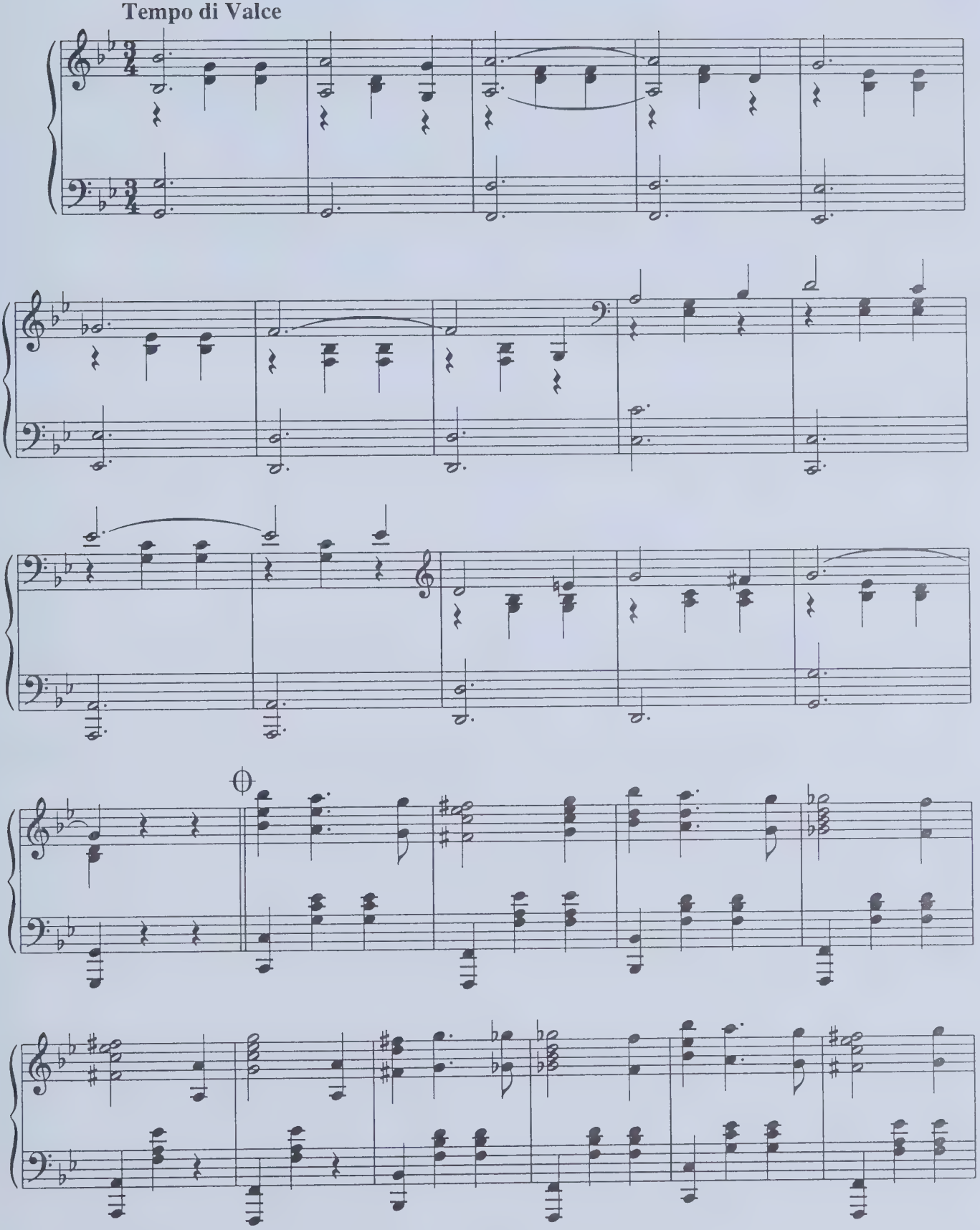
а) Интродукция

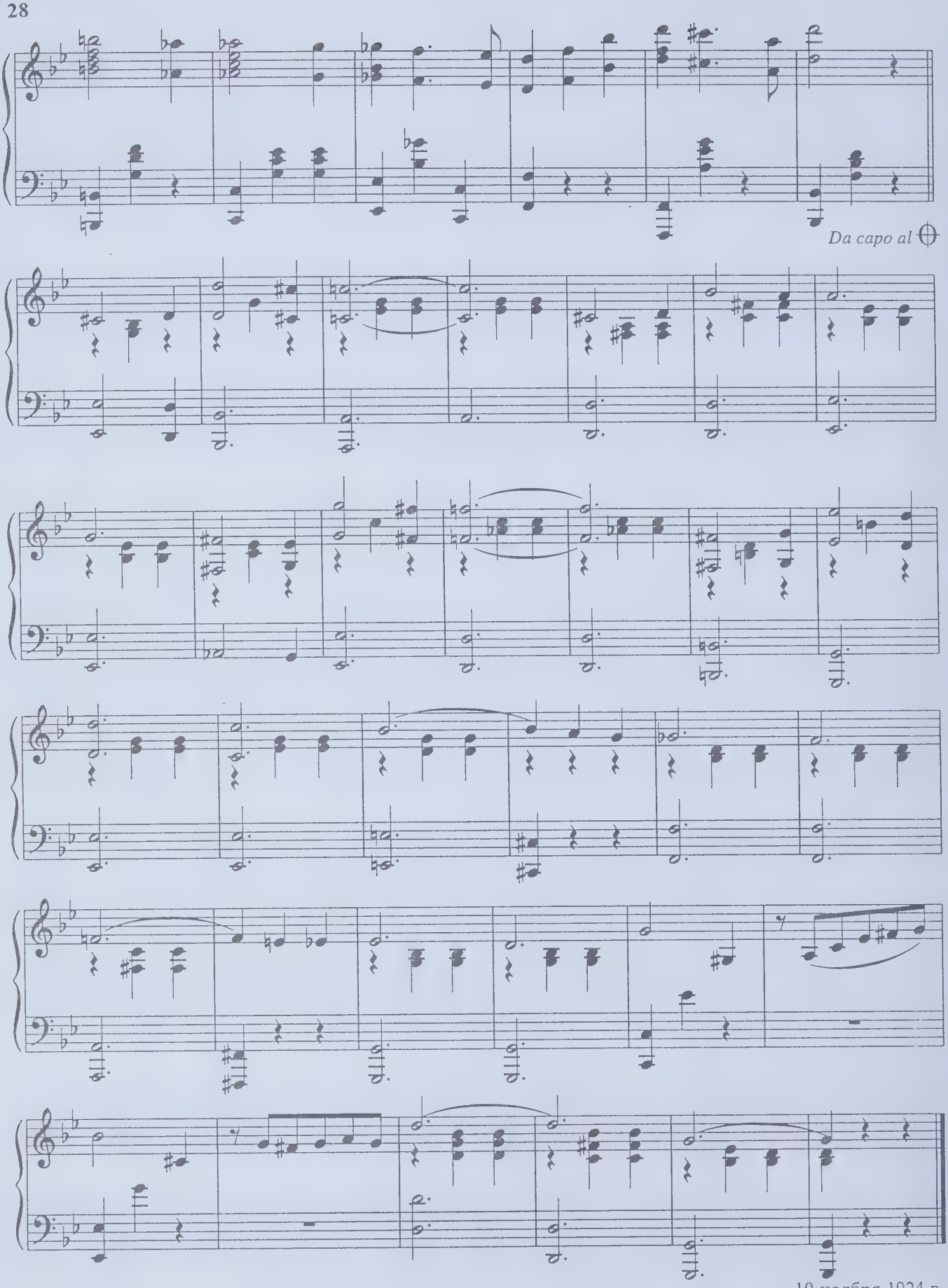






б) Вальс



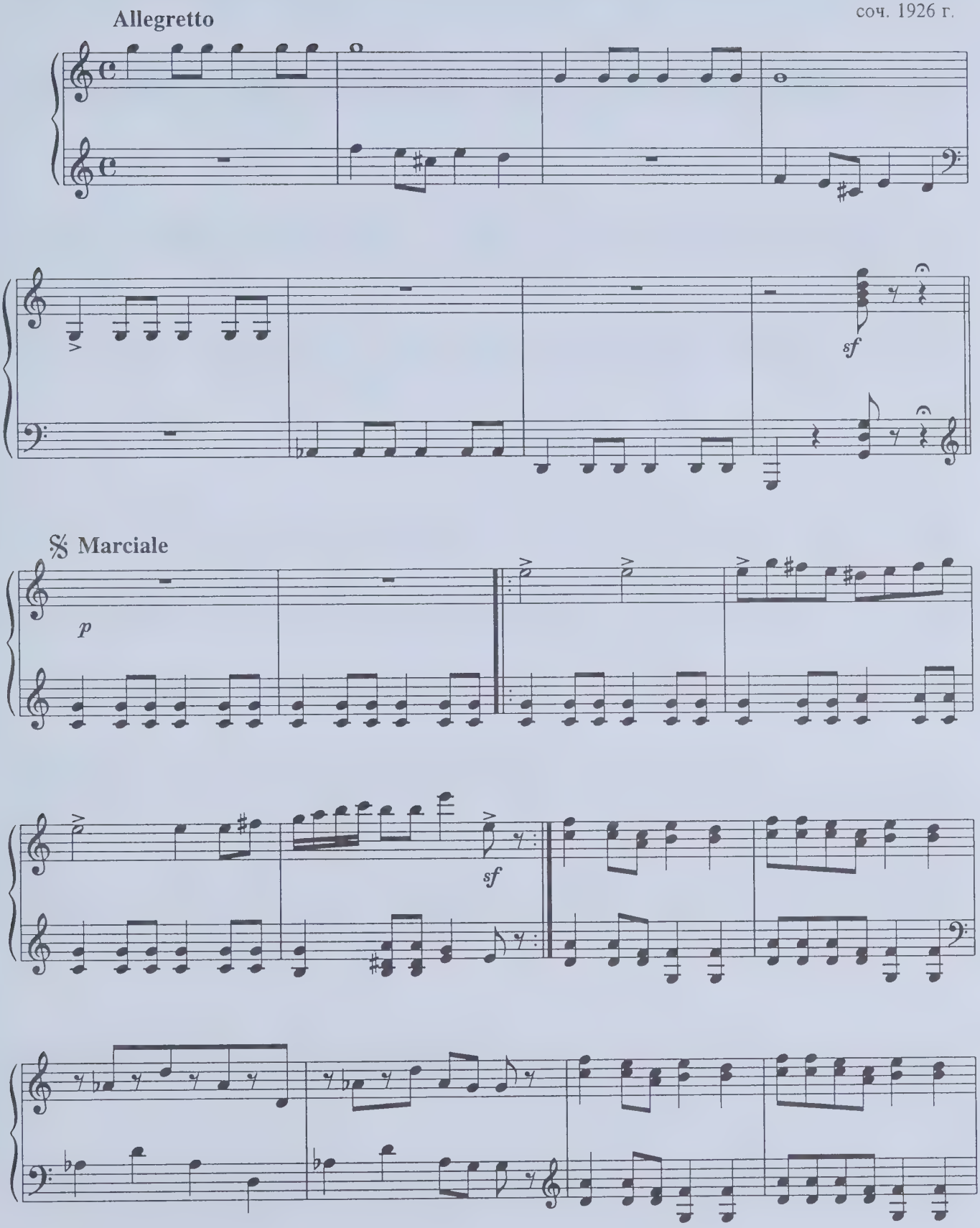


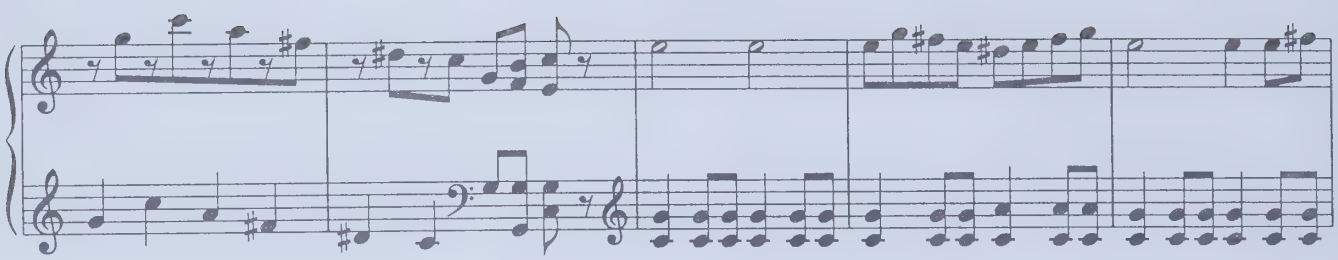
10 ноября 1924 г.

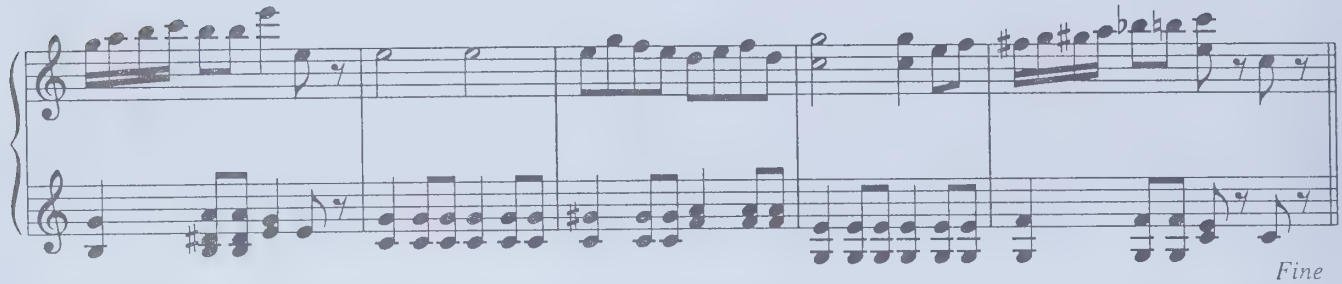
Моей золотой Бобочке

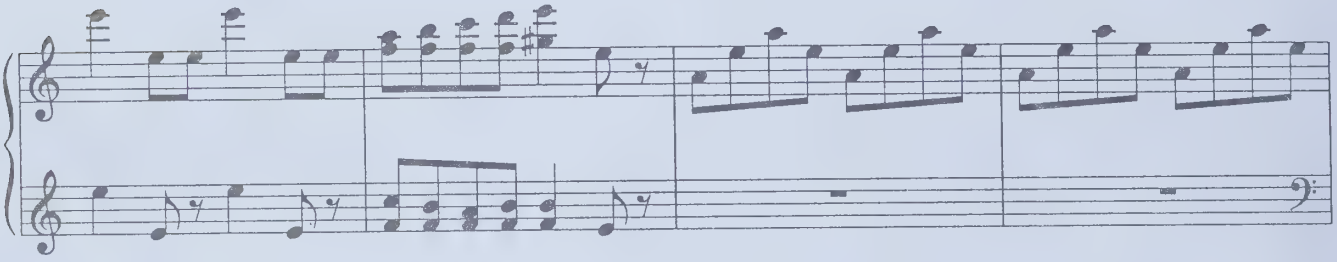
КУКОЛЬНЫЙ МАРШ

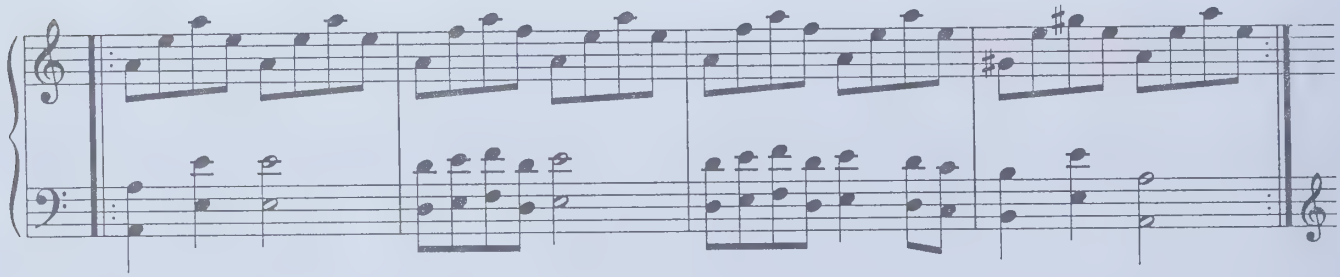
соч. 1926 г.

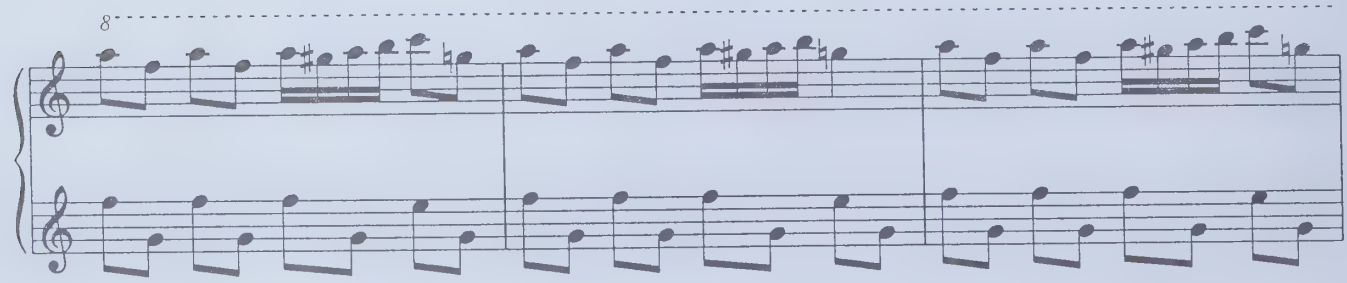


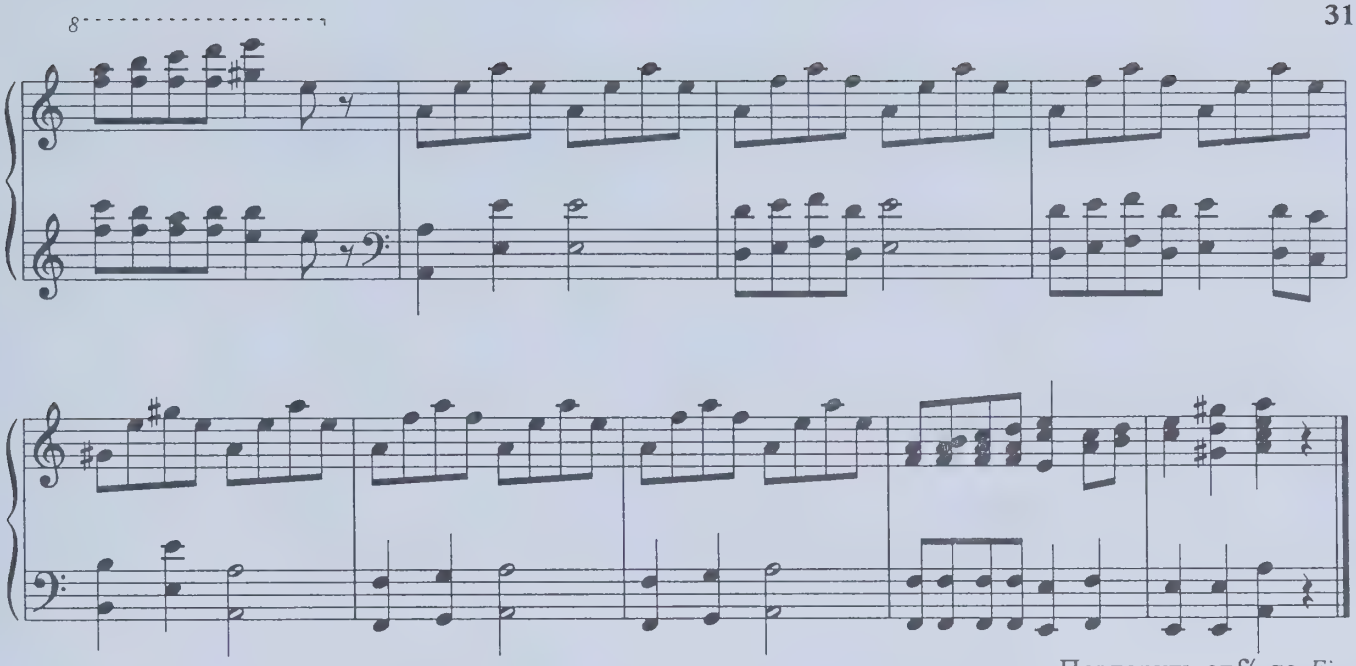



Fine





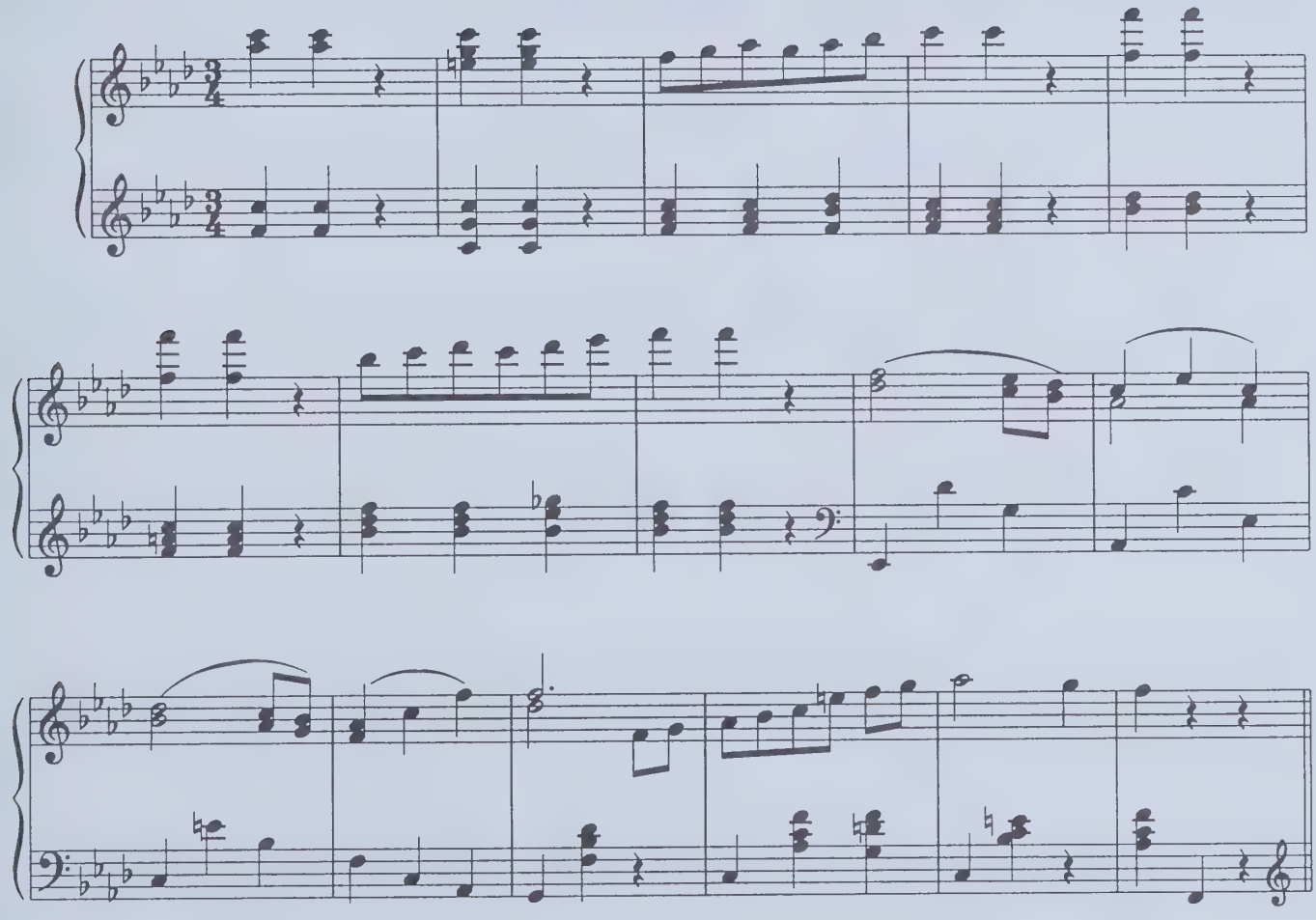

8



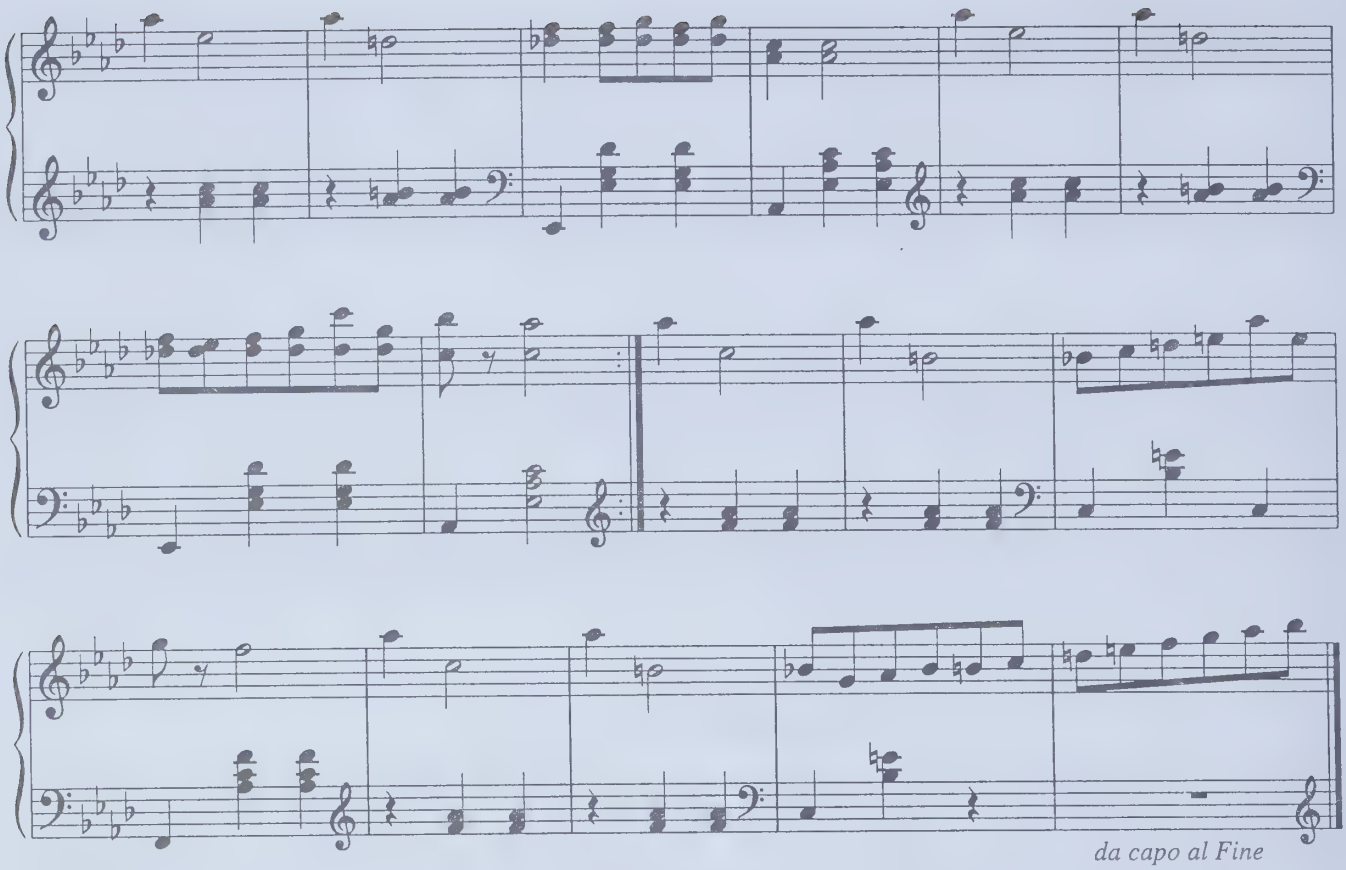
Повторить от 𝄋 до *Fine*

БОБОЧКИН МЕНУЭТ

Andante



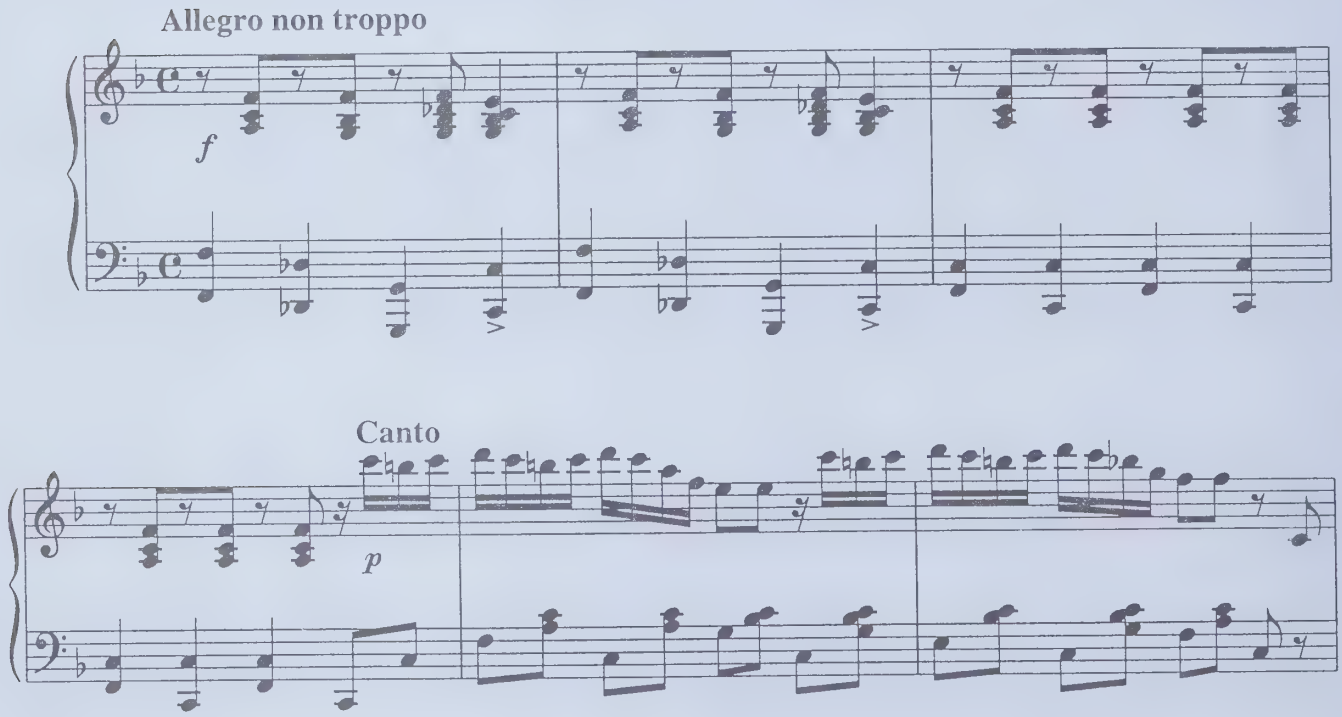
Fine

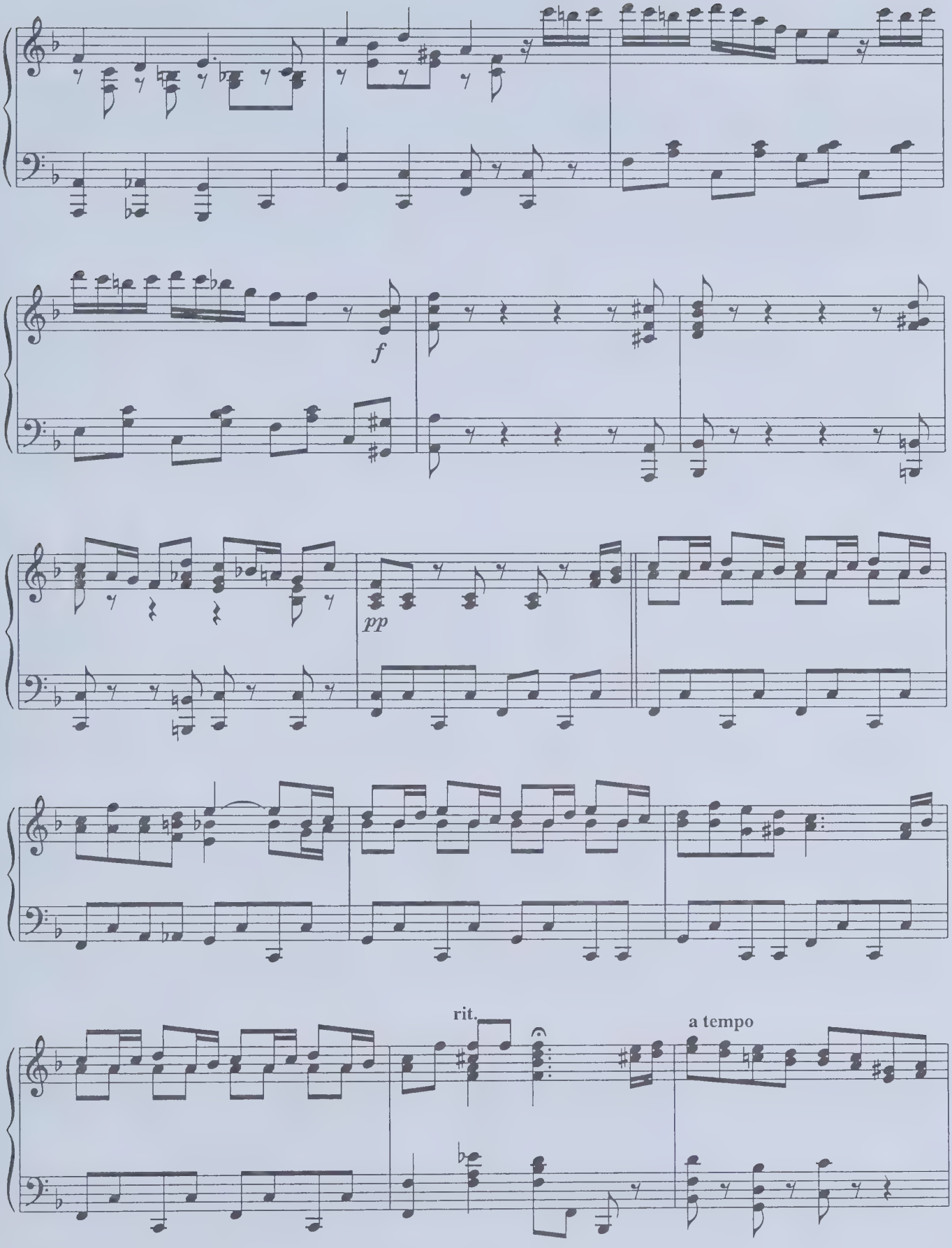


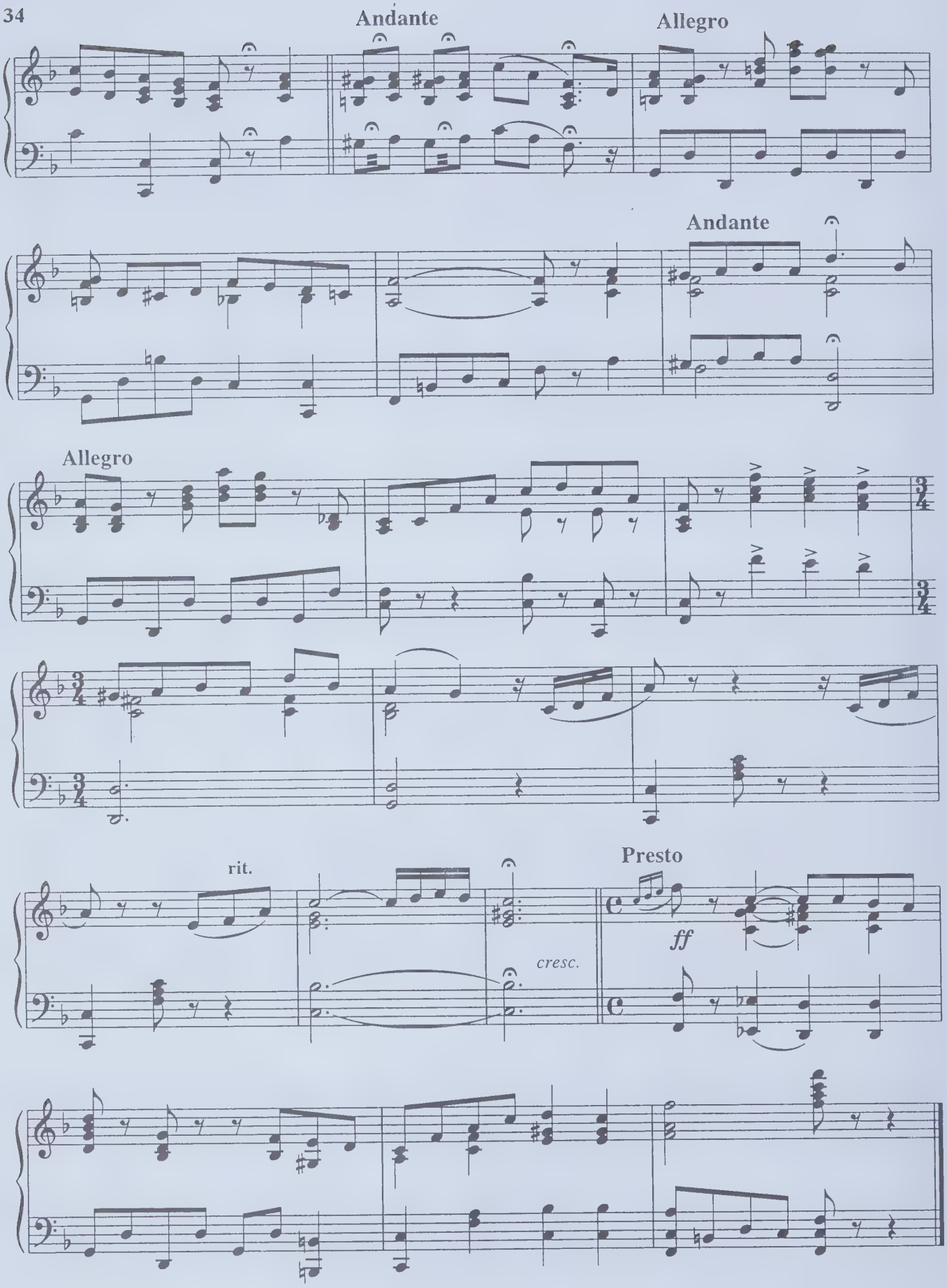
Симферополь 16 ноября 1926 г.

ТРИ ПАРОДИИ

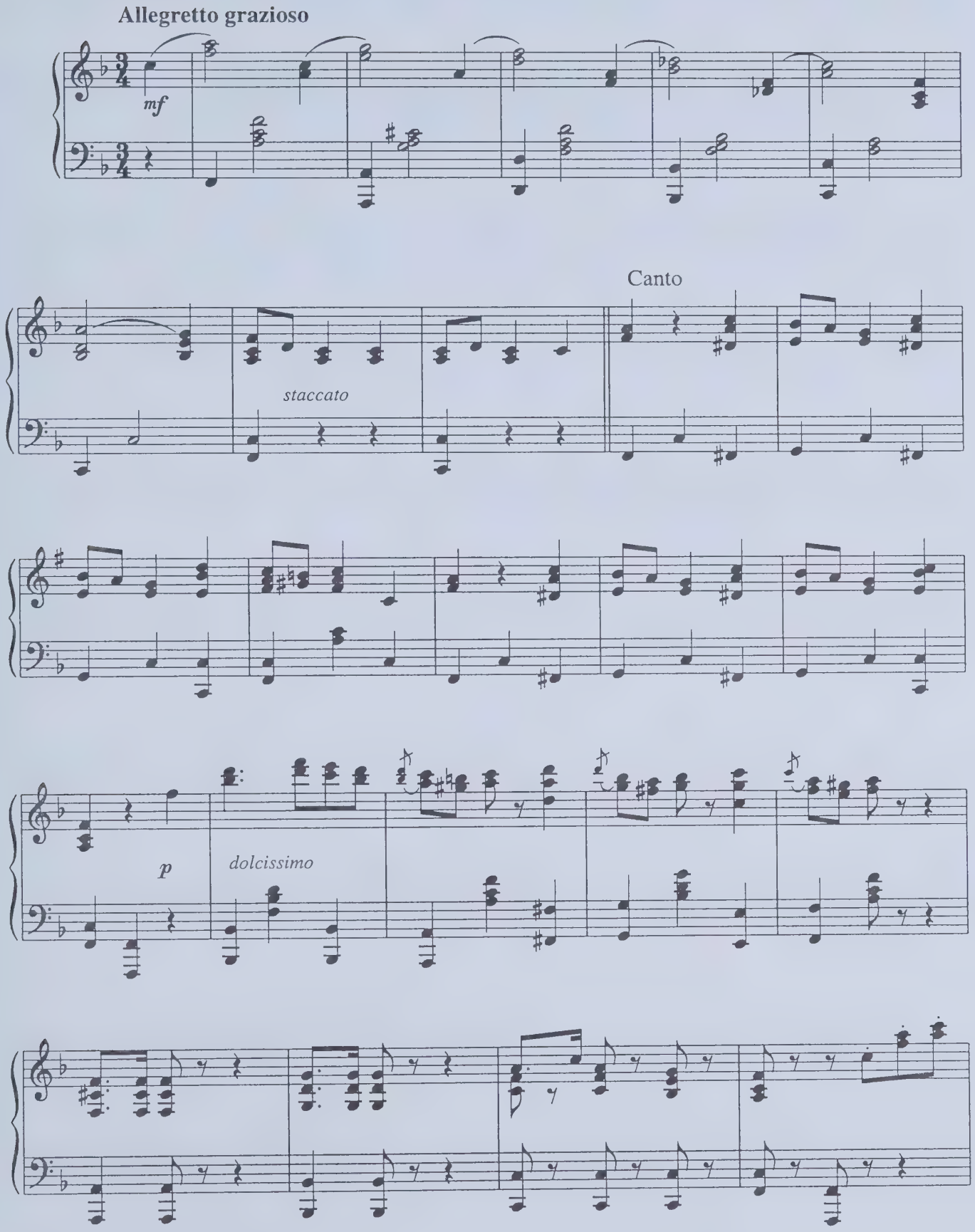
1. Французская шансонетка

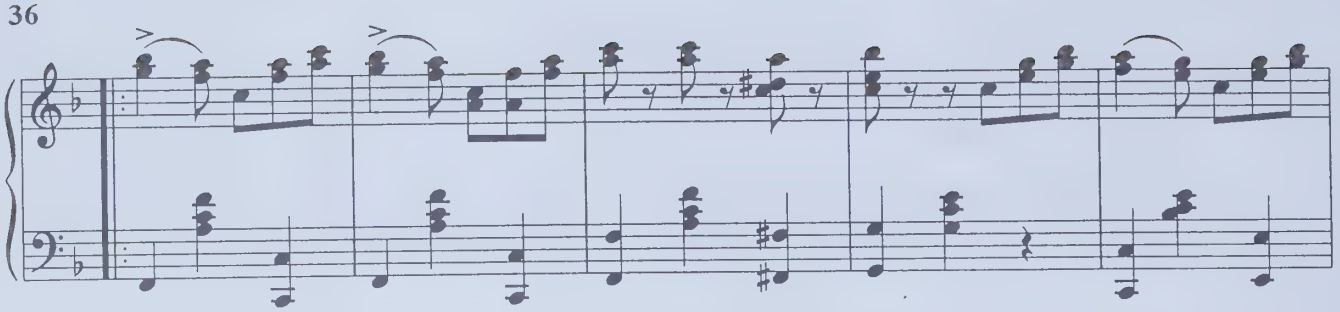


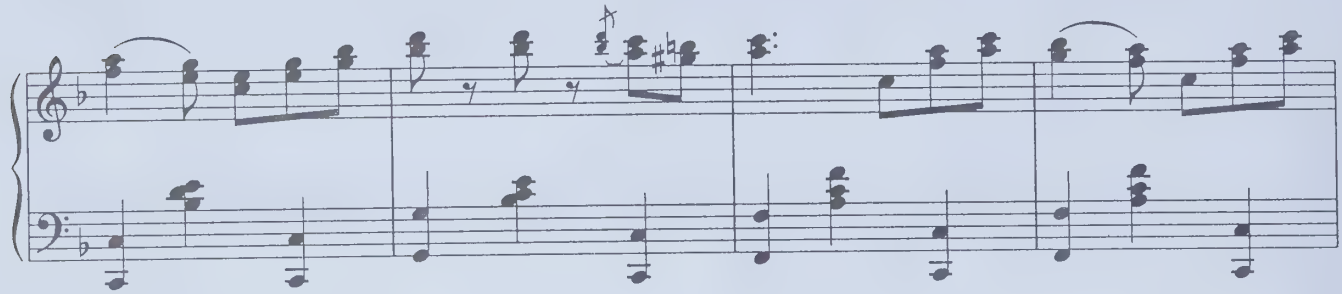

f
pp
rit.
a tempo


Andante
Allegro
Andante
Allegro
rit.
cresc.
Presto
ff

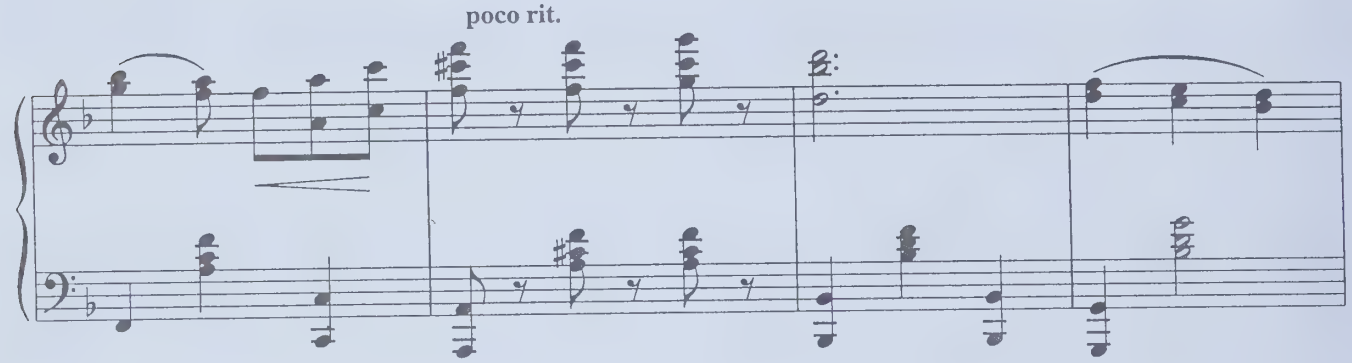
2. Немецкая шансонетка



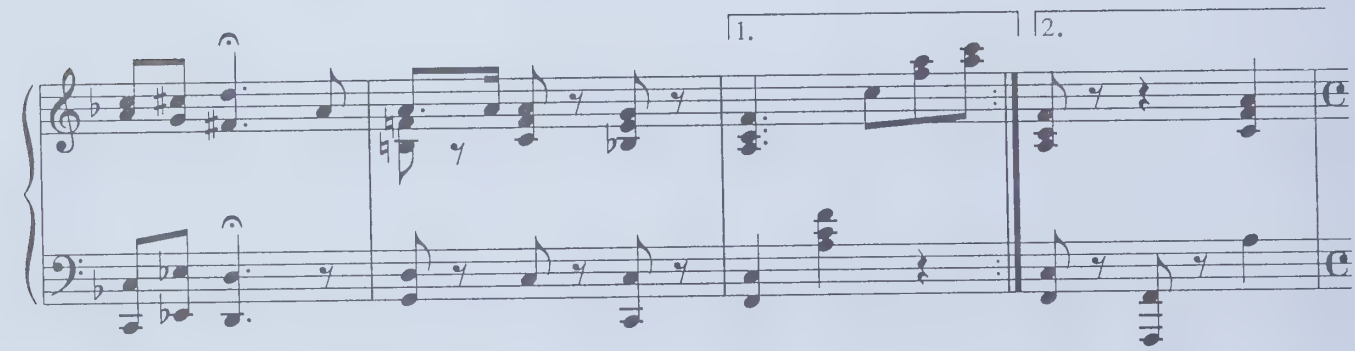




poco rit.

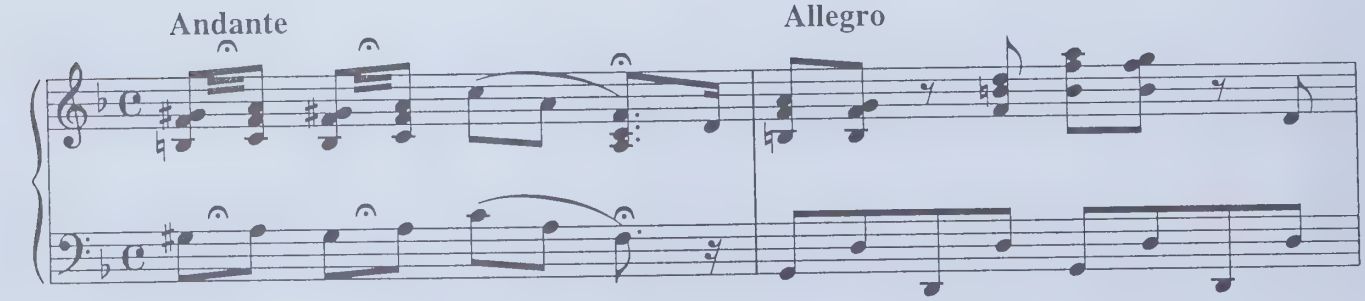


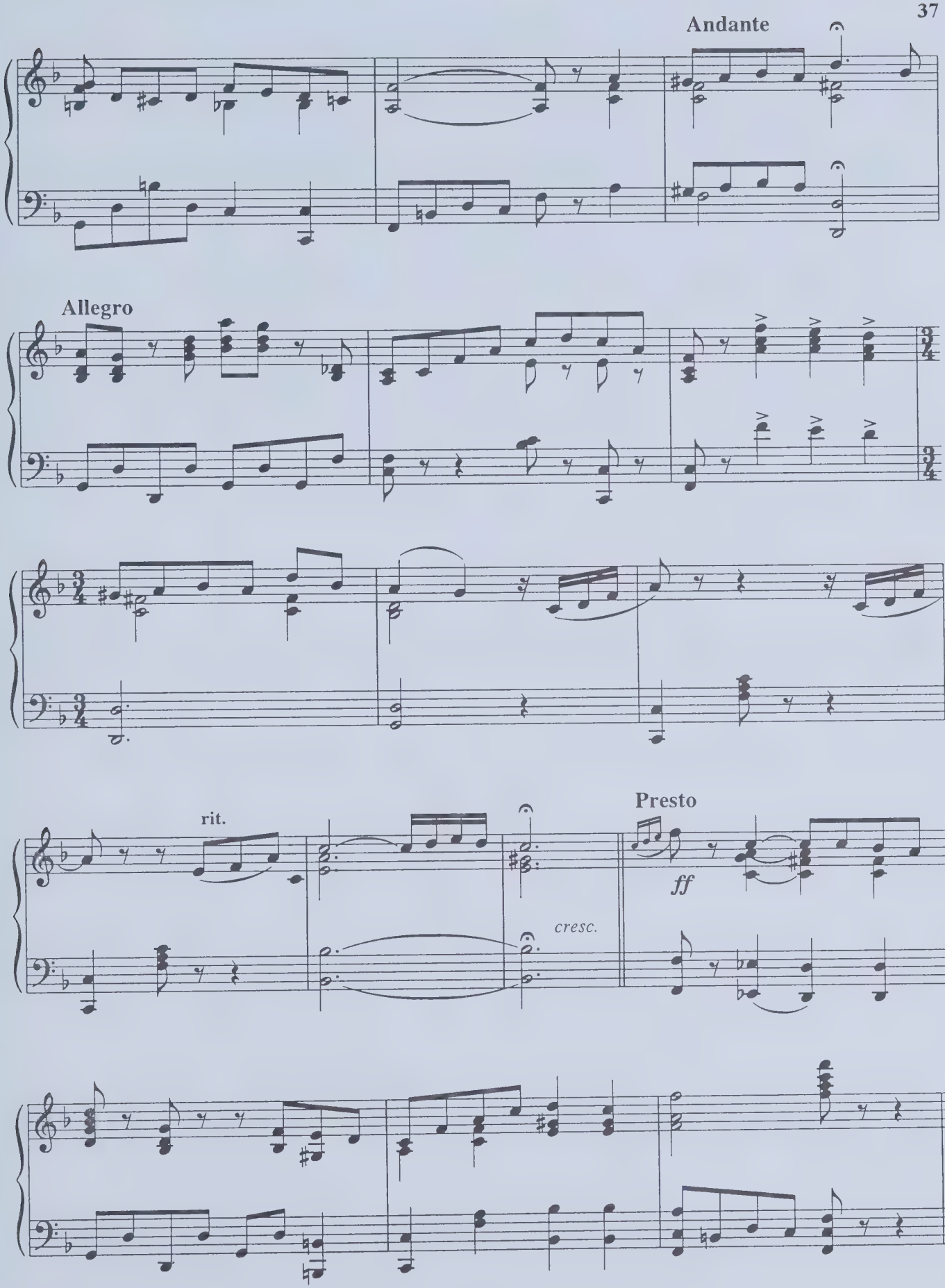
1. 2.



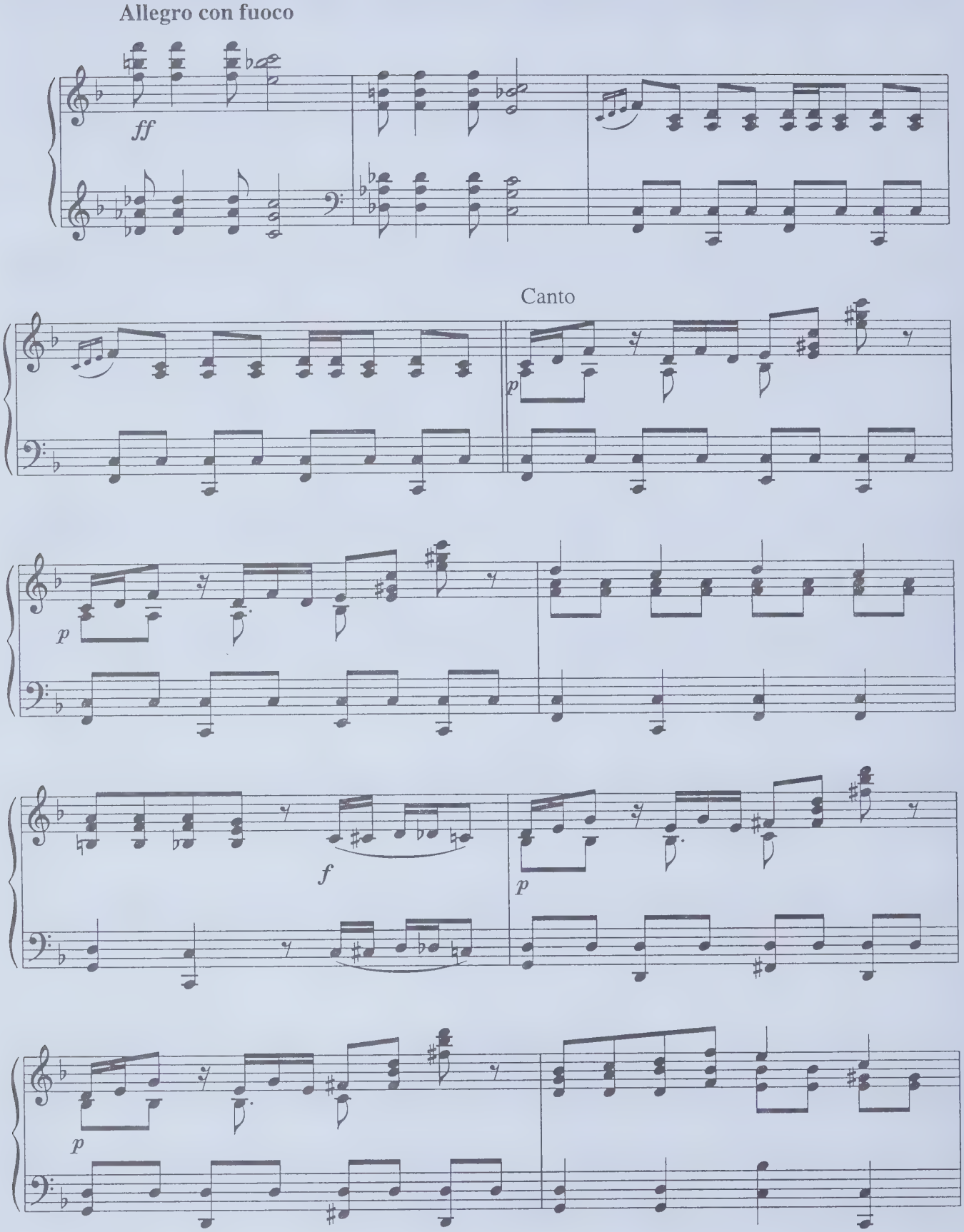
Andante

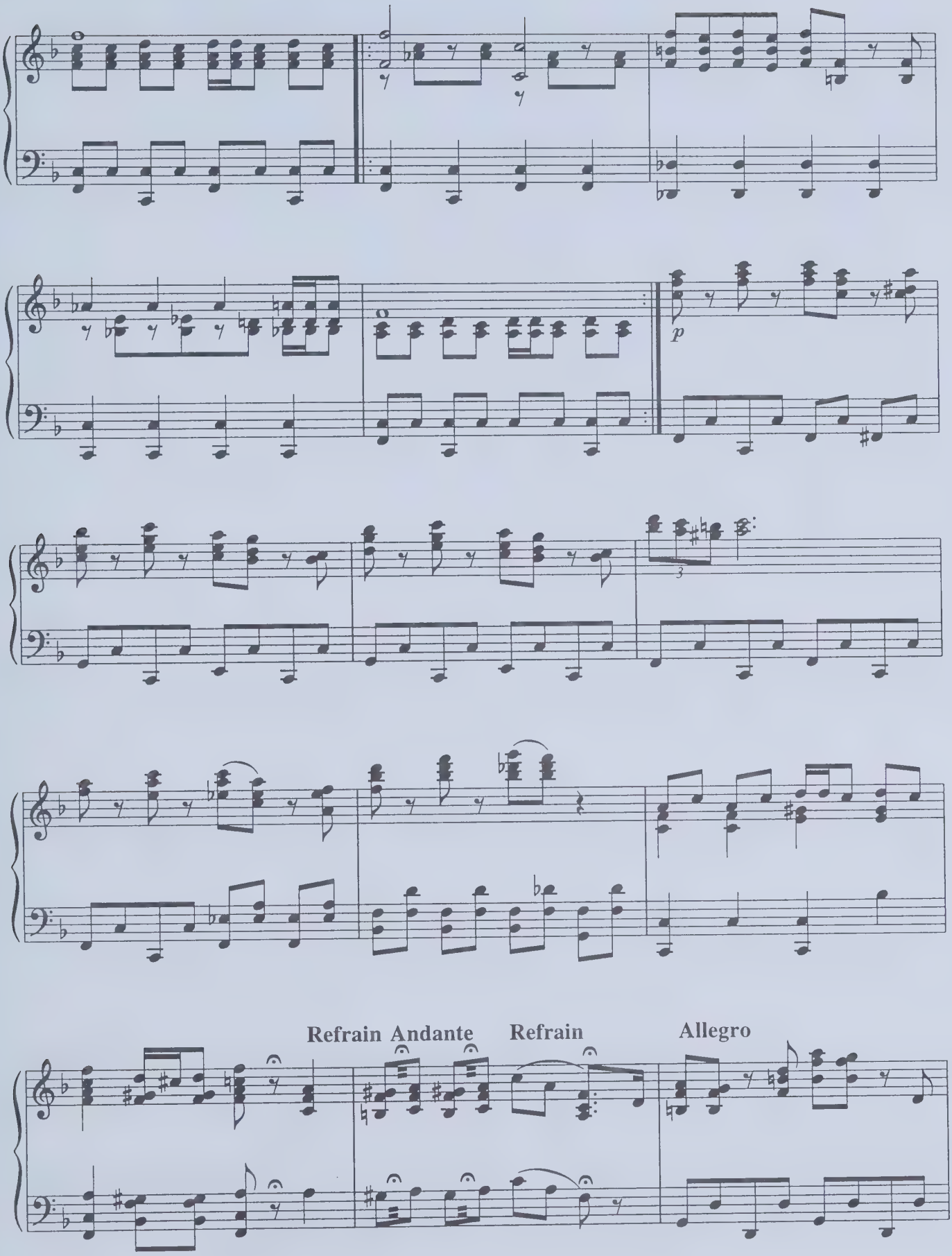
Allegro

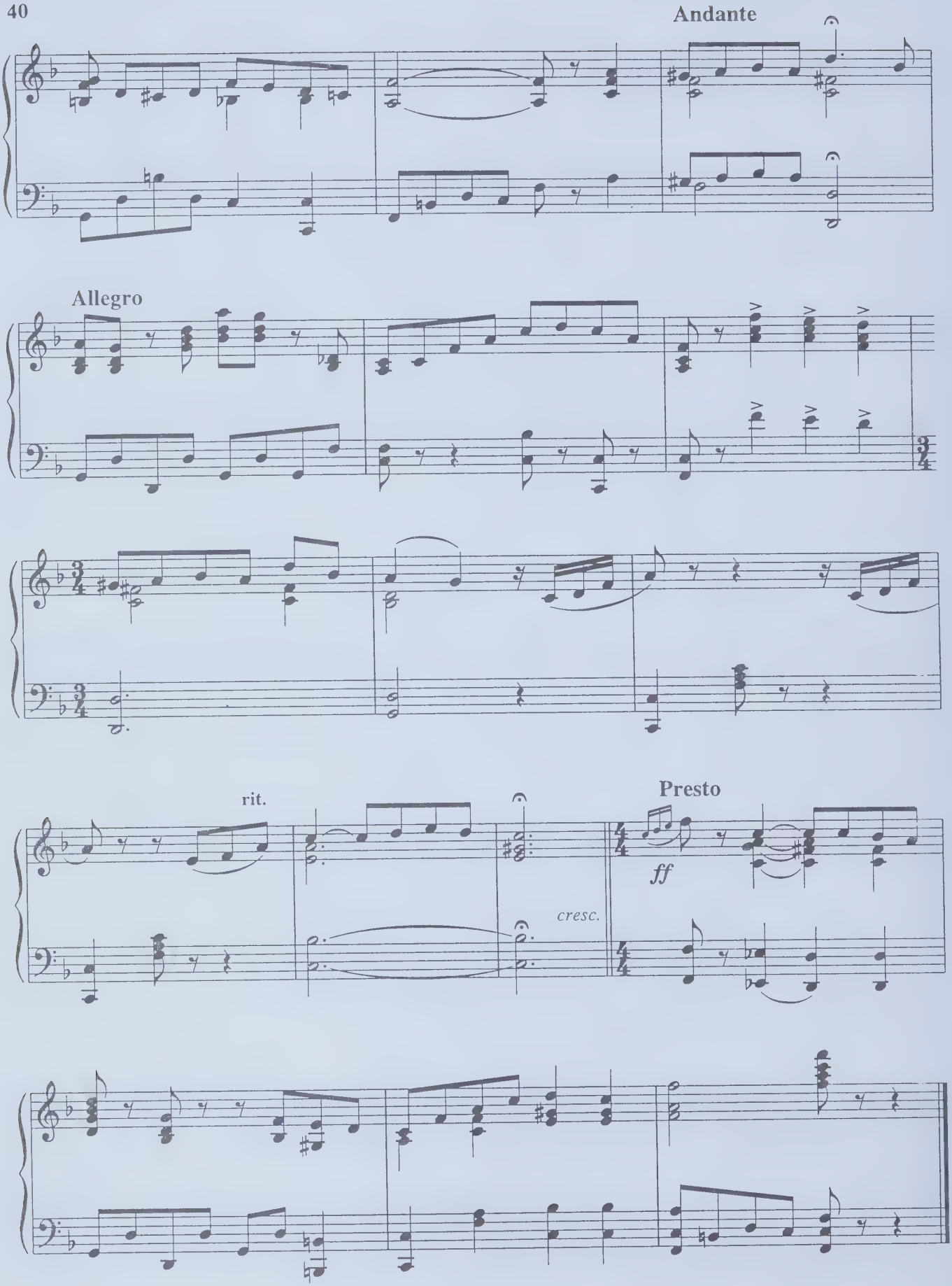



Andante
Allegro
rit.
Presto
ff
cresc.

3. Английская шансонетка

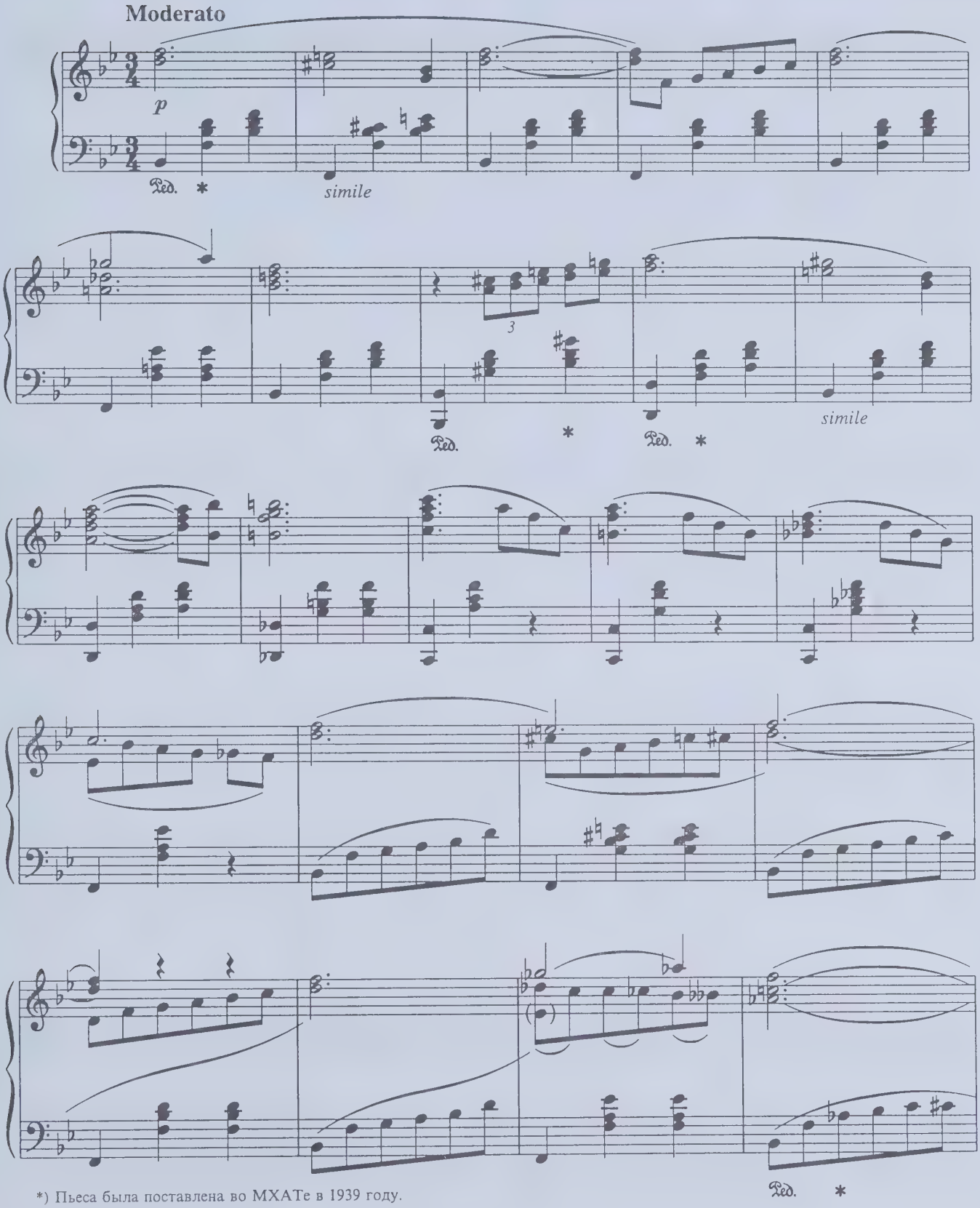



p
3
Refrain Andante
Refrain
Allegro

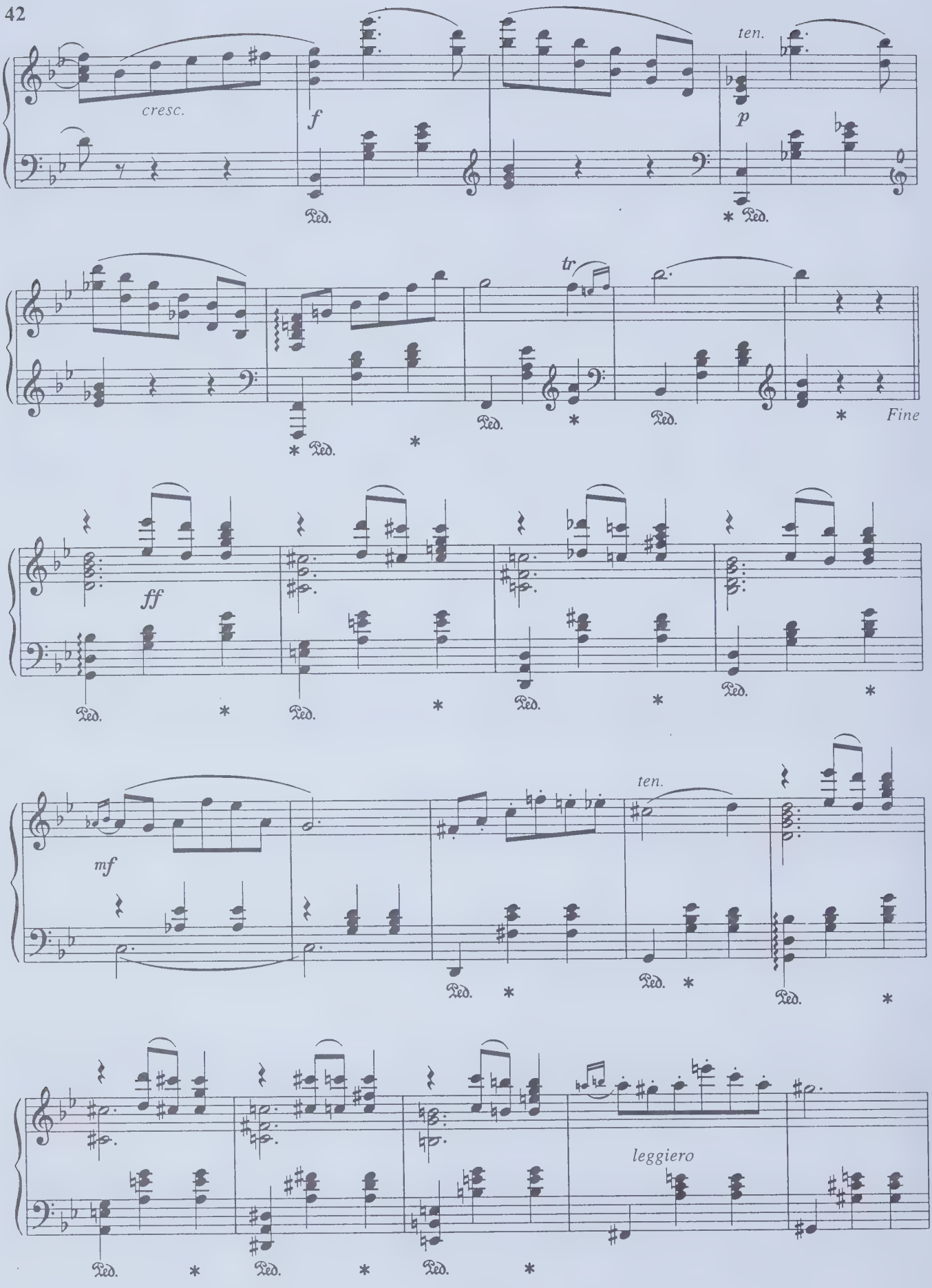

Andante
Allegro
rit.
Presto
ff
cresc.

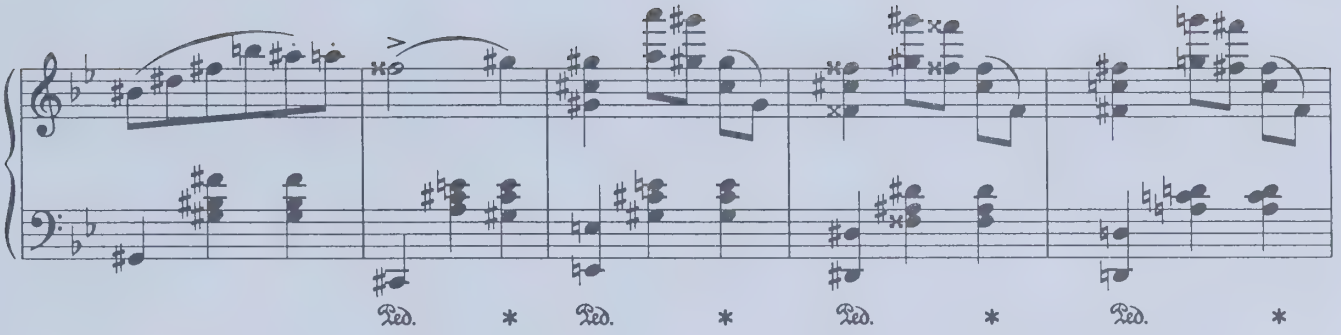
ИЗ МУЗЫКИ К ПЬЕСЕ Л. ЛЕОНОВА „ПОЛОВЧАНСКИЕ САДЫ" *)

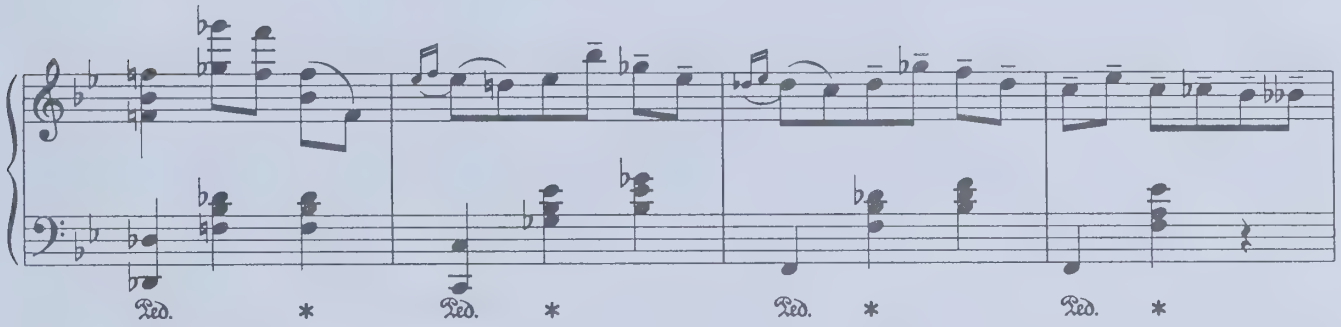
Вальс

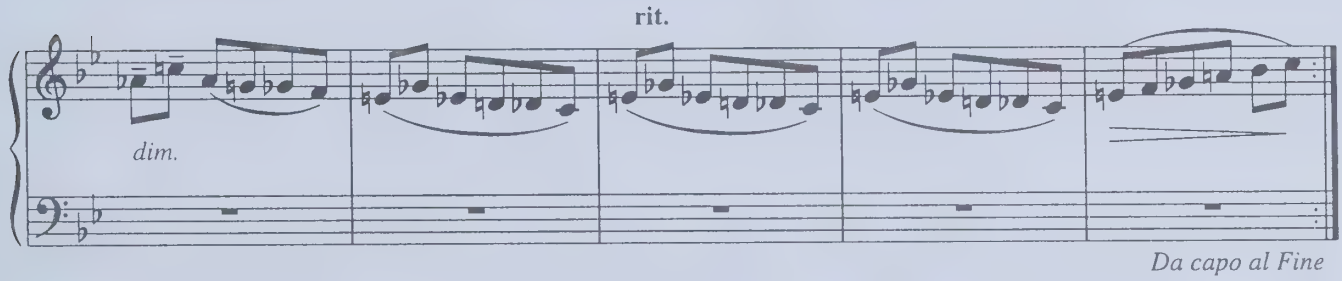


*) Пьеса была поставлена во МХАТе в 1939 году.


cresc.
f
ten.
p
Ped.
tr
Fine
ff
mf
leggiero

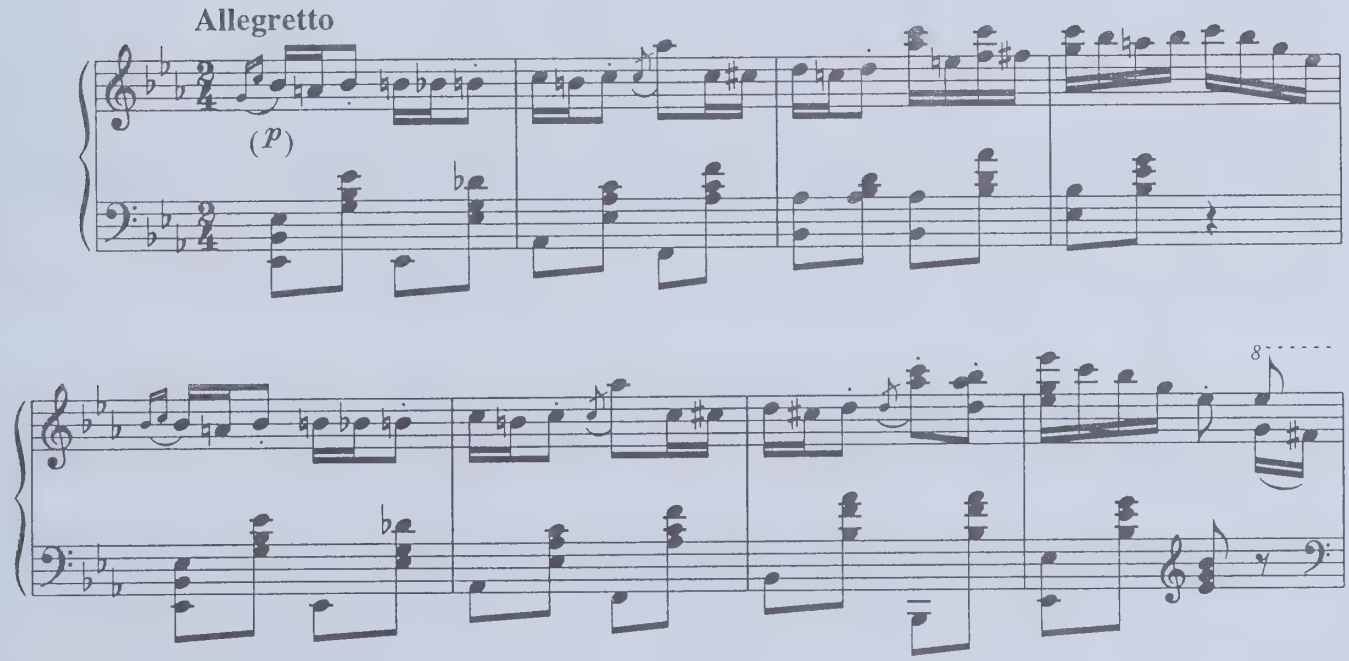


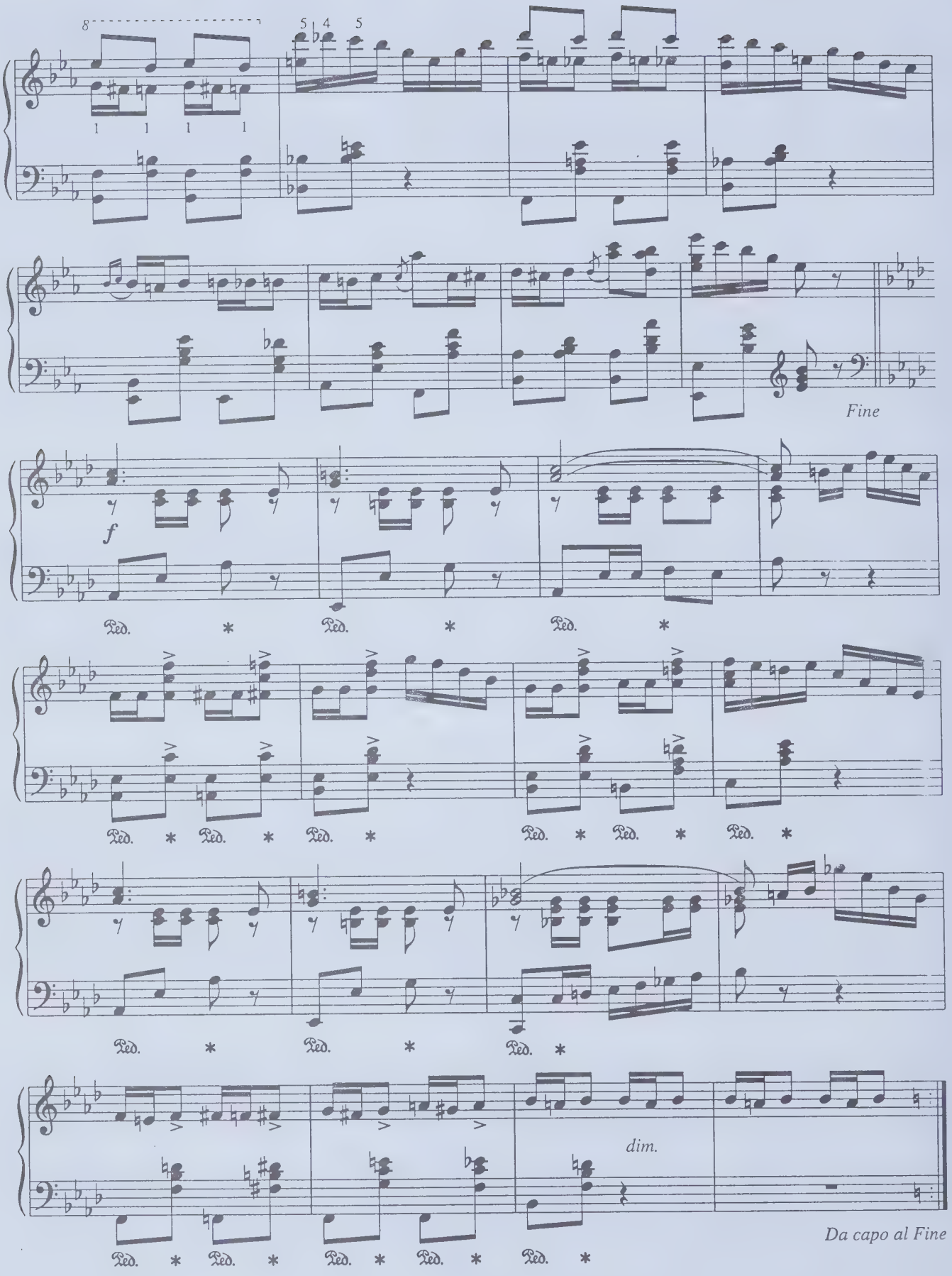




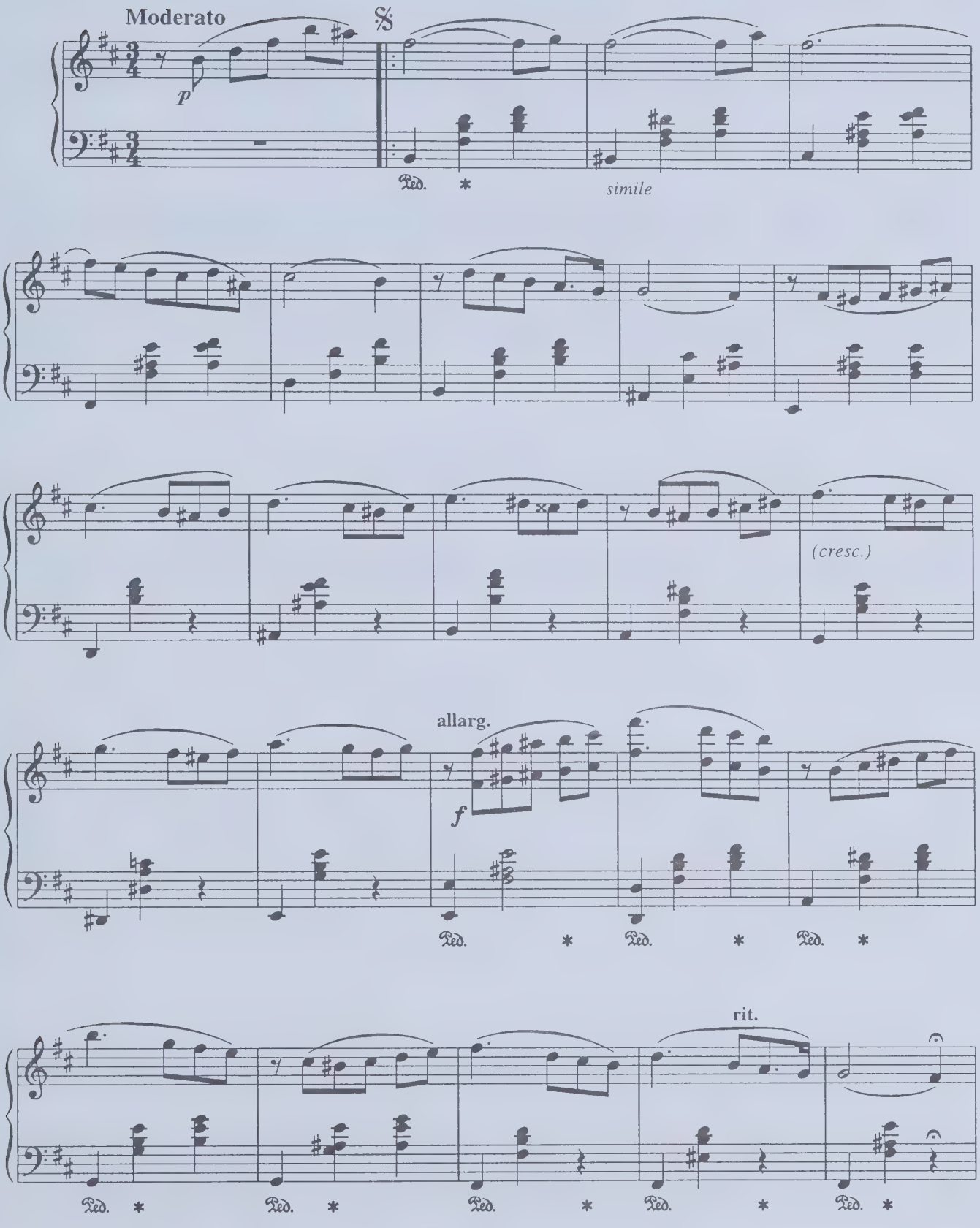
Da capo al Fine

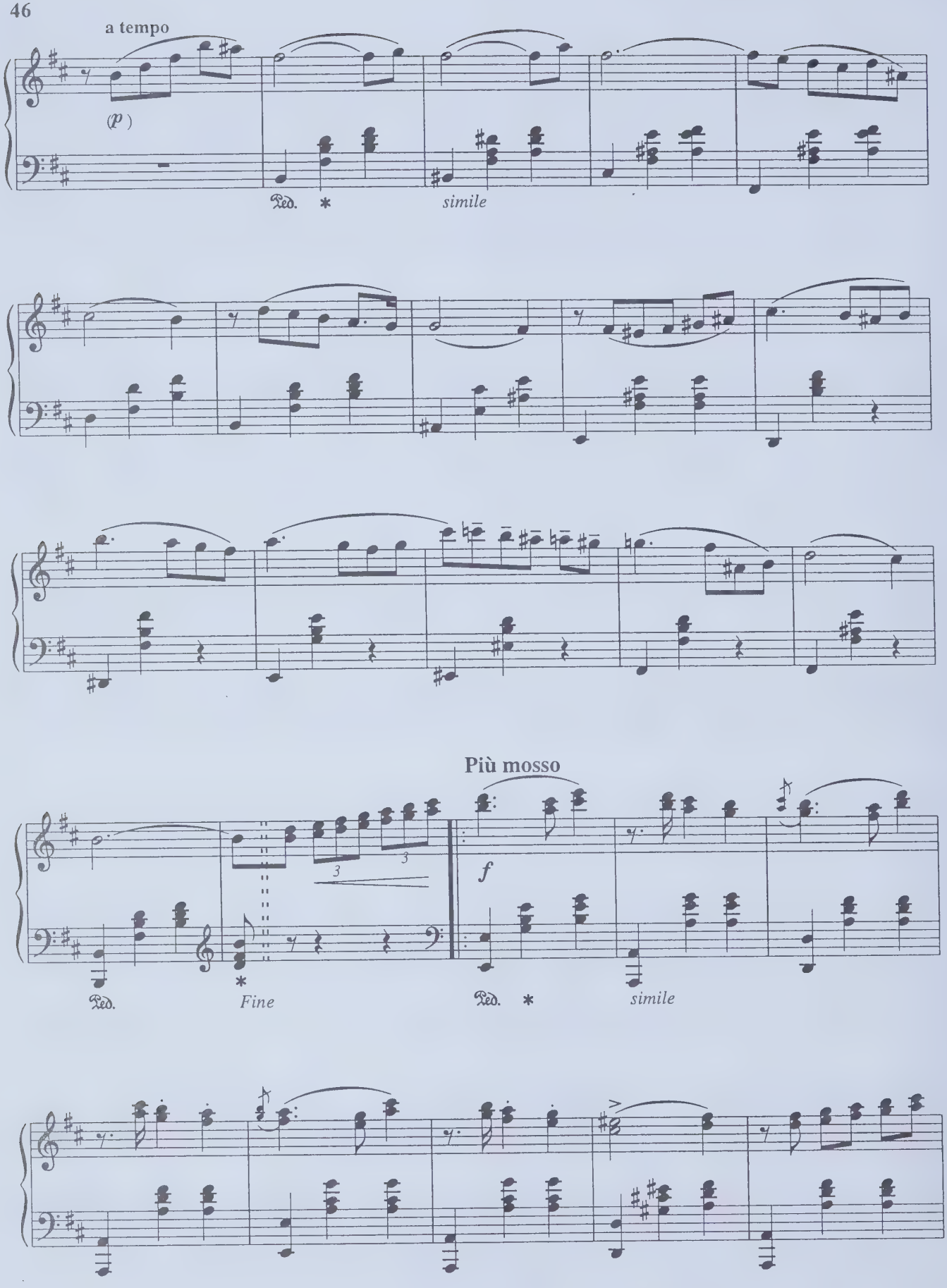
Полька

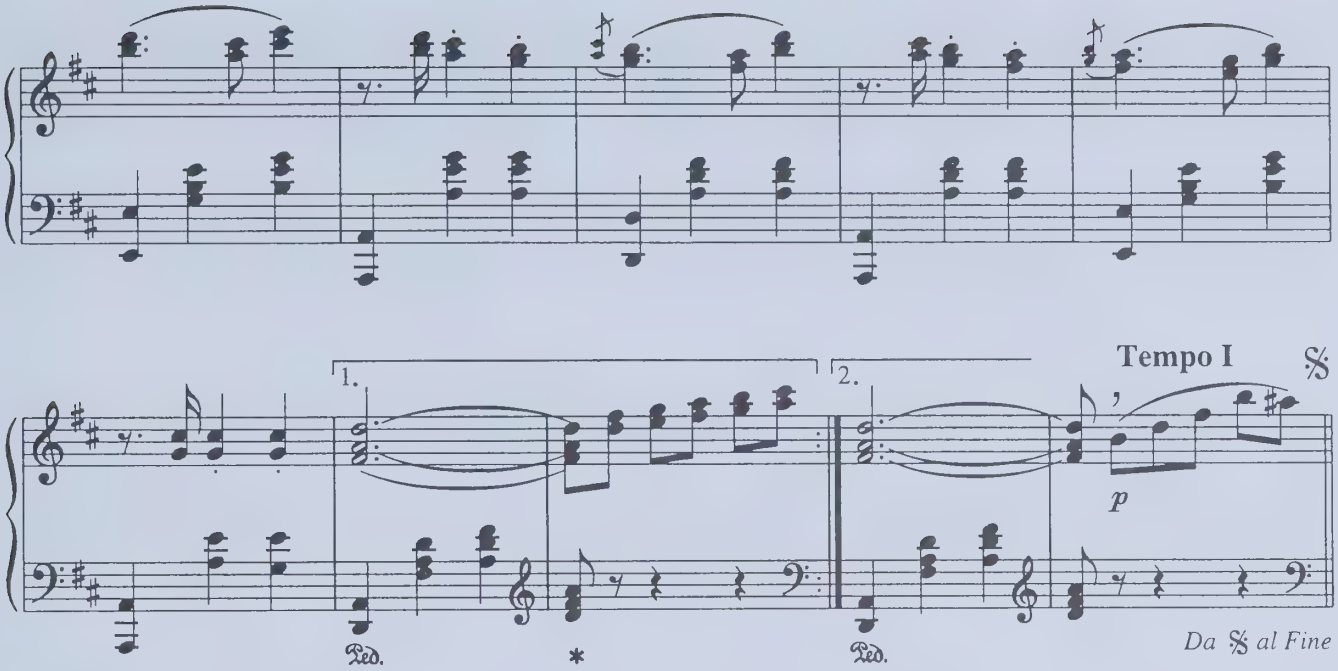



8
5 4 5
1 1 1 1
Fine
f
Ped. * Ped. * Ped. *
Ped. * Ped. * Ped. * Ped. * Ped. *
Ped. * Ped. * Ped. *
dim.
Da capo al Fine
Ped. * Ped. * Ped. * Ped. * Ped. *

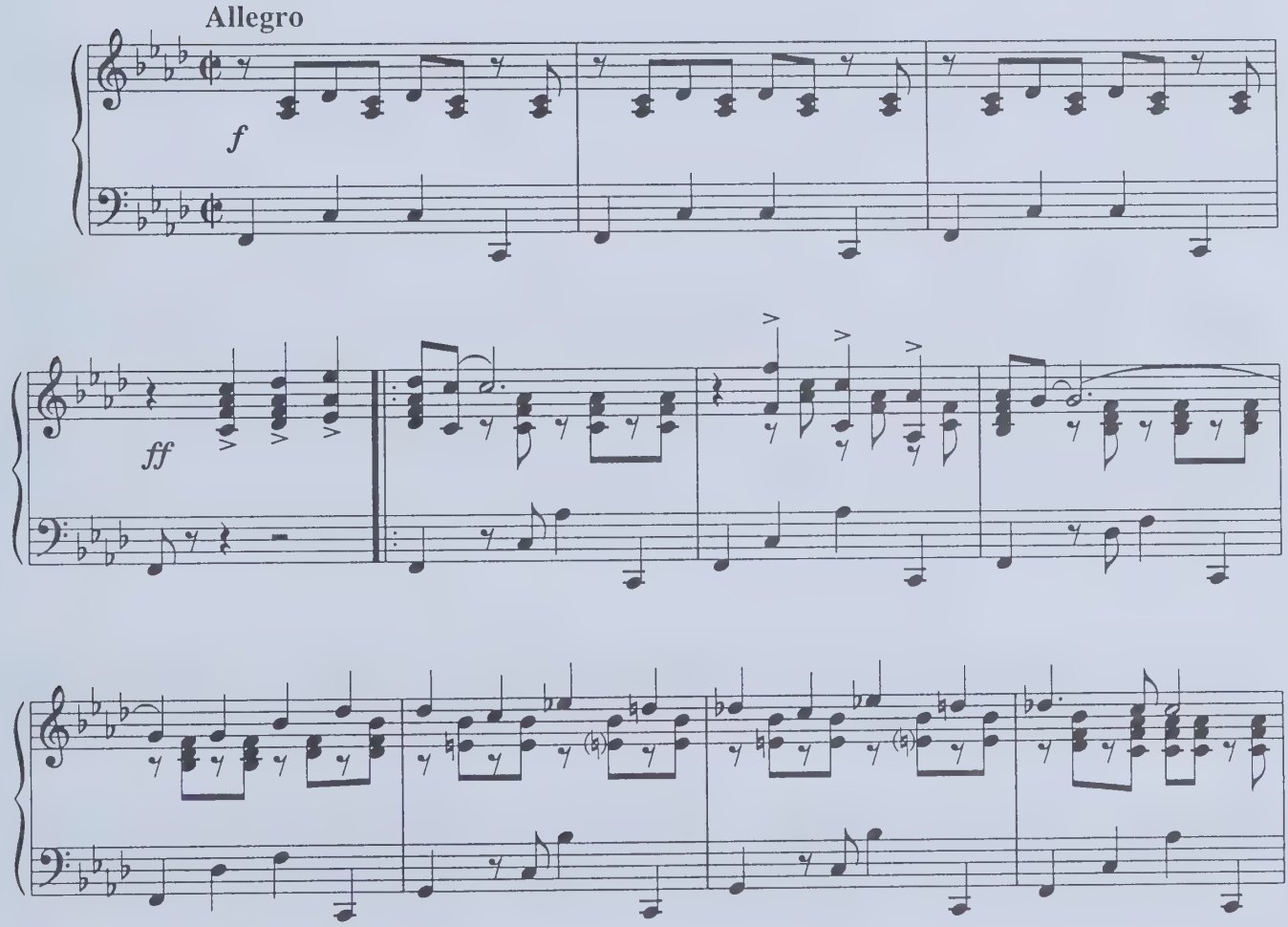
Сентиментальный вальс

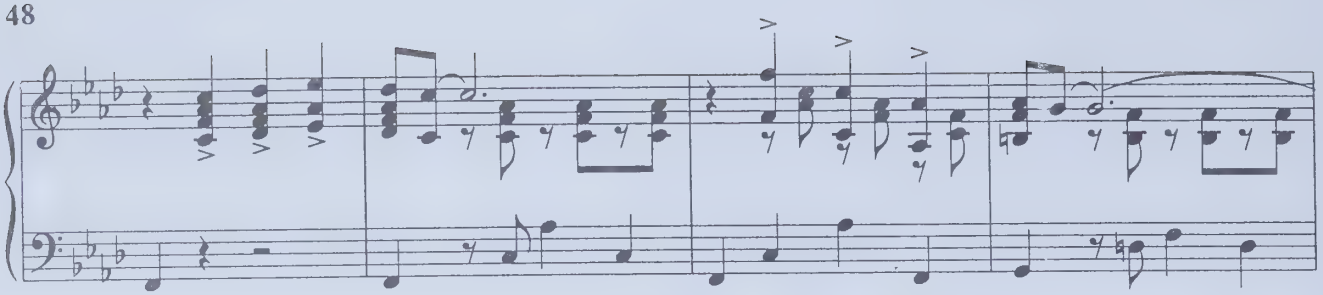


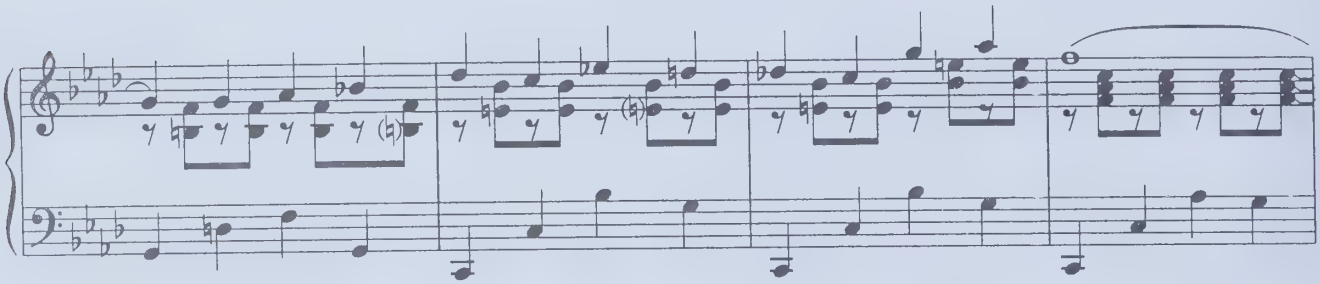

a tempo
(p)
Ped. *
simile
Più mosso
f
Ped.
Fine
Ped. *
simile

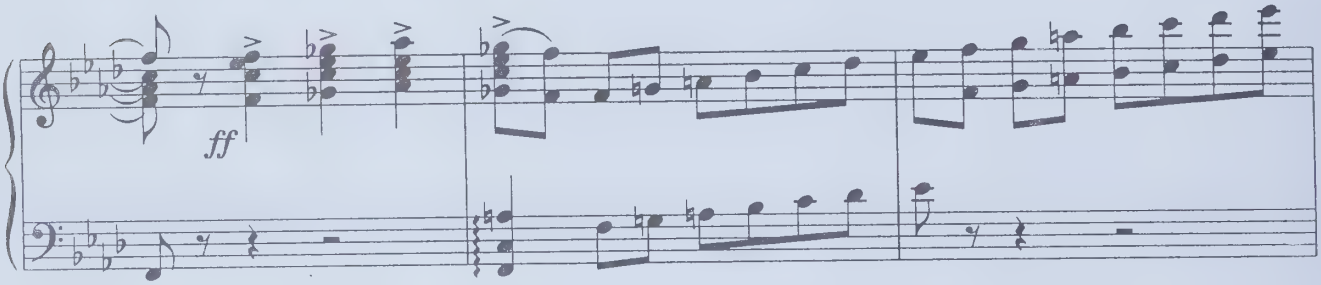


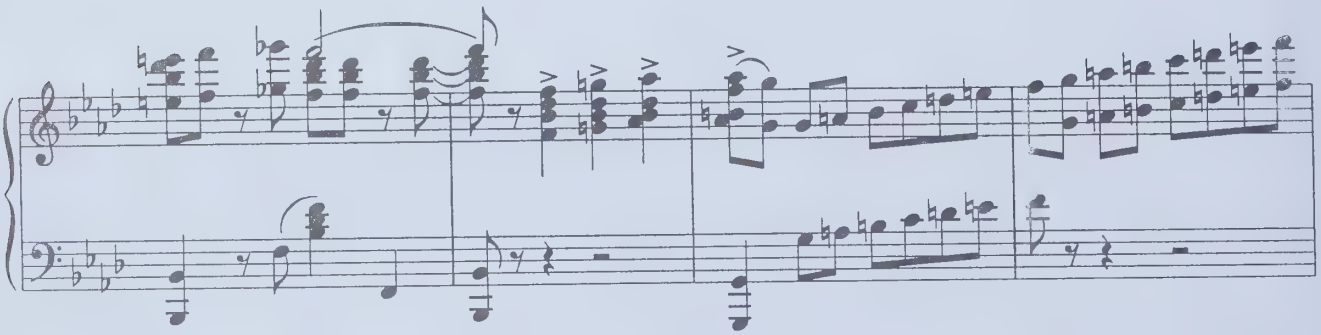
Румба

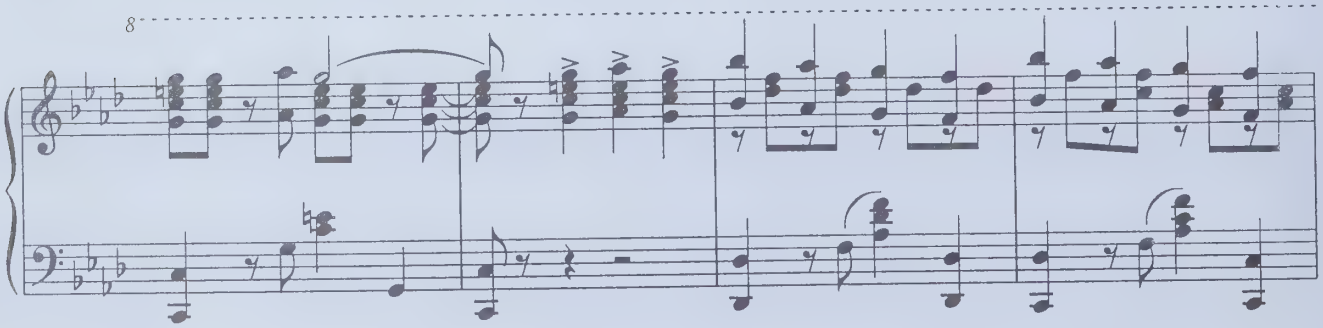


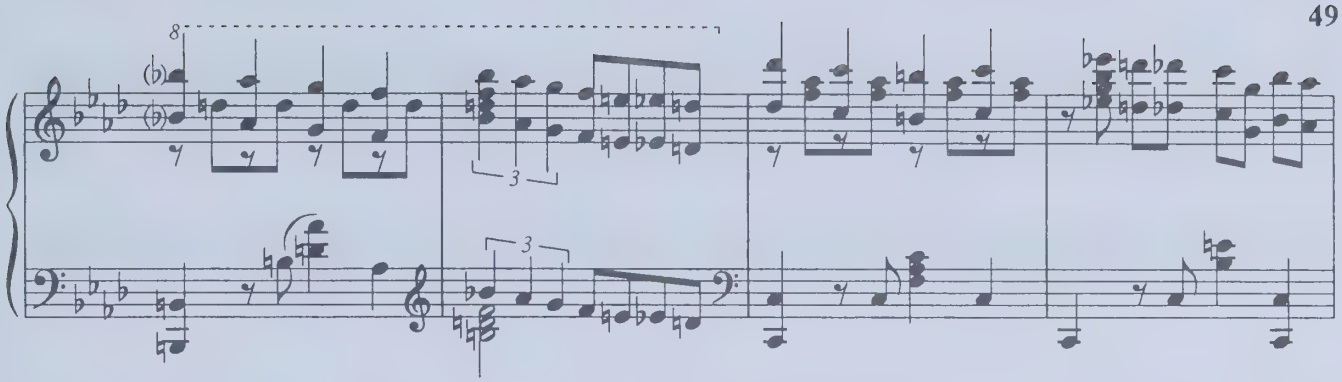


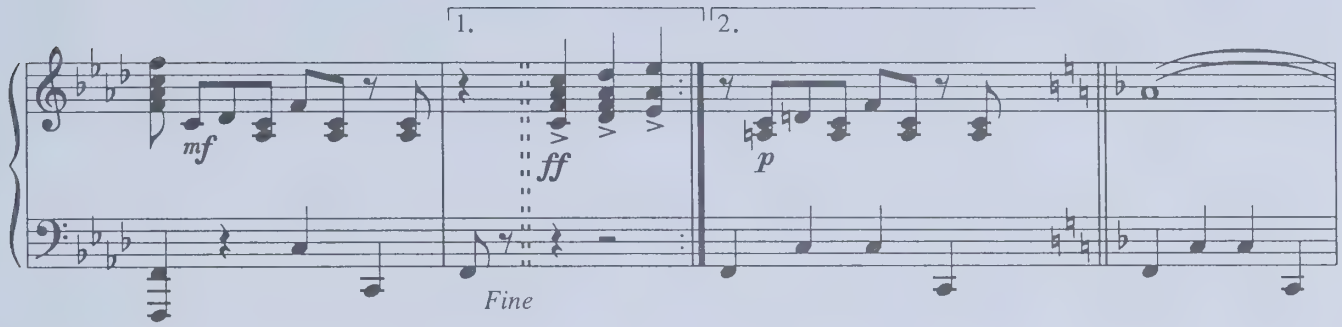


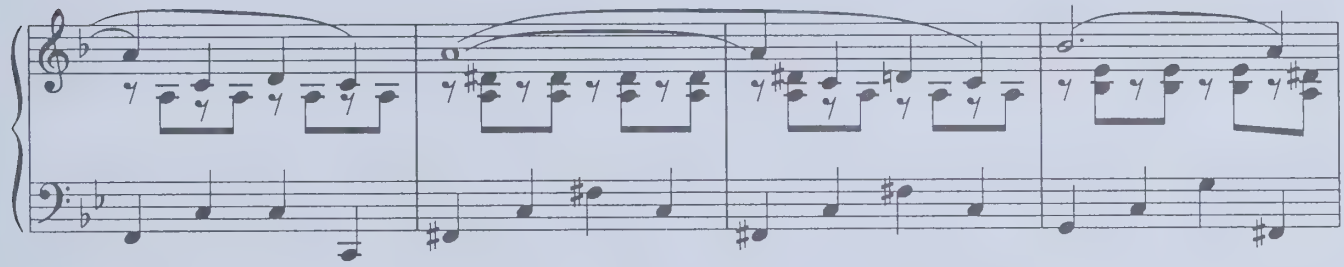

ff

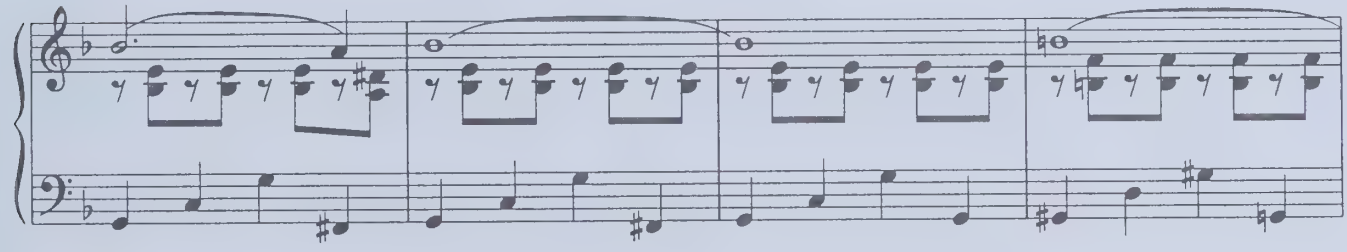


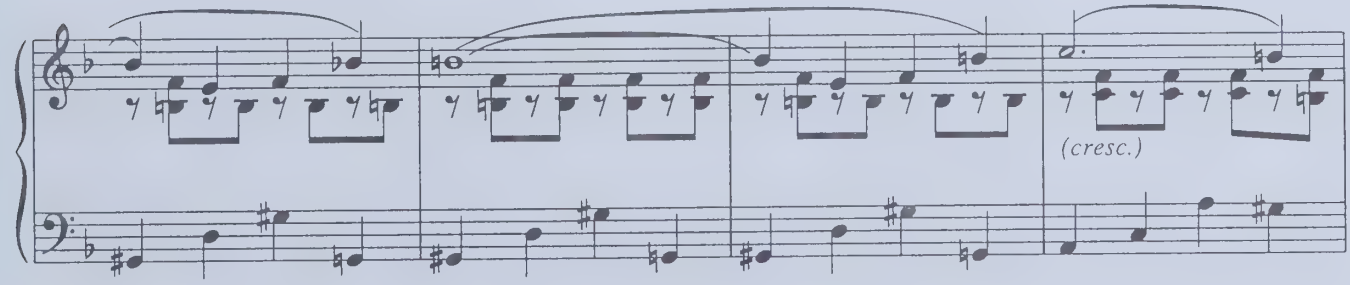

8

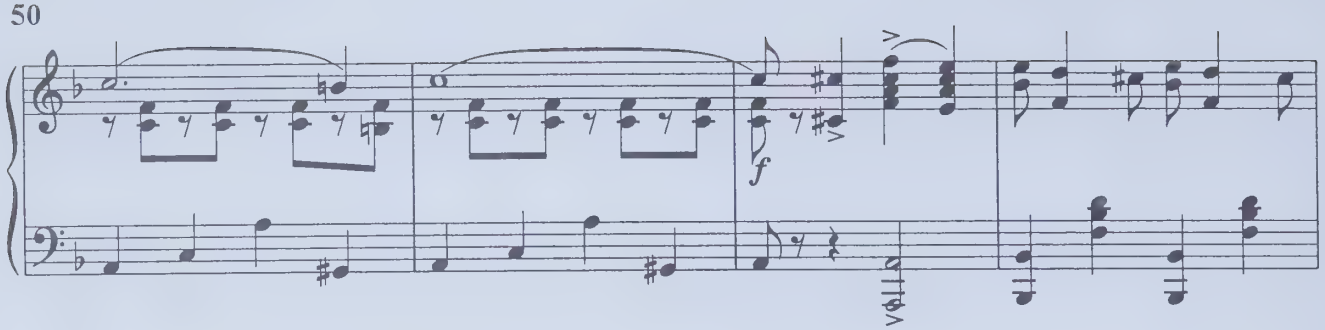


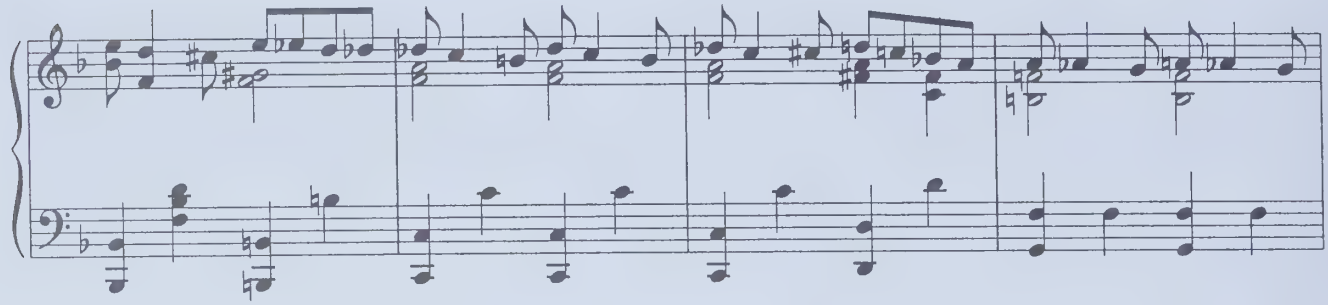

1.
2.
mf
ff
p
Fine

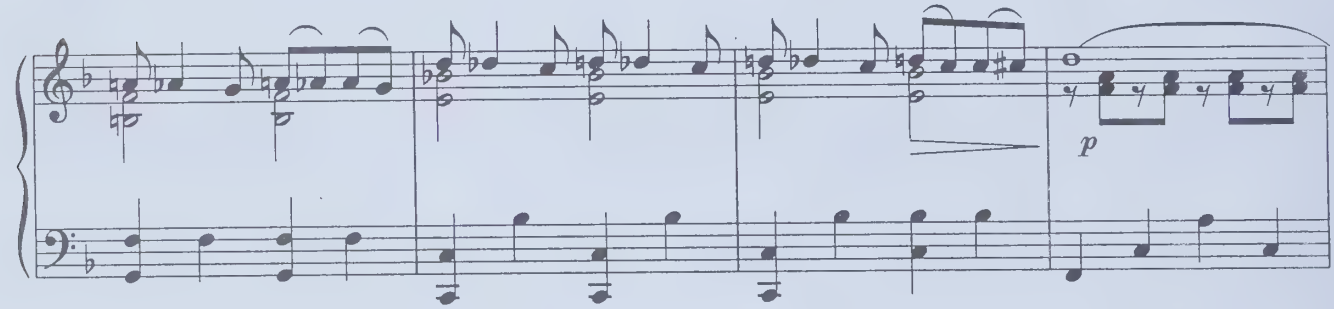


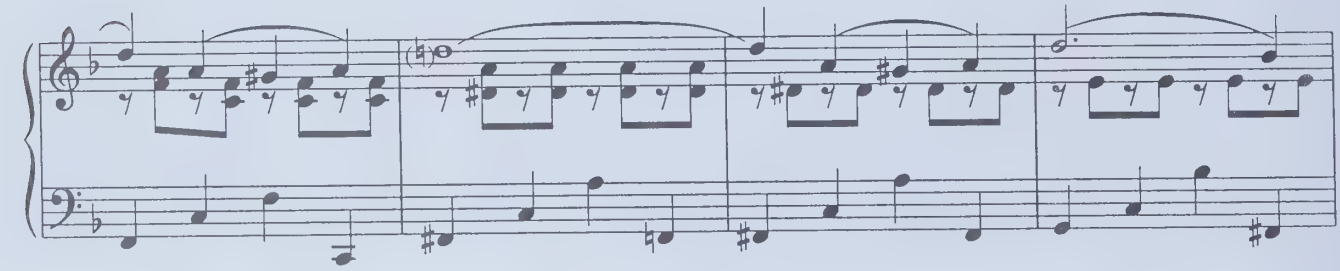


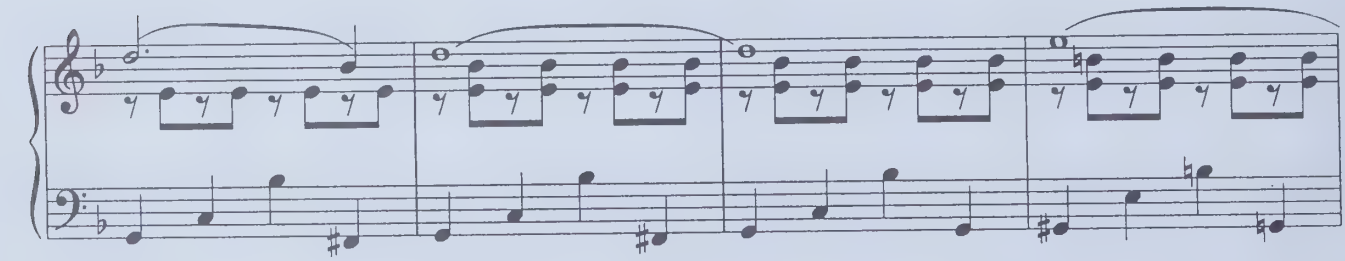

(cresc.)

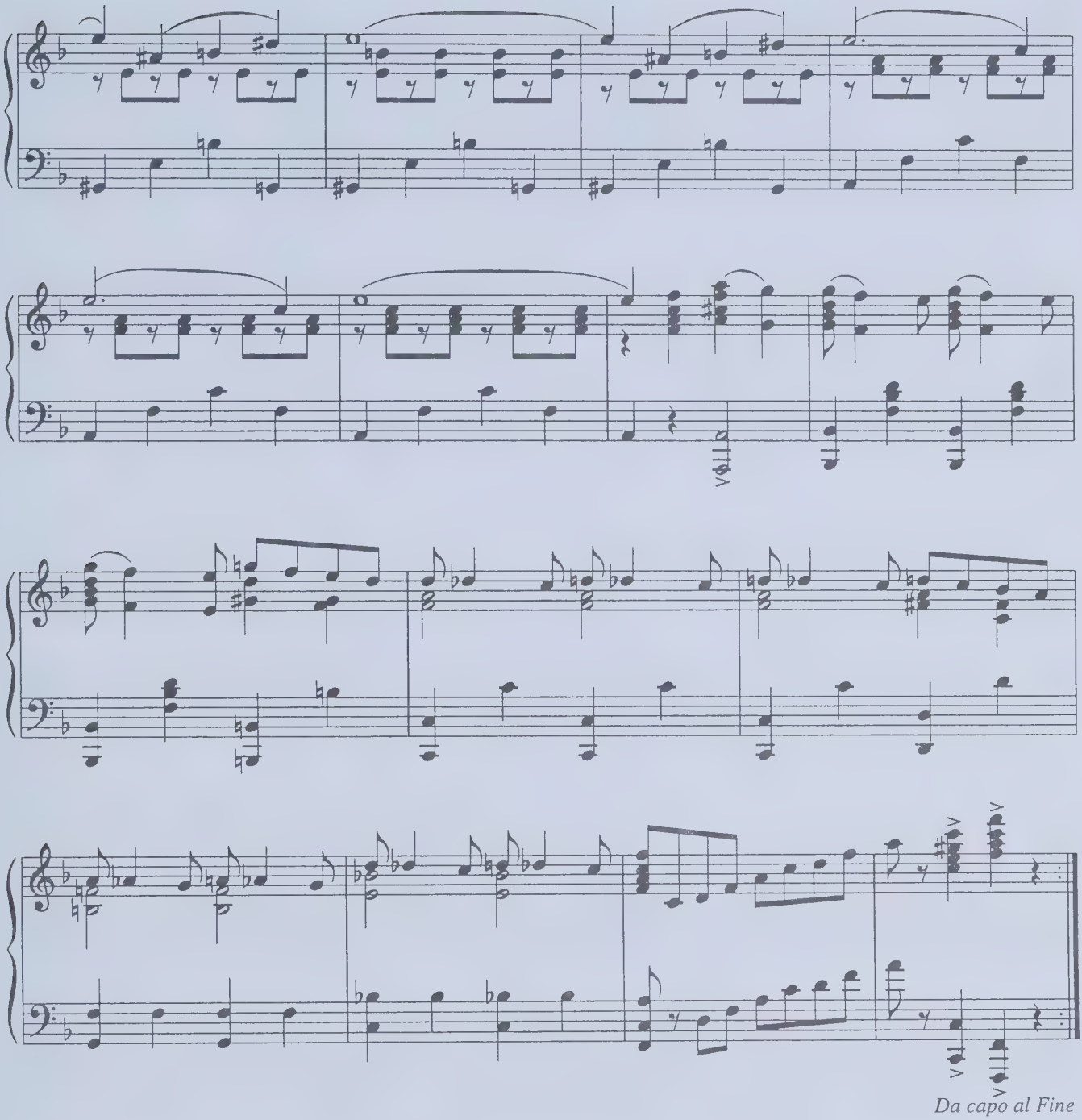

f




p

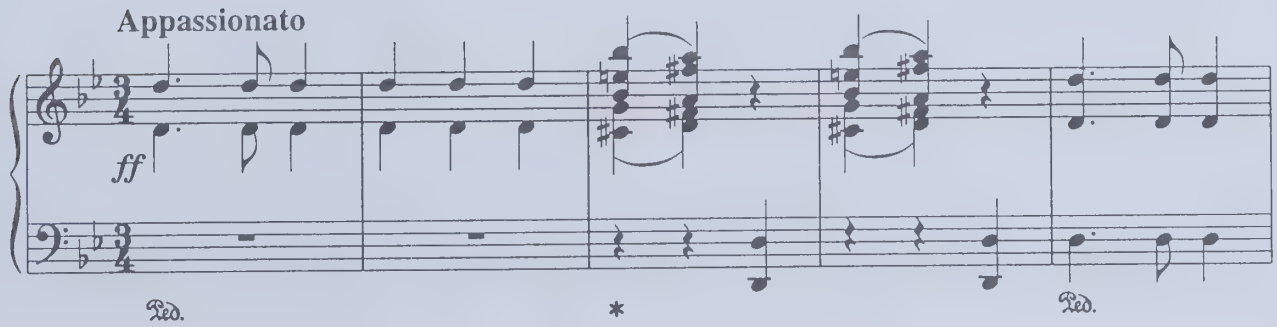


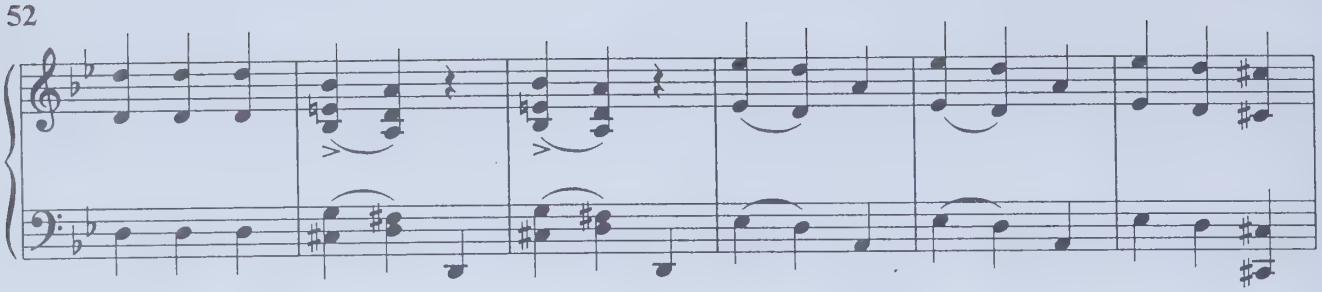


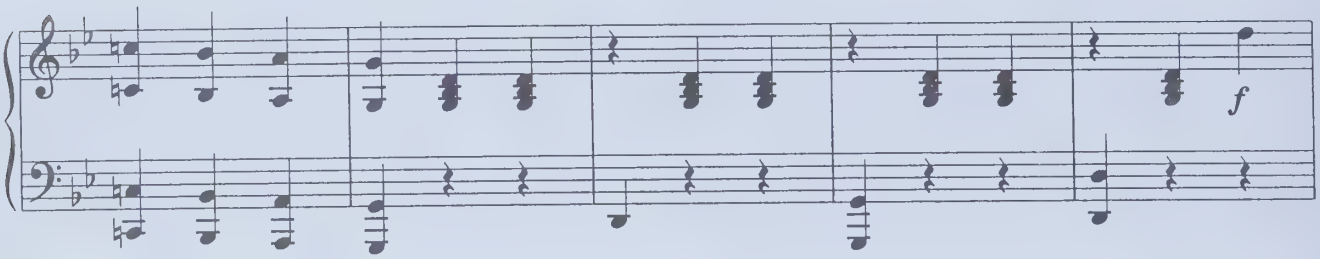


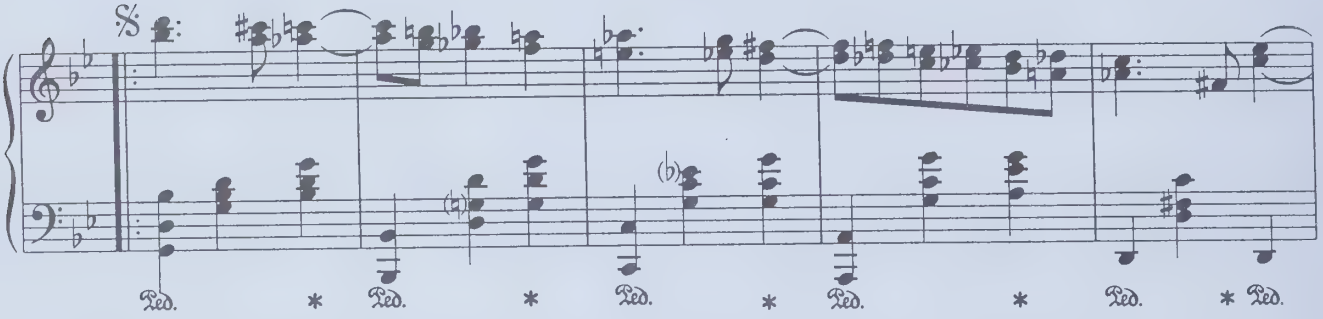
Da capo al Fine

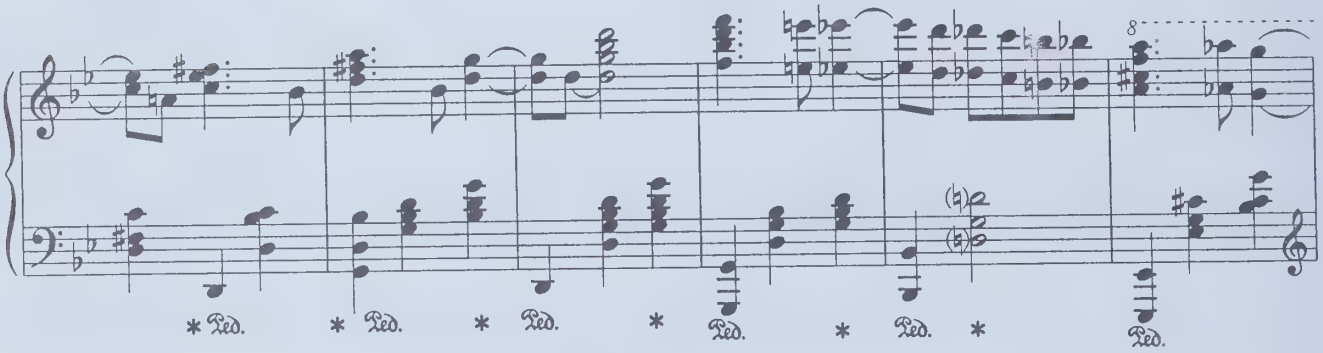
Бурный вальс

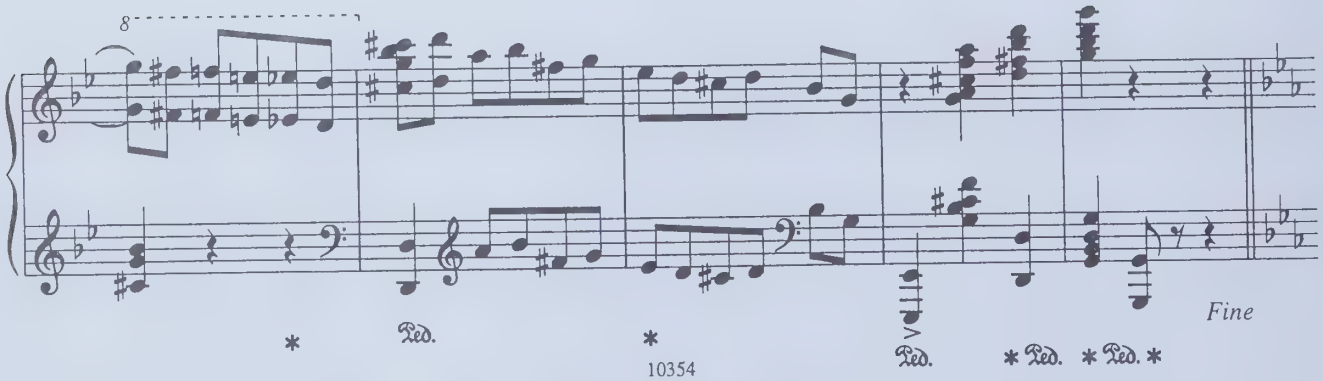


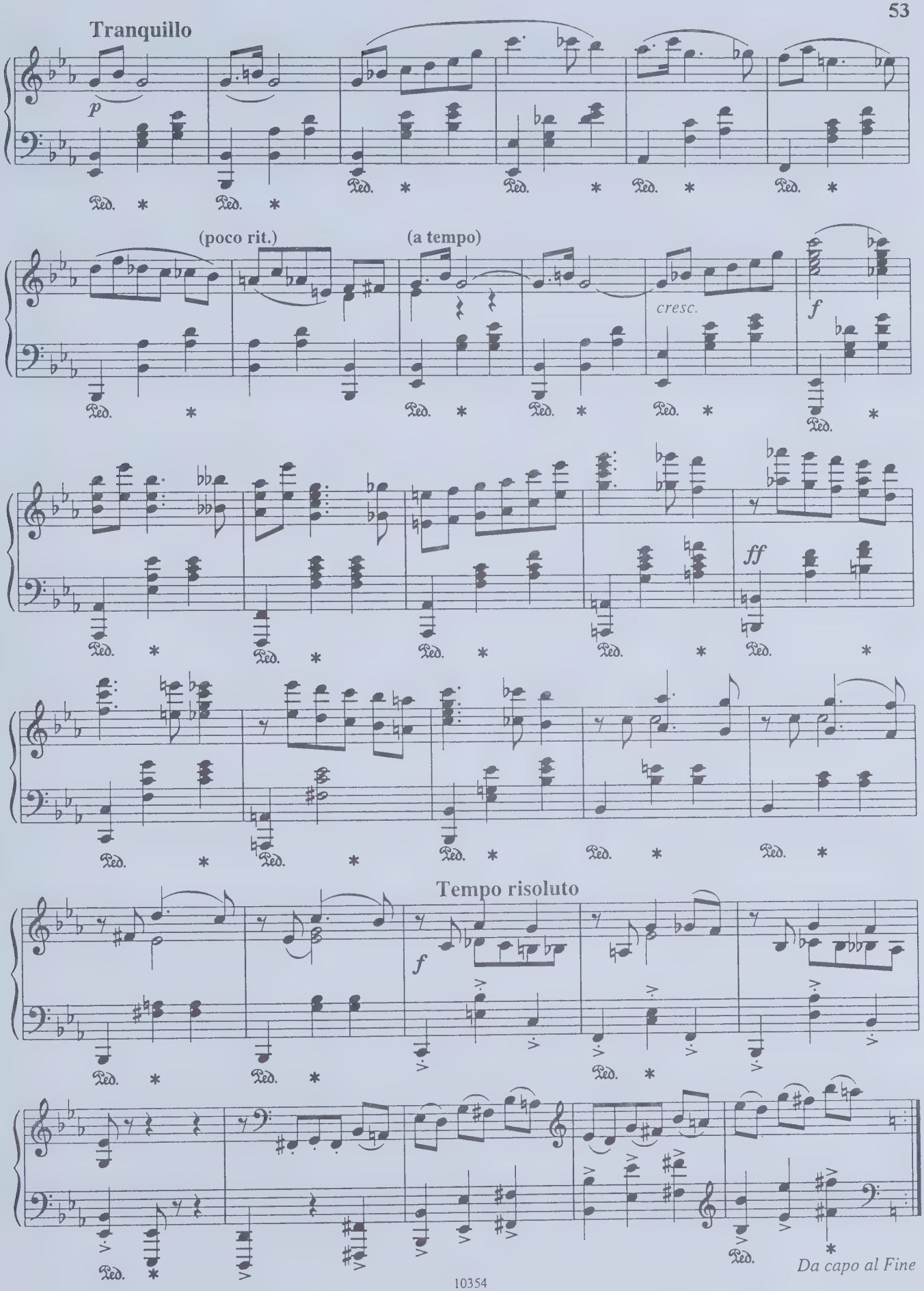



f


Ped.


8
Ped.

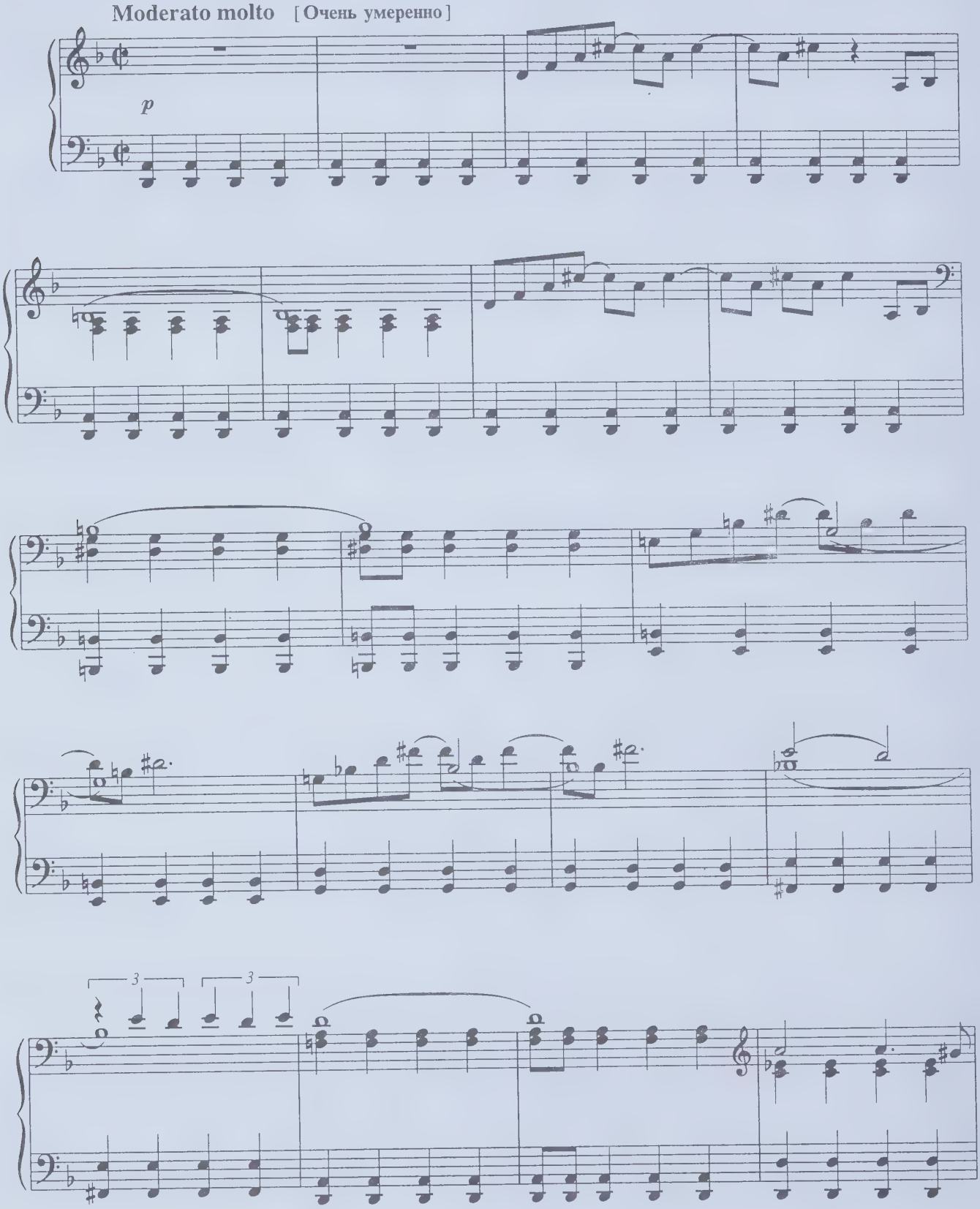

8
Ped.
Fine

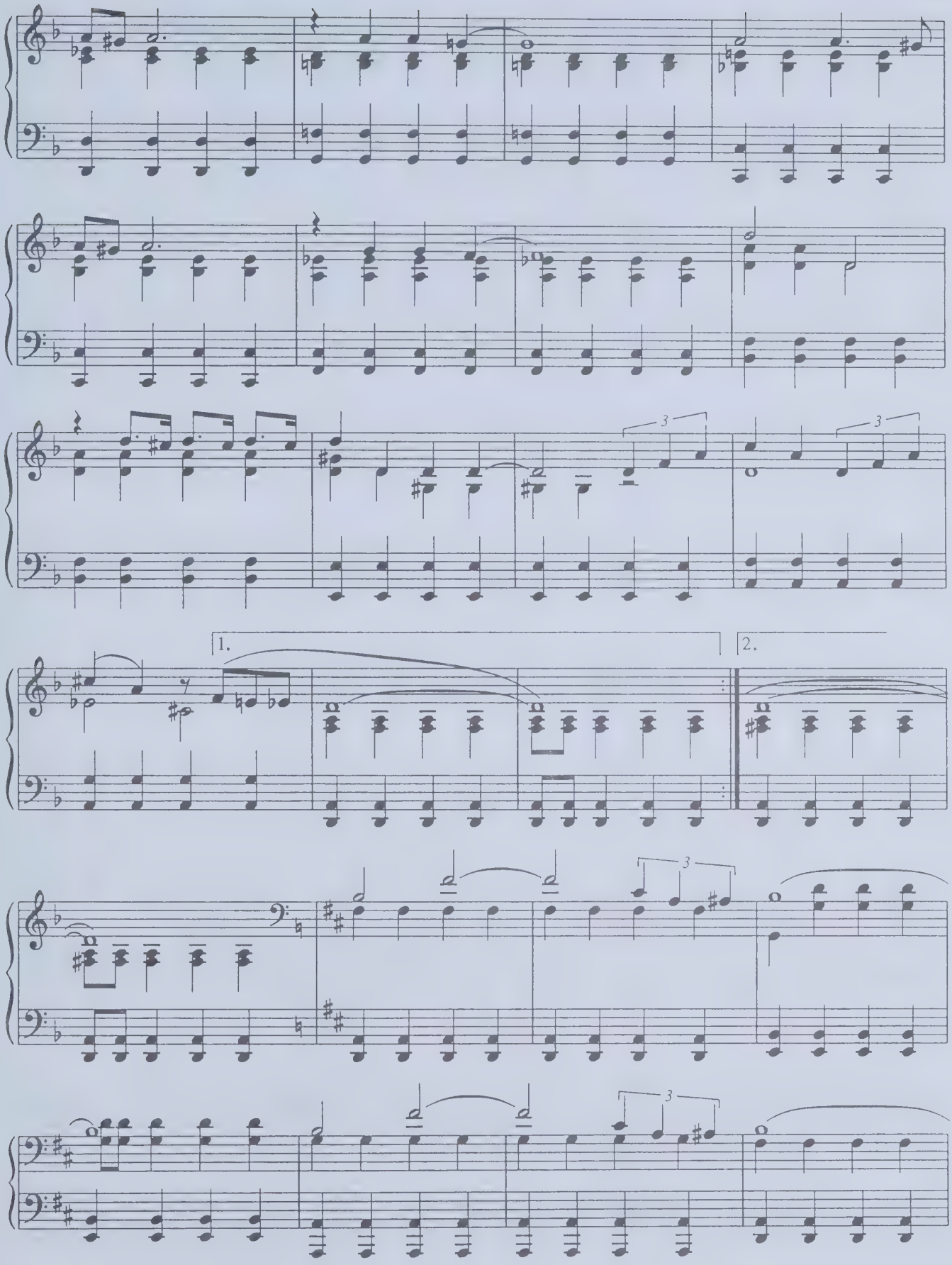

Tranquillo
p
(poco rit.)
(a tempo)
cresc.
f
ff
Tempo risoluto
f
Da capo al Fine

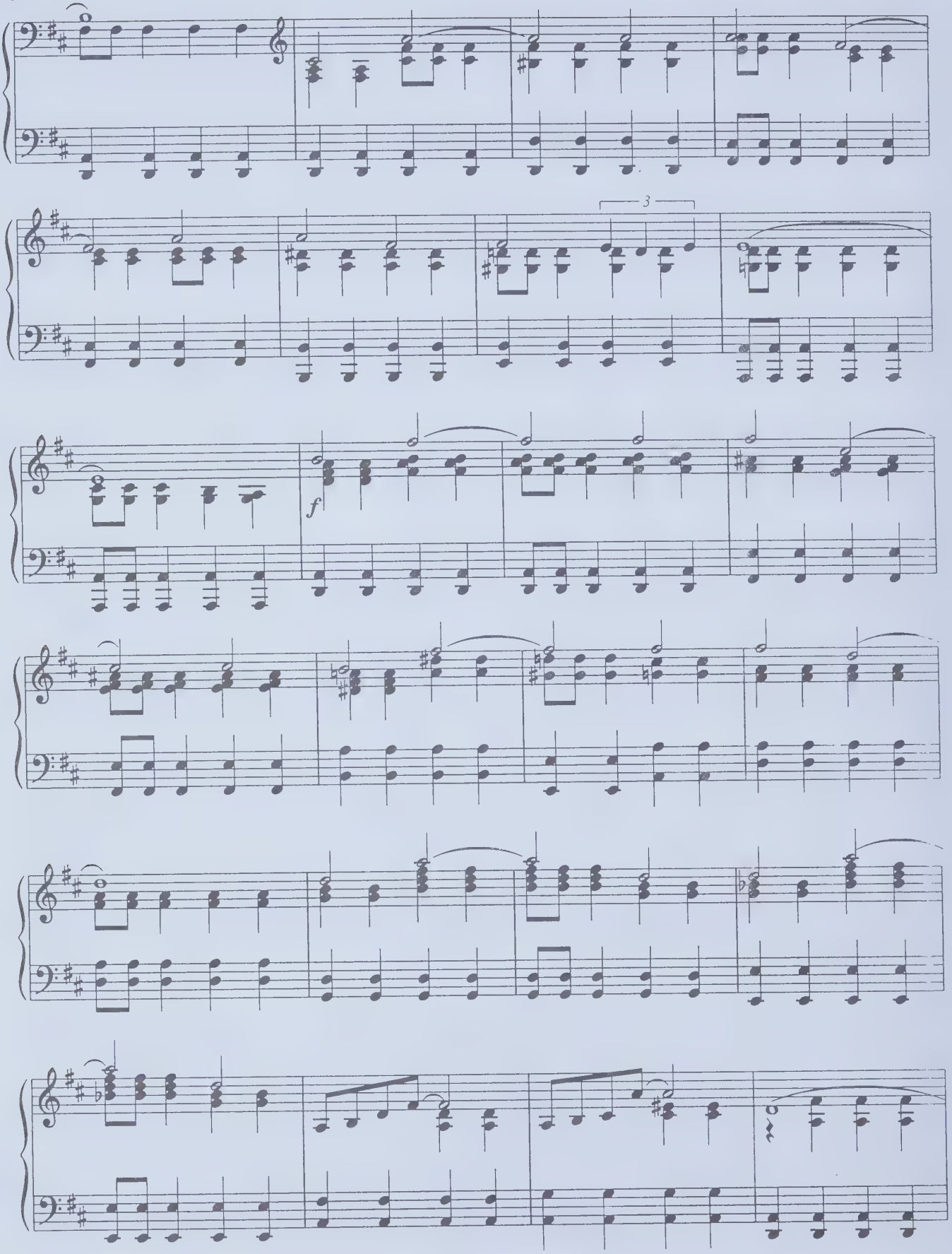
ГАВАЙИ

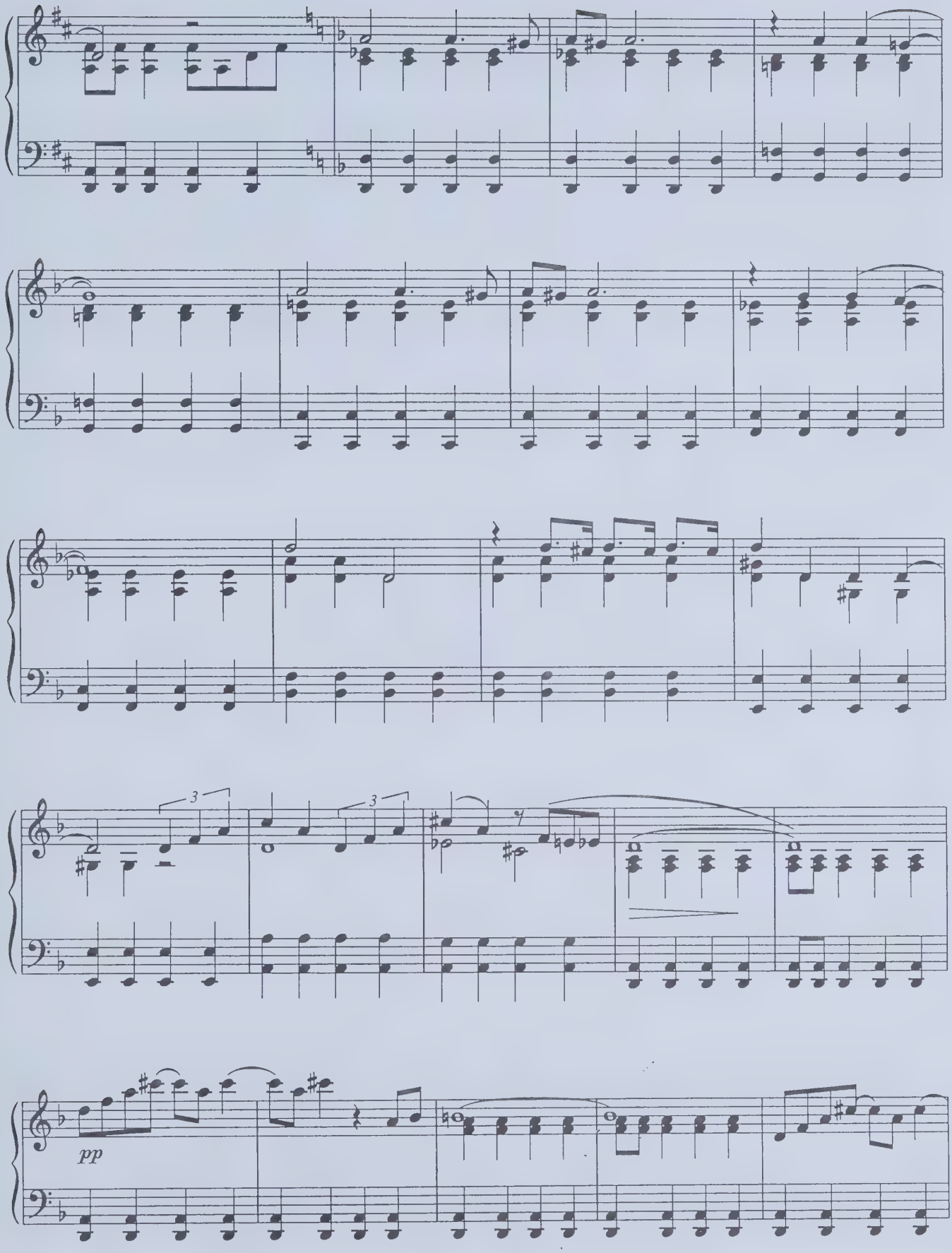
Блюз из хореографического представления “Синкопика“

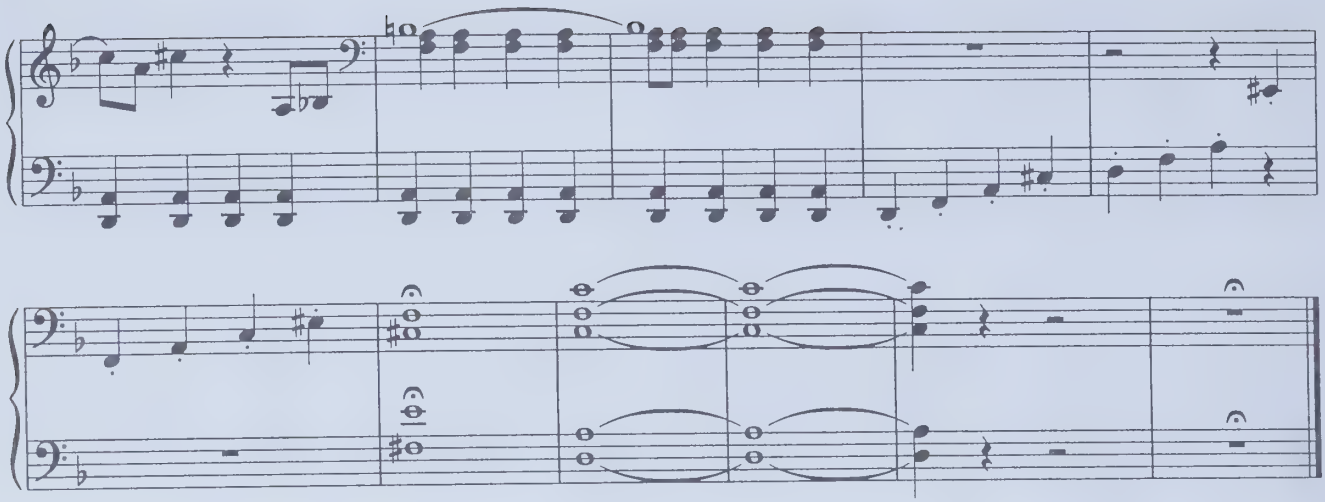
Moderato molto [Очень умеренно]



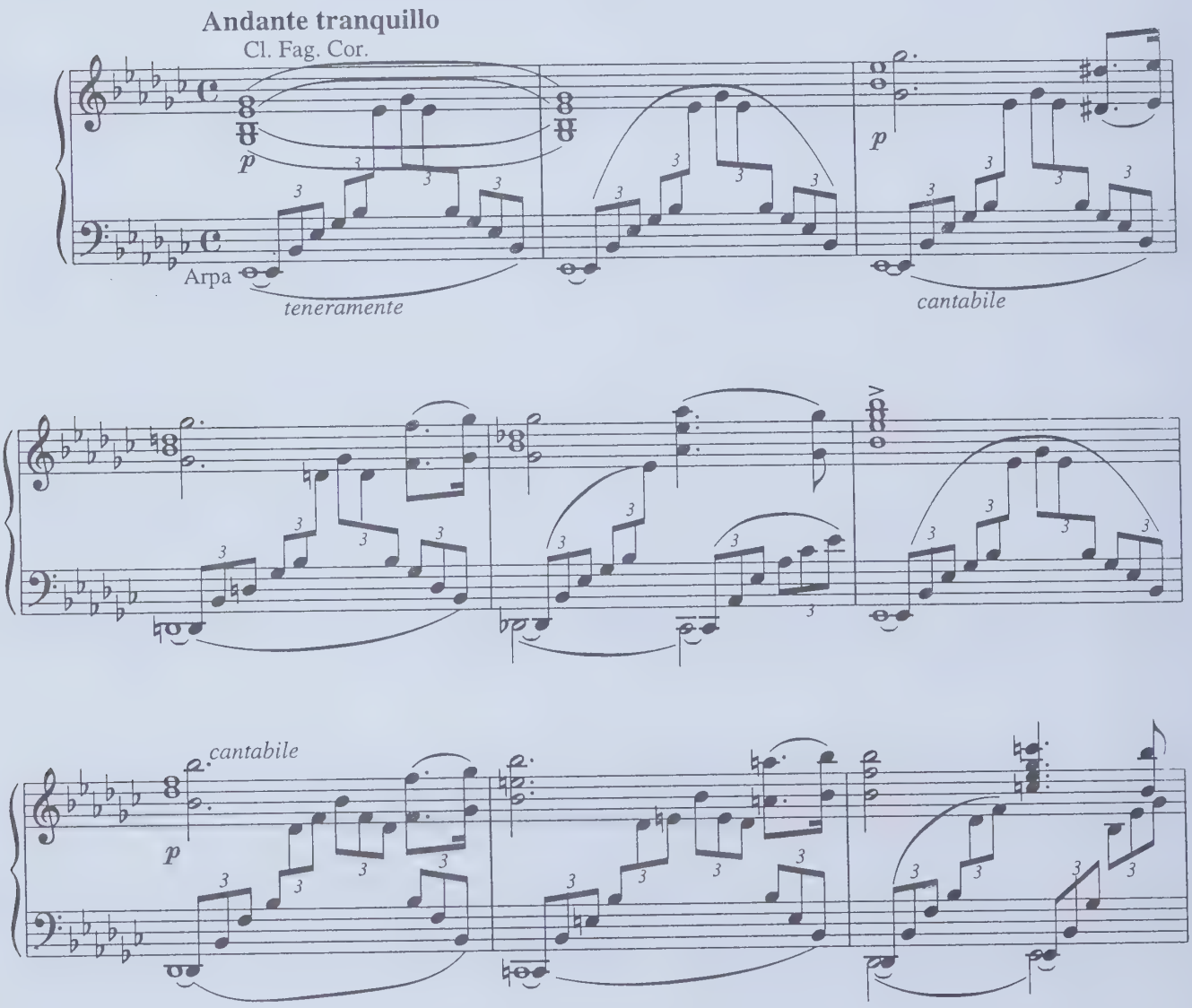

1.
2.


3
f

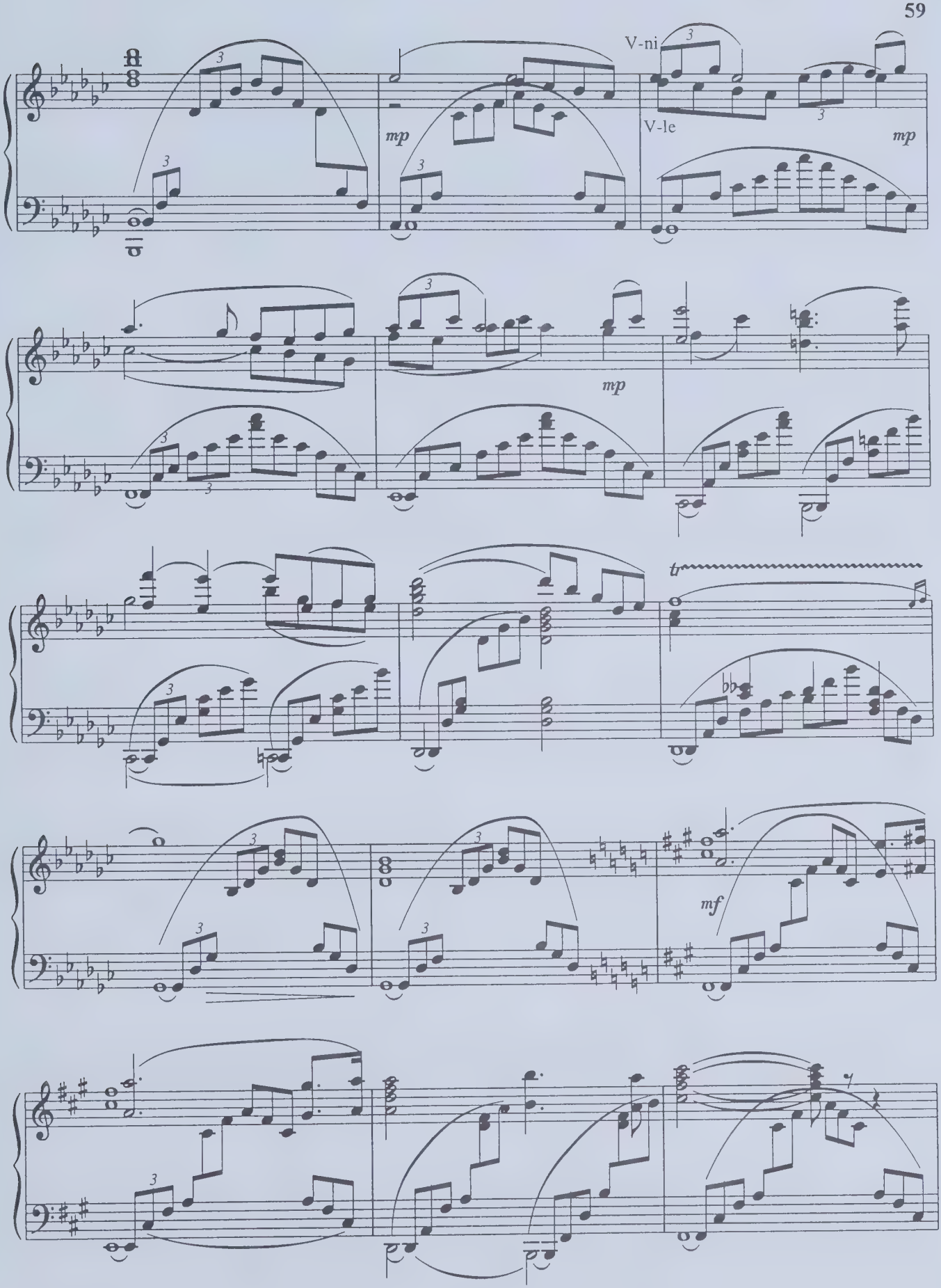

3
3
pp

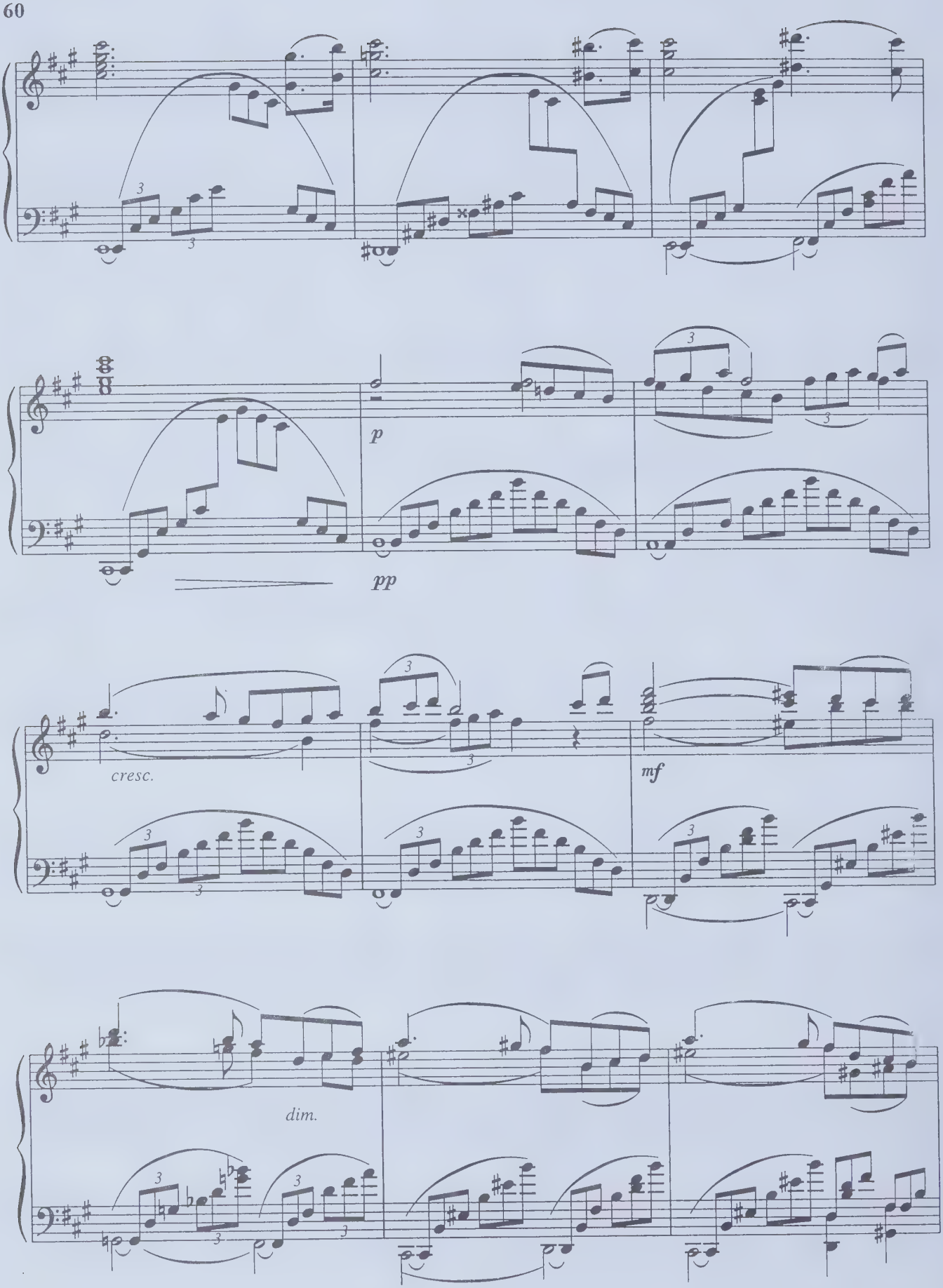


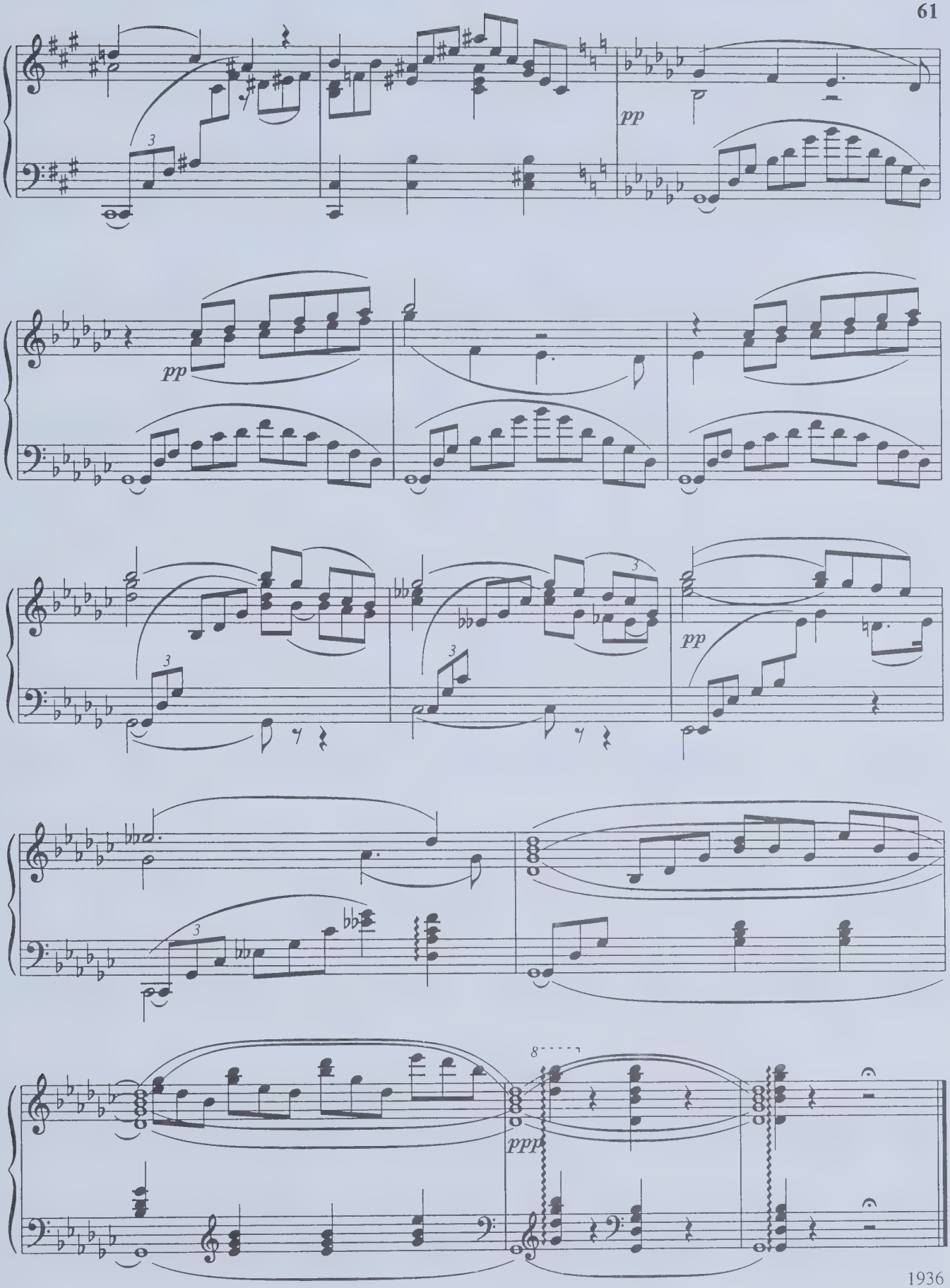
ПЛОТ *)
из кинофильма “Дети капитана Гранта“



*) Переложение Л. Топорковой

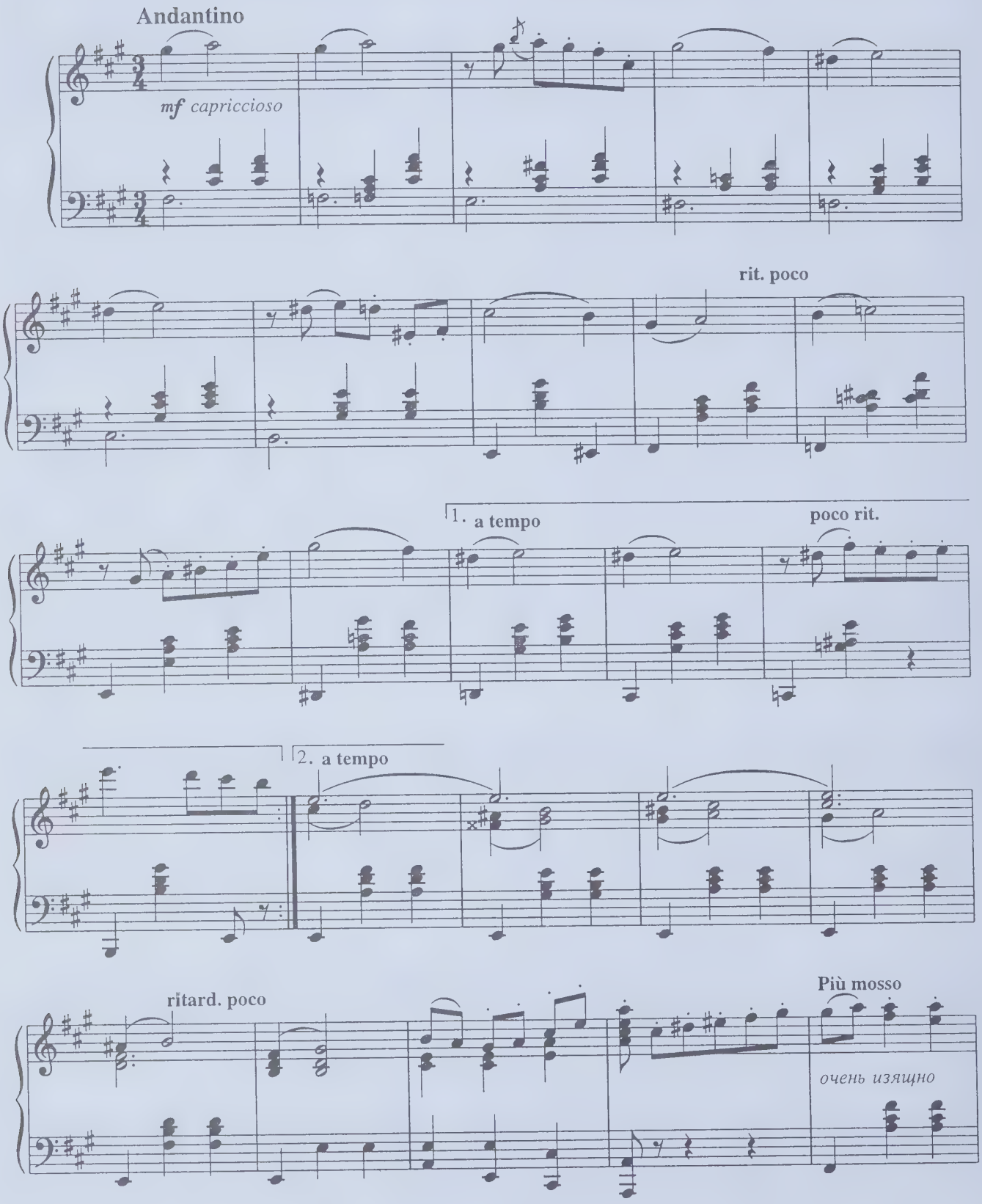

V-ni
V-le
mp
mp
mp
tr
mf

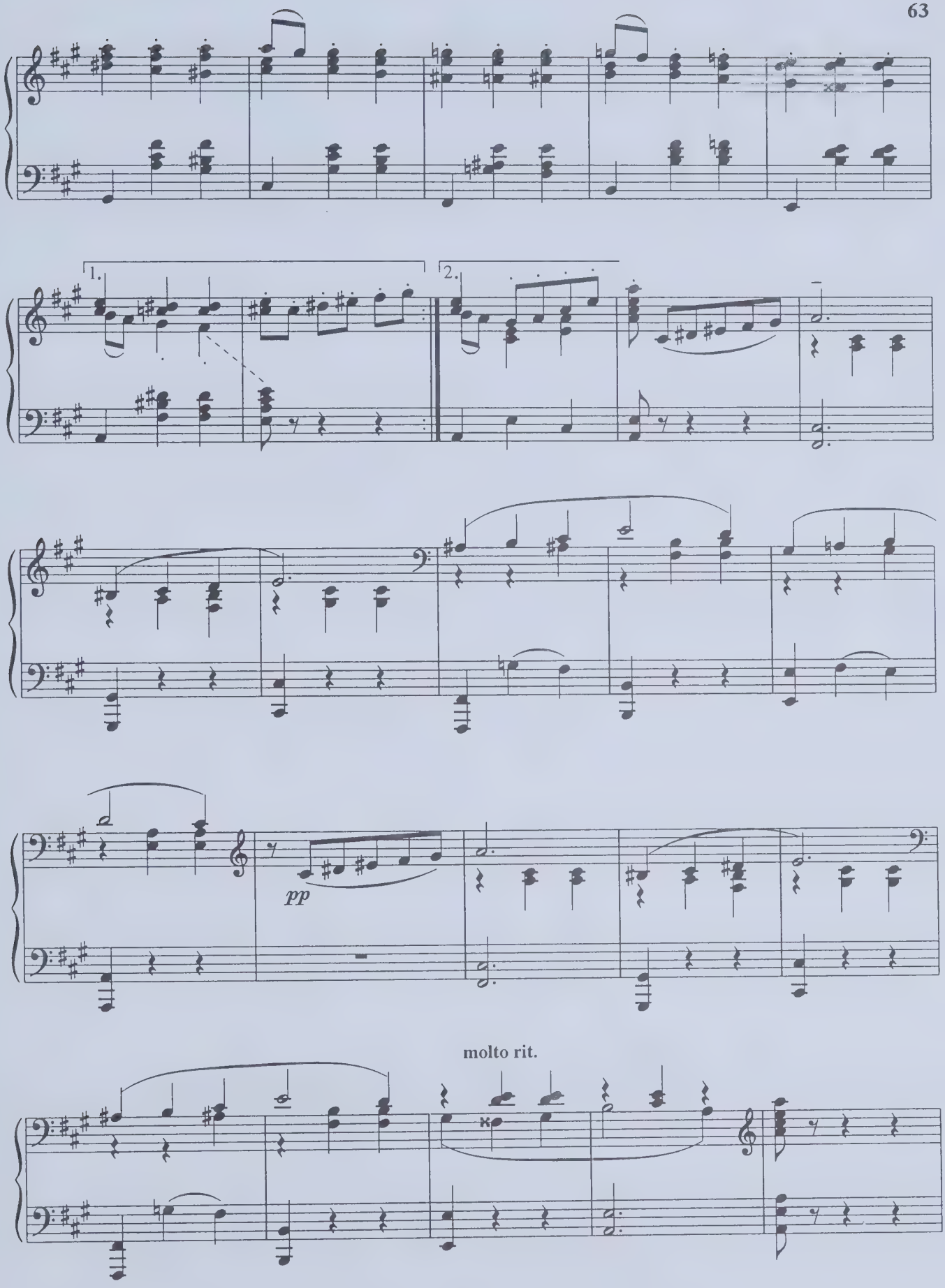

p
pp
cresc.
mf
dim.

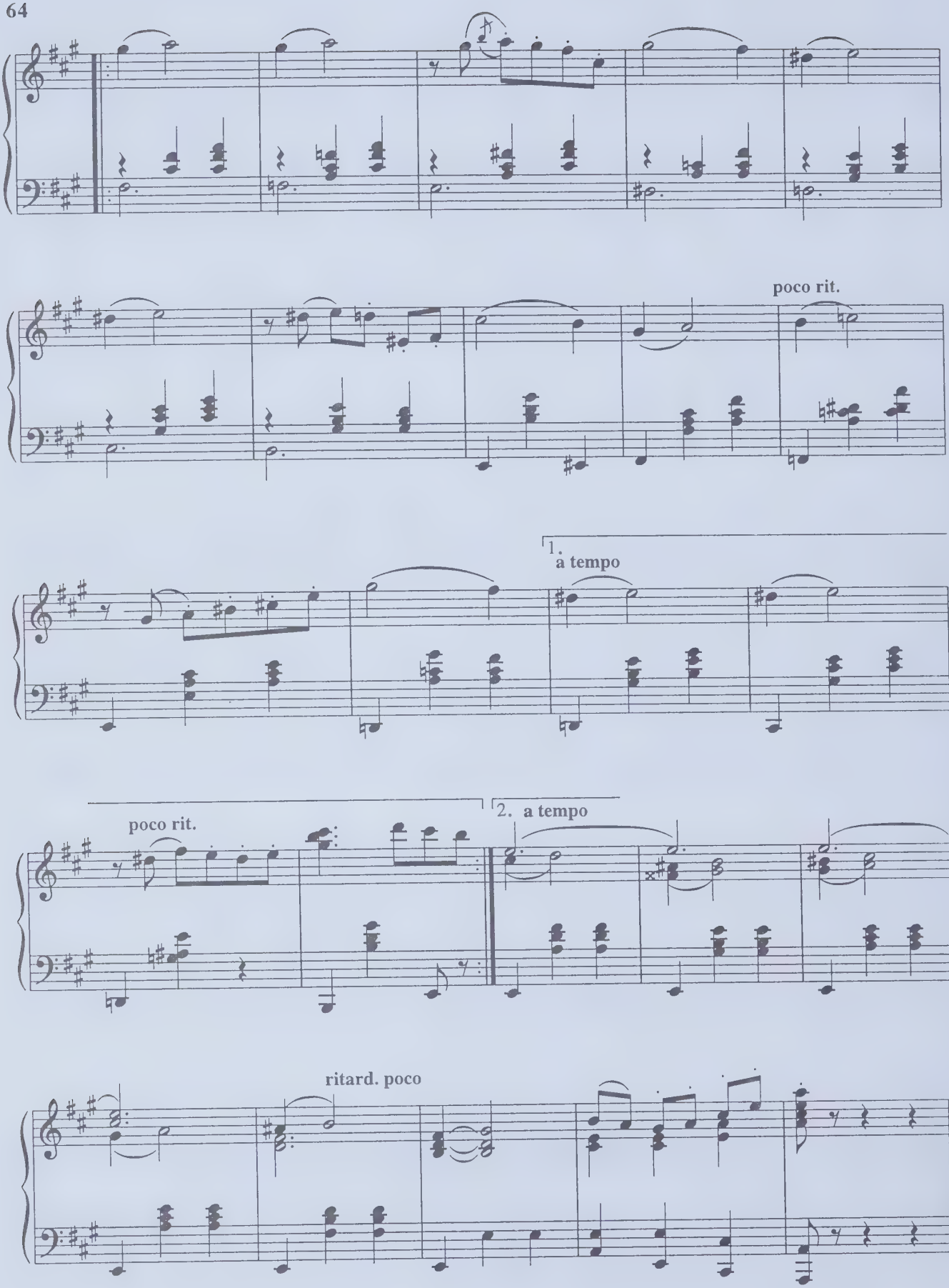


1936

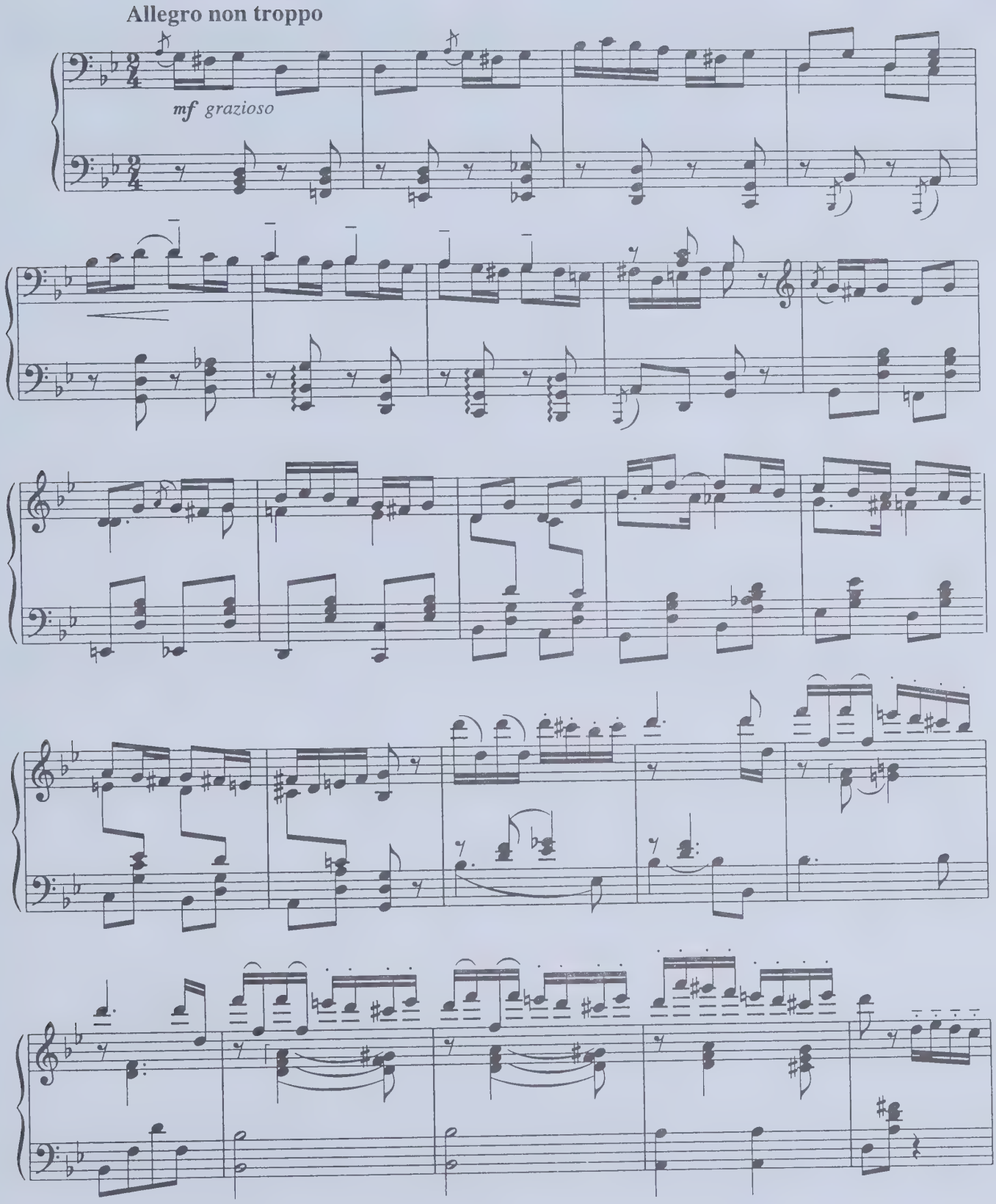
ВАЛЬС
из кинофильма "Дети капитана Гранта"

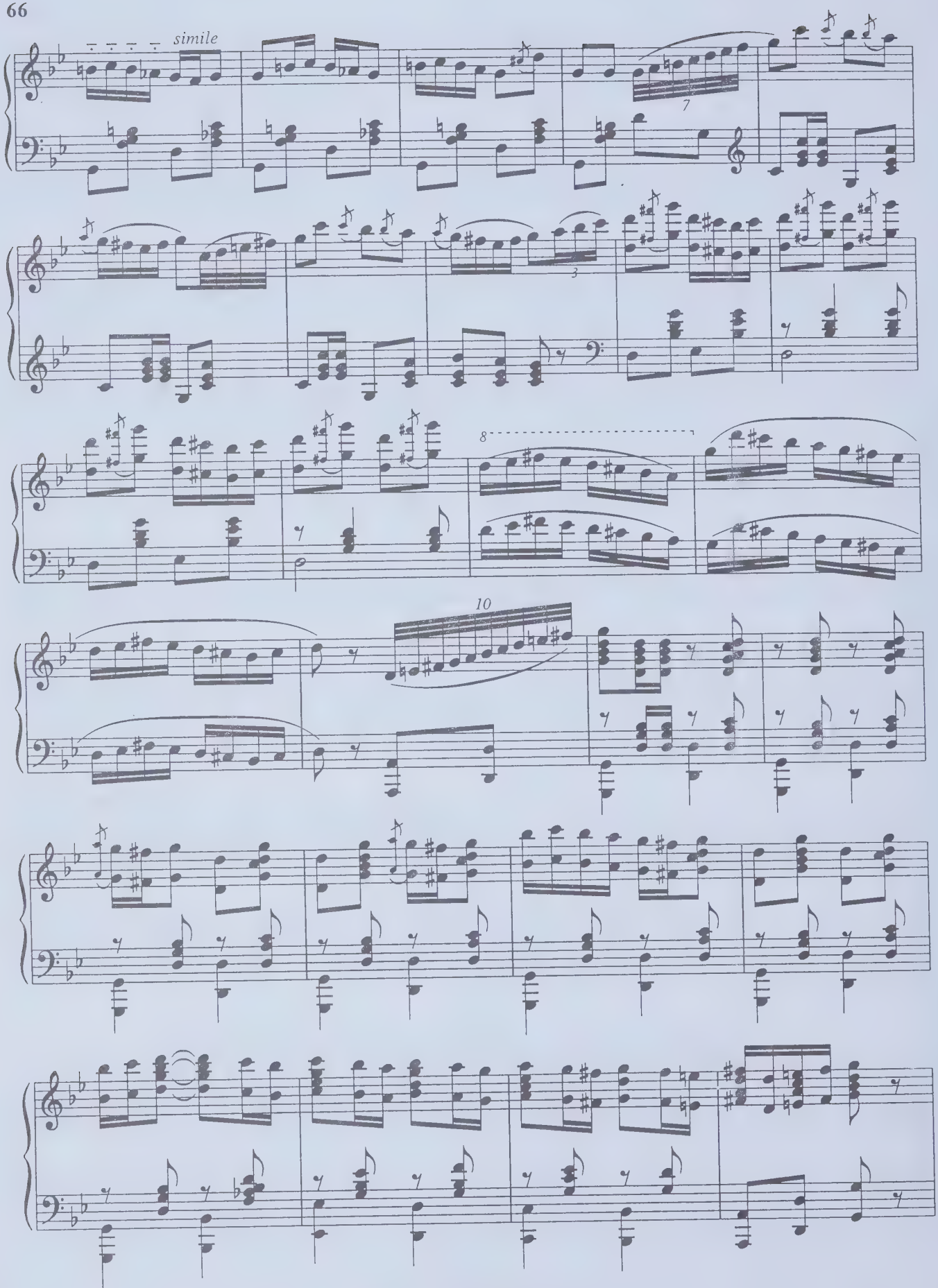


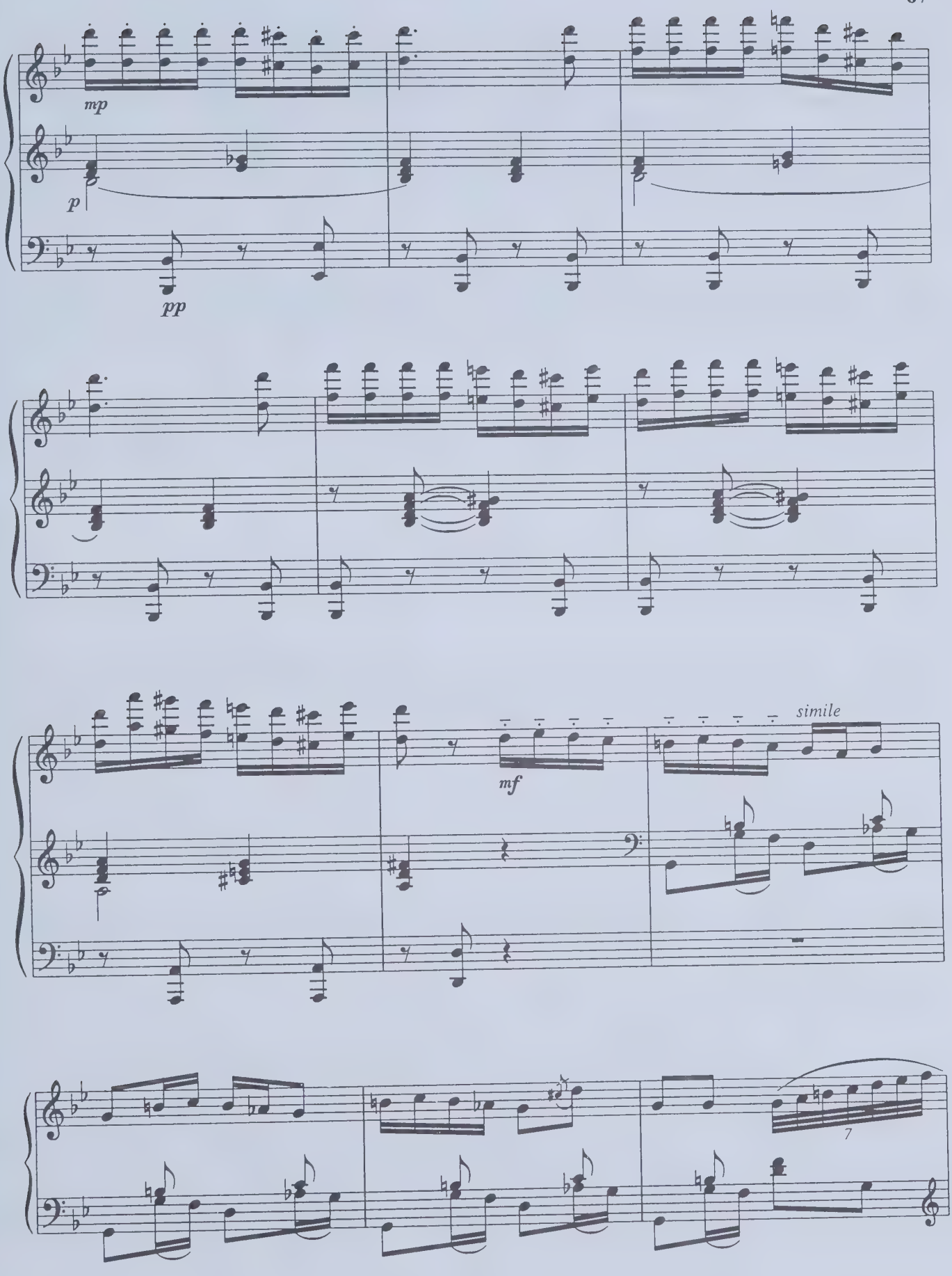

1.
2.
pp
molto rit.

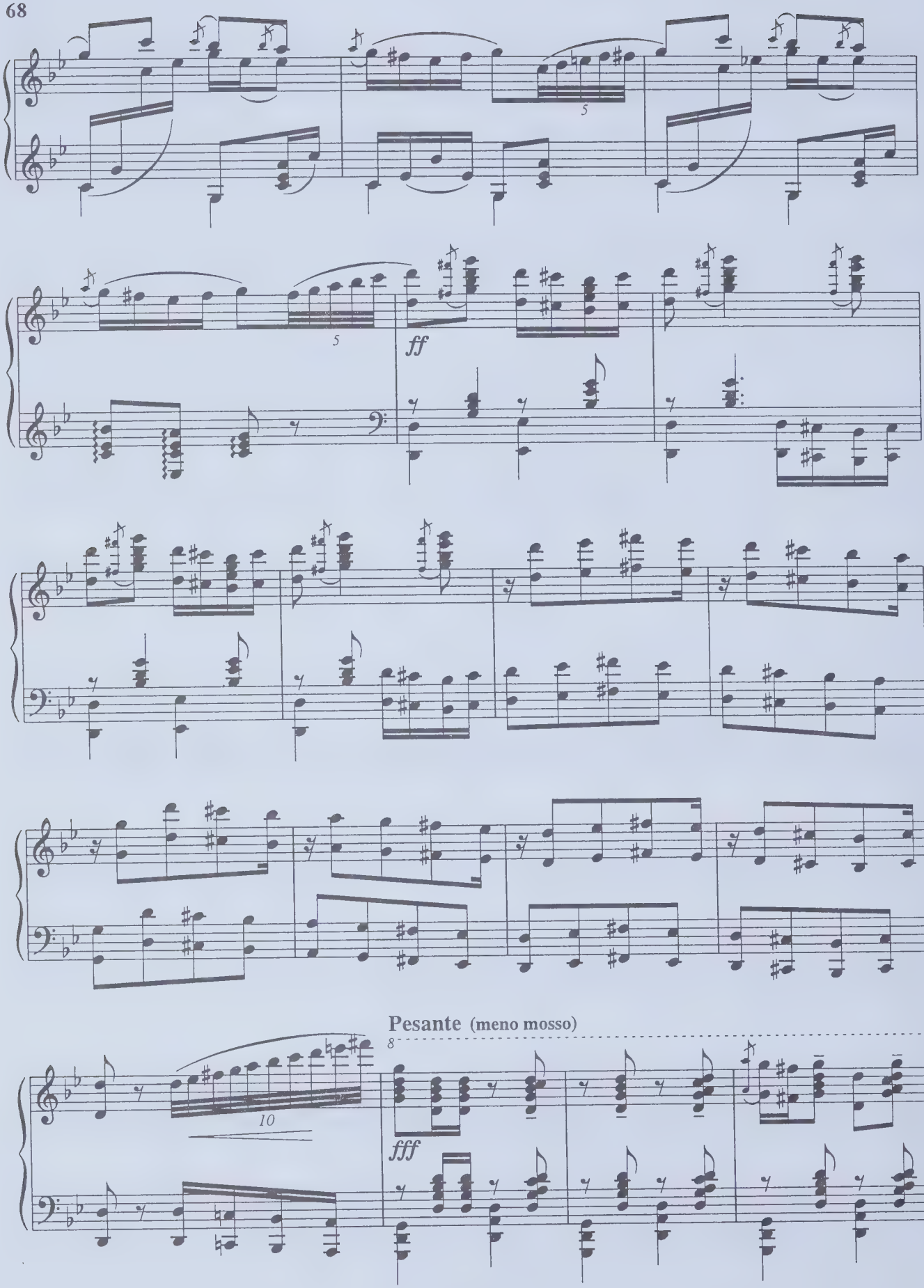

poco rit.
1.
a tempo
poco rit.
2. a tempo
ritard. poco

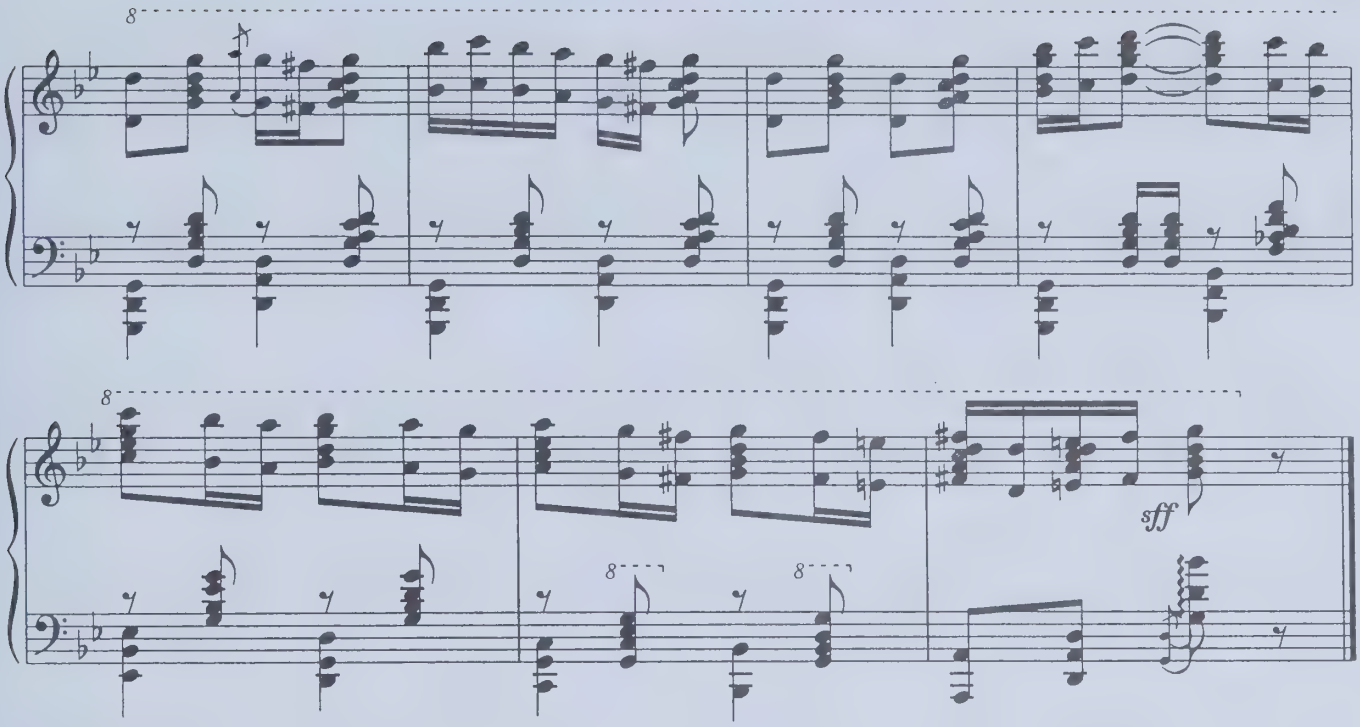
ЕВРЕЙСКИЙ ТАНЕЦ
из кинофильма “Искатели счастья“



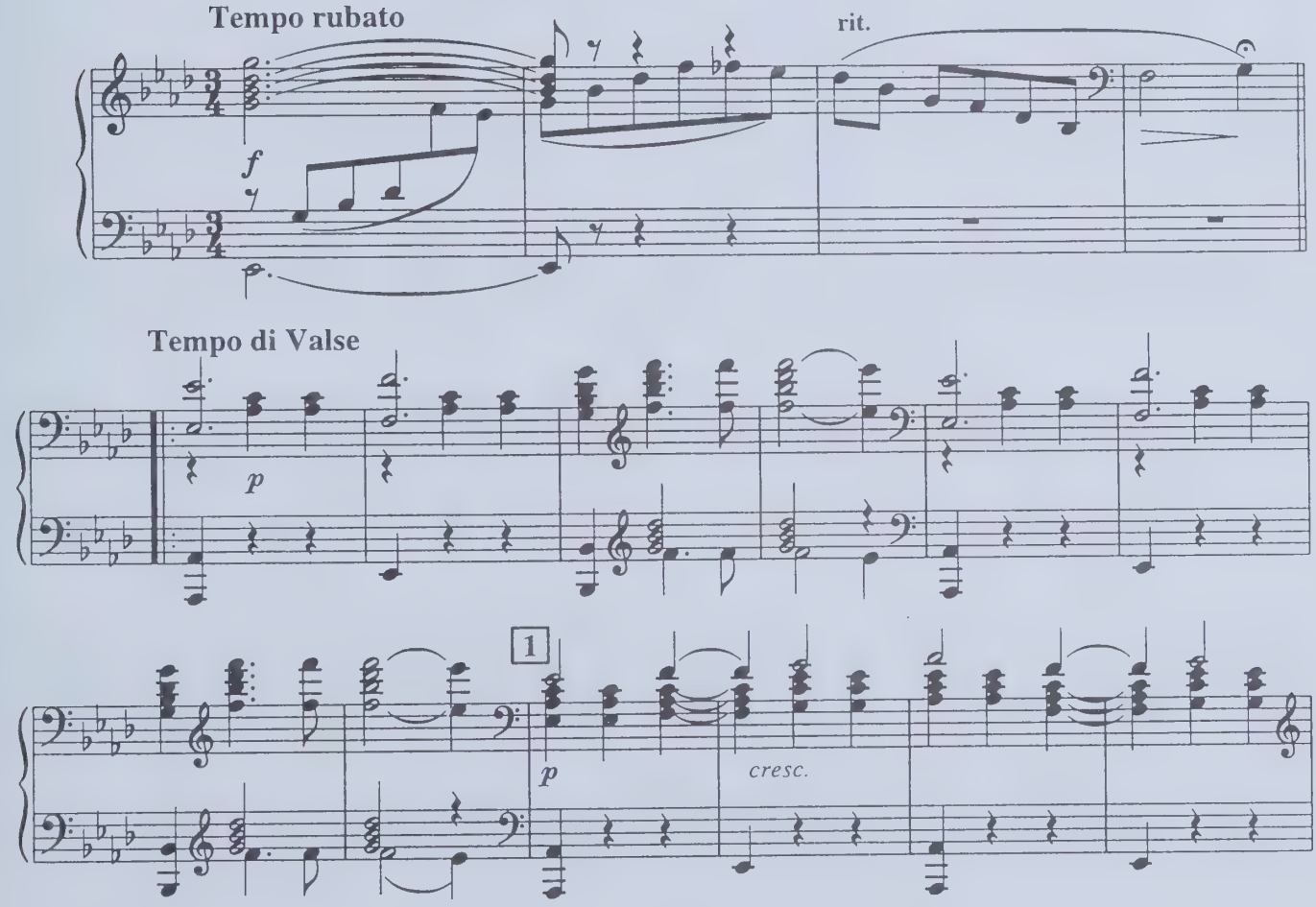

simile
7
3
8
10

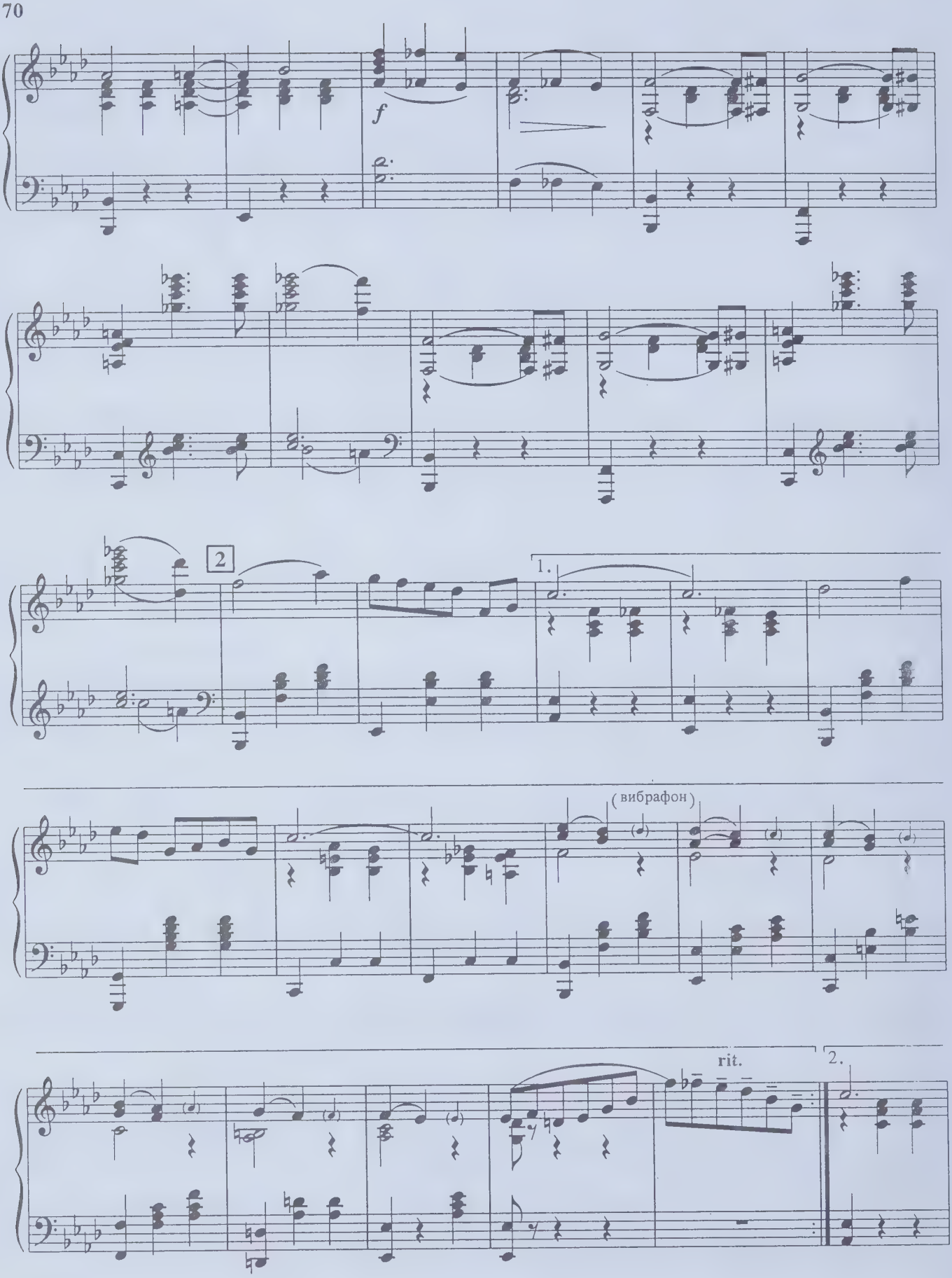

mp
p
pp
mf
simile
7

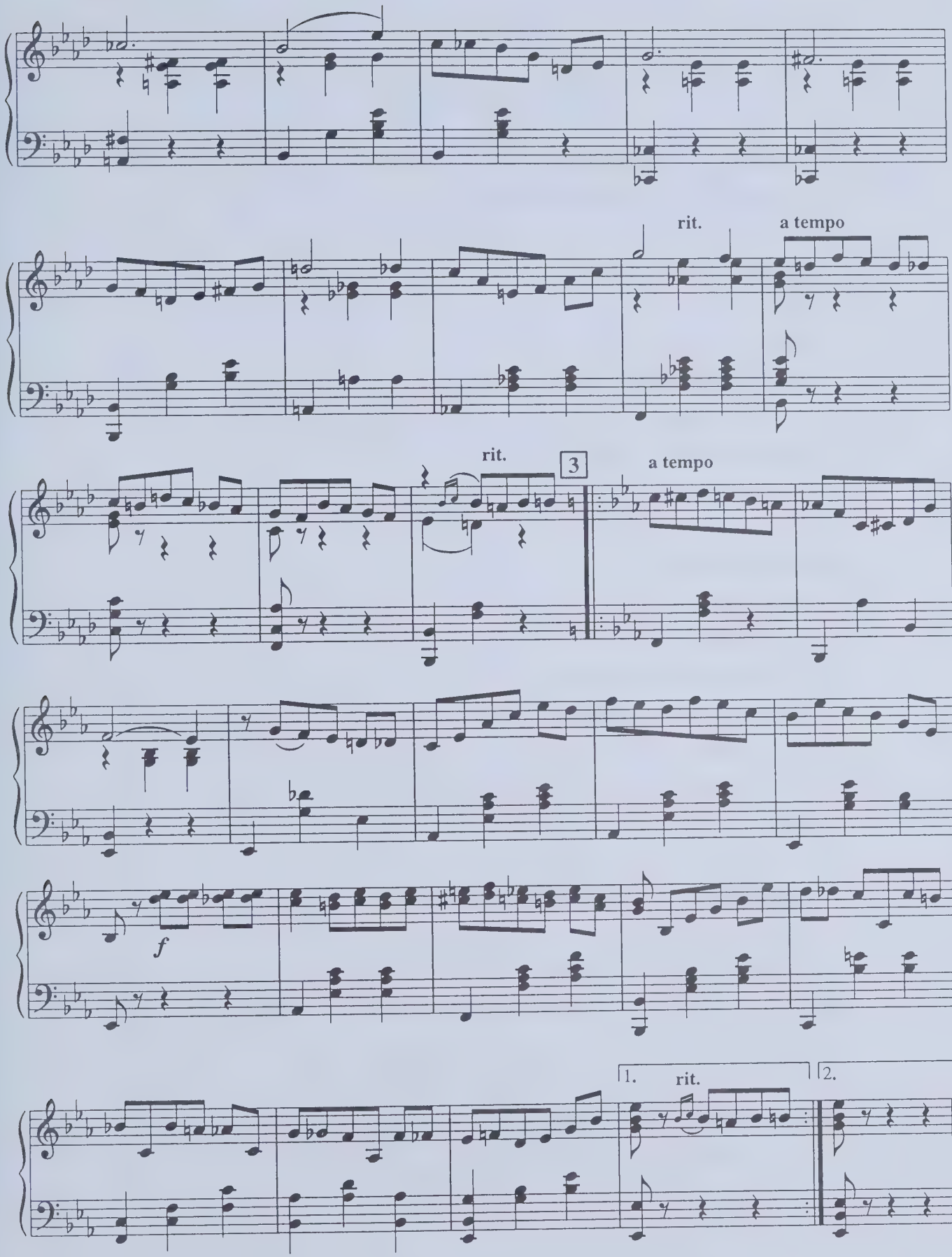

5
5
ff
Pesante (meno mosso)
8
10
fff



ВАЛЬС
из кинофильма "Волга-Волга"




f
2
1.
(вибрафон)
rit.
2.


rit.
a tempo
rit.
3
a tempo
f
1.
rit.
2.

Содержание

ВАЛЬС БЕЗ НАЗВАНИЯ. Музыка И. Дунаевского 13
ПРЕЛЮДИЯ В СТАРИННОМ СТИЛЕ 16
САРАБАНДА 18
ИЗ ЮНОШЕСКОЙ ТЕТРАДИ:
Вальс 18
Полька 20
Хаотический вальс 21
"В ЛУННОМ СВЕТЕ". Из музыкальных набросков к пьесе неустановленного автора:
а) Интродукция 24
б) Вальс 27
КУКОЛЬНЫЙ МАРШ 29
БАБОЧКИН МЕНУЭТ 31
ТРИ ПАРОДИИ:
1. Французская шансонетка 32
2. Немецкая шансонетка 35
3. Английская шансонетка 38
ИЗ МУЗЫКИ К ПЬЕСЕ Л. ЛЕОНОВА "ПОЛОВЧАНСКИЕ САДЫ":
Вальс 41
Полька 43
Сентиментальный вальс 45
Румба 47
Бурный вальс 51
ГАВАЙИ. Блюз из хореографического представления "Синкопика" ... 54
ПЛОТ. Из кинофильма "Дети капитана Гранта" 58
ВАЛЬС из кинофильма "Дети капитана Гранта" 62
ЕВРЕЙСКИЙ ТАНЕЦ из кинофильма "Искатели счастья" 65
ВАЛЬС из кинофильма "Волга-Волга" 69

Нотное издание

ИСААК ДУНАЕВСКИЙ В ГОСТЯХ
У МИХАИЛА БУЛГАКОВА

Пьесы для фортепиано

Составление и общая редакция
Н. Шафёра и Л. Топорковой

Редактор С. Мага
Лит. редактор Т. Дремова
Техн. редактор О. Кузнецова

Лицензия № 009.196 ЛК № 000315

Н/К

Форм. бум. 60x84$^{1}/_{8}$. Печ. л. 9,0.
Уч.-изд. л. 9,9. Изд. № 10354.
Цена договорная.

Издательский Дом "Композитор"
103006, Москва, К-6, Садовая-Триумфальная ул., 14-12

Заказ 139.
115598, Москва, ул. Ягодная, 12
Типография Россельхозакадемии